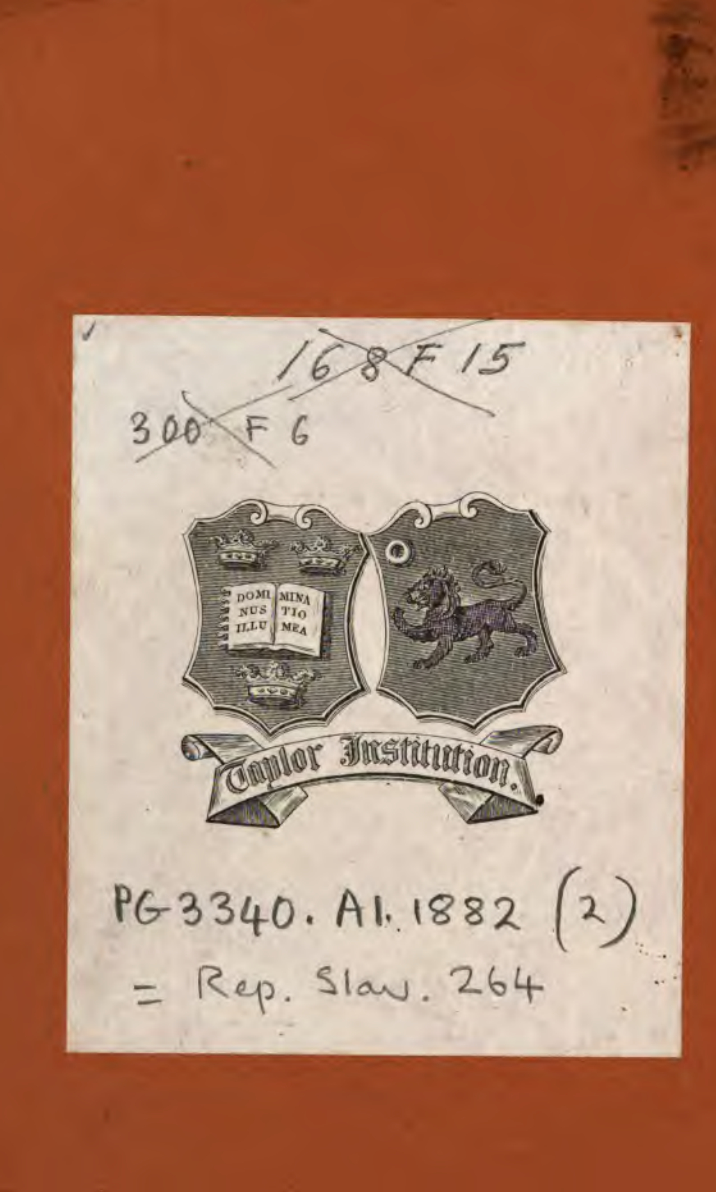
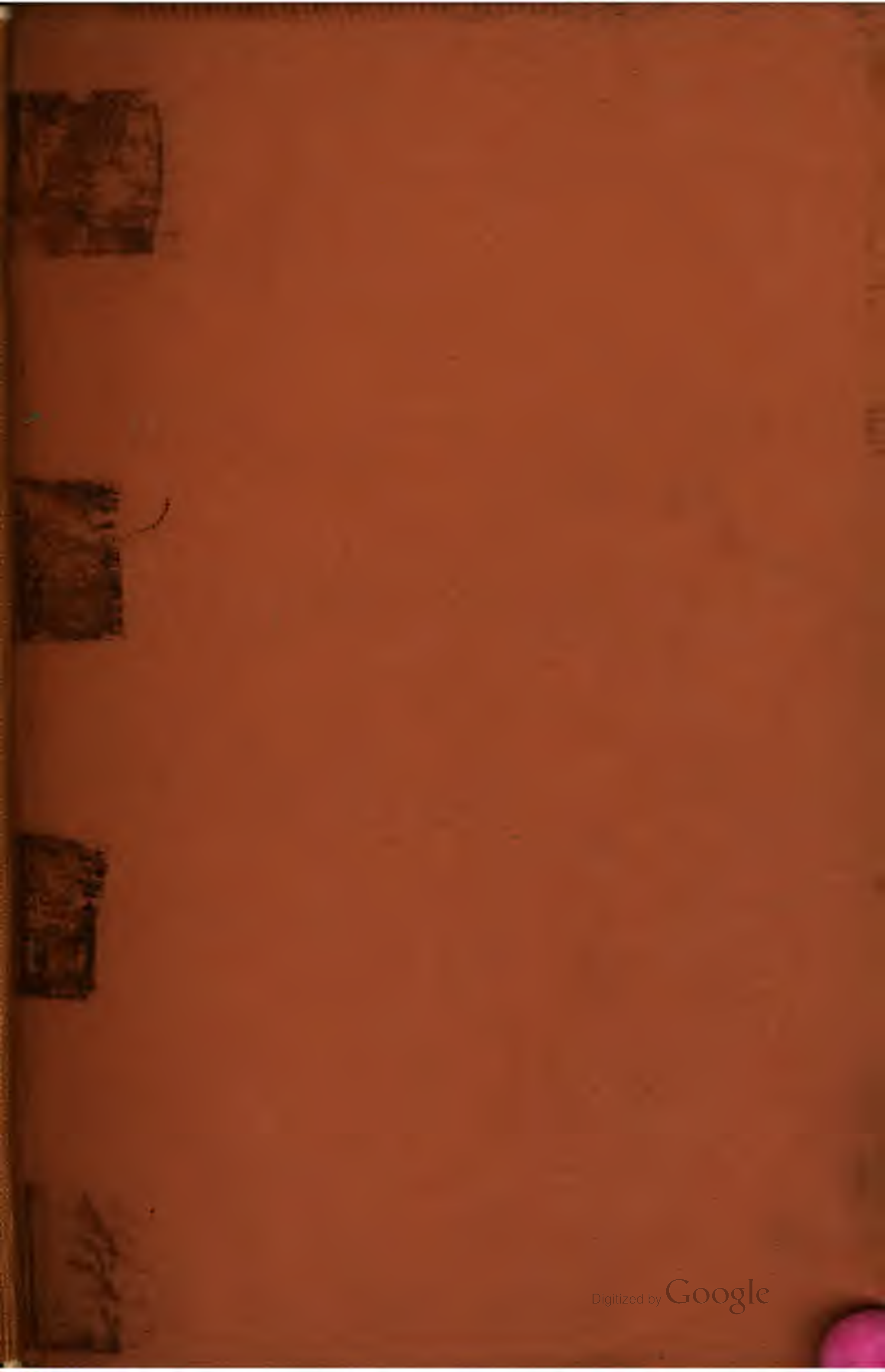


DOMI NUS ILLU
MINA TIO MEA
Taylor Institution.



СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

ИЗДАНІЕ ОСЬМОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

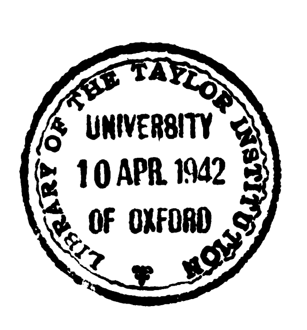
П. А. ЕФРЕМОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1825—1830 ГОДОВЪ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ. НУЛИНЪ. ПОЛТАВА. ГАЛУБЪ. ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА АНСКАГО.
1882.



Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, въ Москвѣ,
на Арбатѣ, въ домѣ Карвинской.

1825.

—

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

[посвящено н. н. раевскому].

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait....

Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,

Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

*

Поднялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ.

Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ.[1]

Заутра казнь — привычный пиръ народу;
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу —
Не измѣнилась до конца!

«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило;
Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли.
Уже въ безсмертный пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ;
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
И мы воскликнули: «блаженство!»....
О горе! о безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами

[1] Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
Anime le soir d'un beau jour.
Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
[V. Les derniers vers d'André Chénier].

Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ!...
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! нѣтъ, не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа —
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой....
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой —
И вновь твои враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ;
Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ....
Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минетъ...

«Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за власы
Надъ равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
Но, други, если обо мнѣ
Священно вамъ воспоминанье,
Исполните мое послѣднее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;
Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье;
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье:
О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ

Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
Разнообразныя, завѣтныя преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
Всю жизнь мою хранятъ. У Авеля, у Фанни,[1]
Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падетъ: мой недозрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрной,
И долго слушая, скажите: «это онъ!
Вотъ рѣчь его!» А я, забывъ могильный сонъ,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь.... И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть, и Узница моя,[2]
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая....»

Но пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой,
Пора весны его съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ.... Красавицъ томны очи,
И пѣсни, и пиры, и пламенныя ночи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече.... и стиховъ журчанье излилось:

«Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,

---

[1] У Авеля, у Фанни. Abel doux confident de mes jeunes mistères [El. I]: одинъ изъ друзей А. Ш.; Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

[2] И Узница моя. V. La jeune captive [M-lle de Coigny].

Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
Свободу и друзей, и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣяла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ, и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.
Когда жъ вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ внезапно воспалясь,
Я утромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала,
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
Мнѣ ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать безсильныя бразды?
И что жъ оставлю я? Забытые слѣды
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной,
Ты, слово, звукъ пустой....
«О нѣтъ!
Умолкни, ропотъ малодушной!
Гордись и радуйся, поэтъ:
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ,
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣточъ, грозно пламенѣя.

Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ;[1]
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей самодержавныхъ;
Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву-эвмениду!
Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой,
Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлой.
Гордись, гордись, пѣвецъ! а ты, свирѣпый звѣрь,
Моей главой играй теперь:
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И часъ придетъ.... и онъ ужъ недалекъ:
Падешь, тиранъ! Негодованье
Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
Разбудитъ утомленный рокъ.
Теперь иду.... пора.... но ты ступай за мною;
Я жду тебя!»

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ

---

[1] Voyez ses ïambes. — Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier. [H. de la Touche].

Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры....
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ!
Звучатъ ключи, замки, запоры.
Зовутъ.... Постой, постой; день только, день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа.[1]
Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ.[2]
Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ...[3]
Плачь, муза, плачь!...

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла....
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!...
Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!
Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
Ужъ пламя жадное листы твои пріемлетъ....
Минуту!... Вспыхнули.... пылаютъ.... легкій дымъ
Віясь теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипитъ.... О провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты

---

[1] Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

[2] На роковой телегѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poësie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque. [H. de la Touche].

[3] На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

Бѣлѣютъ.... Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милой,
Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди....

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты сча́стливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда.... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ.... Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ,
И все передо мной затмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,

Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья.[1]

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, вакхальны припѣвы!
Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно,
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

***

[ЕВПР. НИКОЛ. ВУЛЬФЪ].

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.

---

[1] Вѣроятно той же особѣ посвященъ черновой набросокъ, сохранившійся въ бумагахъ поэта:

«Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.»
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни,
Произносилъ я горестныя пѣни;
«Все кончено» — я слышу твой отвѣтъ.

Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

САФО.

Счастливый юноша; ты всѣмъ меня плѣнилъ:
Душою гордою, и пылкой, и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣстъ я ни слова....
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любаго:
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный —
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

[25 января 1825].

НАЧАЛО СКАЗКИ.

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго —
Выходила медвѣдиха,
Съ малыми дѣтушками-медвѣжатами,
Поиграть, погулять, себя показать.
Сѣла медвѣдиха подъ березкой;
Стали медвѣжата промежъ собой играти,
Обниматися, боротися,

Боротися, да кувыркатися.
Отколь ни возьмись мужикъ идетъ:
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечами.
Какъ завидѣла медвѣдиха
Мужика съ рогатиной,
Заревѣла медвѣдиха,
Стала кликать дѣтушекъ,
Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
«Ахъ, вы дѣтушки, медвѣжатушки!
Перестаньте валятися,
Обниматися, кувыркатися!
Становитесь, хоронитесь за меня:
Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
Я сама мужику брюхо вырмъ!»
Медвѣжатушки испужалися,
За медвѣдиху побросалися,
А медвѣдиха осержалася—
На дыбы поднималася.
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медвѣдиха о сыру землю;
А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ, да шкуру снималъ,
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшокъ поклалъ,
А поклавши-то домой пошелъ:
«Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ,
Что медвѣжья шуба въ пятьдесятъ рублевъ;
А что вотъ тебѣ подарочекъ
Трои медвѣжатъ по пяти рублевъ.»

Не звоны пошли по городу,
Пошли вѣсти по всему по лѣсу.

Дошли вѣсти до медвѣдя чернобурова,
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Распоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушекъ въ мѣшокъ поклалъ.
Въ ту-пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ
По свою ли сударушку
Чернобурую медвѣдиху;
«Ахъ ты свѣтъ, моя медвѣдиха!
На кого меня покинула?...
Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрывати,
Милыхъ дѣтушекъ не родити,
Медвѣжатушекъ не качати,
Не качати, не баюкати!»
Въ ту-пору звѣри собиралися
Ко тому ли медвѣдю, ко боярину;
Прибѣгали звѣри бо́льшіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки мѐньшіе.
Прибѣгалъ тутъ волкъ-дворянинъ;
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость,
У него-то бобра жирный хвостъ.
Приходила ласочка-дворяночка,
Приходила бѣлочка-княгиничка,
Приходила лисица-подъячиха —
Подъячиха, казначеиха.
Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
Прибѣгалъ тутъ зайка-смердъ,
Зайка бѣдненькой, зайка сѣренькой.
Приходилъ цѣловальникъ-ёжъ:
Все-то онъ ёжъ ёжится,
Все-то онъ щетинится...

. . . .

———

ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА!

[НА М. Т. КАЧЕНОВСКАГО].

Какъ! живъ еще курилка-журналистъ? —
Живехонекъ! все также сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ:
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ, и вздорную новинку.—
Фу! надоѣлъ курилка-журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ. — Да.... плюнуть на него.

[Май 1825].

КОЗЛОВУ.

[ПО ПОЛУЧЕНІИ ОТЪ НЕГО «ЧЕРНЕЦА»].

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,

Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣтъ, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

[Май 1825].

КЛЕОПАТРА.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Сердца неслись къ ея престолу;
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой....

И пышный пиръ какъ будто дремлетъ:
Безмолвны гости, хоръ молчитъ;
Но вновь она чело подъемлетъ
И съ видомъ яснымъ говоритъ:
«Въ моей любви для васъ блаженство;
Блаженство можно вамъ купить...
Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?»

Рекла — и ужасъ всѣхъ объемлетъ,
И страстью дрогнули сердца — —
Она смущенный ропотъ внемлетъ
Съ холодной дерзостью лица,
И взоръ презрительный обводитъ

Кругомъ поклонниковъ своихъ...
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
Смѣла ихъ поступь, ясны очи;
Она навстрѣчу имъ встаетъ.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.

Благословенные жрецами,
Теперь изъ урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой:
И первый — Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ римскихъ посѣдѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья;
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура. —
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно отѣнялъ;
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ....
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.

«Клянусь.... о, матерь наслажденій,
Тебѣ неслыханно служу:

На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари
И боги грознаго аида,
Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю!
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ!»

И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій фиміамъ:
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ:
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блистаетъ ложе золотое.
. . . .

П. А. ОСИПОВОЙ.

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ,
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Но и въ дали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней.

Когда померкнетъ ясный день,
Одна, изъ глубины могильной,
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильной.

Село Михайловское. 25 іюня 1825.

КЪ А. П. КЕРНЪ.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной,
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Михайловское. 1825. XIX іюля.

EX UNGUE LEONEM.

[НА КАЧЕНОВСКАГО].

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

[Іюнь 1825].

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей риѳмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую —
И горе нашему врагу!

ДВИЖЕНІЕ.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.

ДРУЖБА.

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчитъ, и свищетъ, и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердитъ,
И эхо вслѣдъ за нею тоже:
Накуковали намъ тоску.
Хоть убѣжать! Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

СОВѢТЪ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой;
Сердиться грѣхъ — но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворно эпиграмой.

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

[П. А. ОСИПОВОЙ].

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

16 октября 1825.

Н. С. МОРДВИНОВУ.

[ОТРЫВОКЪ].

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
И Пинда острыя вершины.[1]

---

[1] Поэтъ Василій Петровичъ Петровъ.

Въ то время ты вставалъ; твой лучъ его согрѣлъ:
Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья и зѣницы —
И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ
Во срѣтенье твоей денницы.

Мордвиновъ! не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцита.
Ты лиру оправдалъ: ты ввѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго піита!....

Какъ славно ты сдержалъ пророчество его!
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ, недвижимъ у мѣста своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой!

Такъ. . . . съ вершины горъ скатясь,
Стоитъ сѣдой утесъ. Вотще брега трепещутъ,
Вотще грохочетъ громъ, и волны вкругъ мутясь
И увиваются, и плещутъ.

Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною;
Вдовицы бѣдный лептъ, и дань сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою....

---

19 ОКТЯБРЯ 1825.

1.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.

2.

Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое не слышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

3.

Я пью одинъ, и на брегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ....
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

4.

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.[1]

5.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?

---

[1] Н. А. Корсаковъ.

Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь!... Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя! [1]

6.

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

7.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ —
Непоколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село.

---

[1] Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ. Къ нему относили прежде слѣдующее начало черноваго посланія, которое, какъ теперь оказывается, написано въ Кишиневѣ еще въ 1821 г., когда двадцатилѣтній Матюшкинъ никакъ не могъ быть названъ «въ буряхъ посѣдѣлымъ» [Р. Архивъ 1881, I]:

«Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
Спокойной пристани давно ли ты достигъ,
Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обветшалой:
Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталый!...»

8.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой....
Съ мольбой моей, печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

9.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лицея превратилъ![1]

10.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — Фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.

---

[1] Онъ провелъ у Пушкина только одинъ день, 11 января 1825. Слѣдъ этого посѣщенія сохранился въ черновомъ наброскѣ стиховъ:

Стрекотунья бѣлобока
Подъ калиткою моей
Скачетъ пестрая сорока
И пророчитъ мнѣ гостей.
Колокольчикъ небывалый
У меня звенитъ въ ушахъ....
Лучъ зари сіяетъ алый....
Серебрится снѣжный прахъ.

Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

11.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

12.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

13.

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты....
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ,[1] не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

---

1 Кюхельбекеръ.

14.

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
Приди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

15.

Пора и мнѣ.... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ — и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ — и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ, и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

16.

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

17.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ;
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальный сиротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;

Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему....
Кому жъ изъ насъ подъ старость день лицея
Торжествовать придется одному?

18.

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой....
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

ЖЕНИХЪ.

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышетъ.

Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,
И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

Разъ у тесовыхъ у воротъ,
  Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица — и вотъ
  Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
  Въ саняхъ онъ стоя правитъ
  И гонитъ всѣхъ и давитъ.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
  Наташа поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
  Наташа помертвѣла.
Стремглавъ домой она бѣжитъ:
Онъ! онъ! узнала! говоритъ,
  Онъ, точно онъ! держите,
  Друзья мои, спасите!

Печально слушаетъ семья,
  Качая головою;
Отецъ ей: «милая моя,
  Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя, скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи.»
  Наташа плачетъ снова.
  И болѣе ни слова.

Наутро сваха къ нимъ на дворъ
  Нежданая приходитъ.
Наташу хвалитъ, разговоръ
  Съ отцомъ ея заводитъ:
«У васъ товаръ, у насъ купецъ;
Собою парень молодецъ,
  И статной, и проворной,
  Не вздорной, не зазорной.

«Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
  Не кланяется въ поясъ,

А какъ бояринъ между тѣмъ
Живетъ, не безпокоясь;
А подаритъ невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.

«Катаясь, видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами;
Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами!»
Она сидитъ за пирогомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.

«Согласенъ, говоритъ отецъ;
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все касаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить.»

Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочетъ —
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ, и хохочетъ.
Въ смятеньи сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студеною поитъ
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа,

И говоритъ: «послушна я,
  Святая воля ваша.
Зовите жениха на пиръ,
Пеките хлѣбы на весь міръ,
  На славу медъ варите,
  Да судъ на пиръ зовите.»

«Изволь, Наташа, ангелъ мой!
  Готовъ тебѣ въ забаву
И жизнь отдать!» — И пиръ горой;
  Пекутъ, варятъ на славу.
Вотъ гости честные нашли;
За столъ невѣсту повели;
  Поютъ подружки, плачутъ;
  А вотъ и сани скачутъ.

Вотъ и женихъ — и всѣ за столъ.
  Звенятъ, гремятъ стаканы.
Заздравный ковшъ кругомъ пошолъ;
  Всё шумно, гости пьяны.
Женихъ. «А что же, милые друзья,
Невѣста красная моя
  Не пьетъ, не ѣстъ, не служитъ:
  О чемъ невѣста тужитъ?»

Невѣста жениху въ отвѣтъ:
  «Откроюсь на удачу.
Душѣ моей покоя нѣтъ,
  И день и ночь я плачу:
Недобрый сонъ меня крушитъ.»
Отецъ ей: «что жъ твой сонъ гласитъ?
  Скажи намъ, что такое,
  Дитя мое родное?»

«Мнѣ снилось, говоритъ она,
  Зашла я въ лѣсъ дремучій,

И было поздно; чуть луна
Свѣтила изъ-за тучи;
Съ тропинки сбилась я: въ глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли.

«И вдругъ, какъ будто наяву,
Изба передо мною.
Я къ ней; стучу — молчатъ; зову —
Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу —
Вездѣ сребро, да злато,
Все свѣтло и богато.»

Женихъ. «А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Знать жить тебѣ богато.»
Невѣста. «Постой, сударь, не конченъ онъ.
На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась,
И диву дивовалась.

«Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ....
Подъѣхали къ крылечку.
Я поскорѣе дверью хлопъ,
И спряталась за печку.
Вотъ слышу много голосовъ....
Взошли двѣнадцать молодцовъ,
И съ ними голубица
Красавица-дѣвица.

«Взошли толпой, не поклонясь,
Иконъ не замѣчая;

За столъ садятся, не молясь,
И шапокъ не снимая.
На первомъ мѣстѣ братъ большой,
По праву руку братъ меньшой,
По лѣву голубица
Красавица-дѣвица.

«Крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье....»
Женихъ. «А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Вѣщаетъ онъ веселье.»
Невѣста. «Постой, сударь, не конченъ онъ.
Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ.
Пиръ весело бушуетъ,
Лишь дѣвица горюетъ.

«Сидитъ, молчитъ, не ѣстъ, не пьетъ,
И токомъ слезы точитъ,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая точитъ;
Глядитъ на дѣвицу-красу,
И вдругъ хватаетъ за косу,
Злодѣй дѣвицу губитъ,
Ей праву руку рубитъ.»

«Ну, это, говоритъ женихъ,
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица.»
Она глядитъ ему въ лицо.
«А это съ чьей руки кольцо?»
Вдругъ молвила невѣста,
И всѣ привстали съ мѣста.

Кольцо катится и звенитъ,
Женихъ дрожитъ, блѣднѣя;

Смутились гости — судъ гласитъ:
Держи, вязать злодѣя!
Злодѣй окованъ, обличенъ,
И скоро смертію казненъ.
Прославилась Наташа!
И вся тутъ пѣсня наша.

ПОДРАЖАНІЯ

ПѢСНѢ ПѢСНЕЙ.

1.

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня, твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почію безмятежной,
Пока дохнетъ веселый день
И двигнется ночная тѣнь.

[гл. 1, ст. 1—3].

2.

«Вертоградъ моей сестры,
Вертоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный».

—У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣетъ аквилонъ,
И закаплютъ ароматы.

[гл. 4, ст. 12—17].

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ.
Се — ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
Гнетъ, ломитъ древеса; исторженные пни
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на кострѣ онъ въ небо взоръ возводитъ.
Подъ мышцей палица, въ ногахъ немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;
Треща горитъ костеръ, и вскорѣ пламя, воя,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.

1825.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ

Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя, гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

1825.

Н. Н.

при посылкѣ ей невскаго альманаха.

Примите Невскій Альманахъ,
Онъ милъ и въ прозѣ, и въ стихахъ:
Вы тутъ найдете Полевова,
Великопольскаго, Хвостова;
Княжевичъ, дальній вашъ родня,
Украсилъ также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра?... Дымъ и прахъ.

Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!...
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ.

КЪ БАРАТЫНСКОМУ.

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ какъ червонецъ.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зоилъ прямой чухонецъ.

БУРЯ.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ,
И небо въ блескахъ, безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

[1598 года, 20 февраля].

князья шуйскій и воротынскій.

воротынскій.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

шуйскій.

Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами править
По прежнему.

воротынскій.

Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.

Ни патріархъ, ни думные бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица,
Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что, ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

ШУЙСКІЙ.

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если такъ, Димитрій могъ бы жить.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Ужасное злодѣйство! Полно точно ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

ШУЙСКІЙ.

А кто же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали;
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

ШУЙСКІЙ.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданой;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Нечисто, князь.

ШУЙСКІЙ.

А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Өеодору? Но царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова:
Пускай его бъ увѣрилъ я во всемъ;
Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
А тамъ меня жъ сослали бъ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бъ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ не трусъ, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
Губителя раскаянье тревожитъ:
Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

ШУЙСКІЙ.

Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха....

ВОРОТЫНСКІЙ.

Такъ; родомъ онъ не знатенъ; мы знатнѣе.

ШУЙСКІЙ.

Да, кажется.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій....
Легко сказать, природные князья.

ШУЙСКІЙ.

Природные, и Рюриковой крови.

ВОРОТЫНСКІЙ.

А слушай, князь, вѣдь мы бъ имѣли право
Наслѣдовать Ѳеодору.

ШУЙСКІЙ.

Да, болѣ,
Чѣмъ Годуновъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

ШУЙСКІЙ.

Что жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова,
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ цари любаго изберутъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Не мало насъ, наслѣдниковъ варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

ШУЙСКІЙ [глядитъ въ окно].

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы.... Но полно. Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

ОДИНЪ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, бояръ и патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.

ДРУГОЙ.

О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

ТРЕТІЙ.

Да вотъ верховный дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье думы.

НАРОДЪ.

Молчать! молчать! Дьякъ думной говоритъ;
Ш-ш — слушайте!

ЩЕЛКАЛОВЪ [съ Краснаго крыльца].

Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною правителя душой.
Заутра вновь святѣйшій патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебенъ,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ иконами Владимірской, Донской,
Воздвижется, а съ нимъ синклитъ, бояре,
Да сонмъ дворянъ, да выборные люди
И весь народъ московскій православный,

Мы всѣ пойдемъ молить царицу вновь,
Да сжалится надъ сирою Москвой
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитеся, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

[Народъ расходится].

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ. НАРОДЪ.

ОДИНЪ.

Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и патріархъ
Съ толпой бояръ.

ДРУГОЙ.

Что слышно?

ТРЕТІЙ.

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

БАБА [съ ребенкомъ].

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу.... не плачь.

ОДИНЪ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

ДРУГОЙ.

Нельзя. Куды! и въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

ПЕРВЫЙ.

Право, любо!

ОДИНЪ.

Что тамъ за шумъ?

ДРУГОЙ.

Послушай.... что за шумъ?
Народъ завылъ: тамъ падаютъ что волны
За рядомъ рядъ.... еще.... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе на колѣна!

НАРОДЪ [на колѣнахъ; вой и плачъ].

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

ОДИНЪ [тихо].

О чемъ тамъ плачутъ?

ДРУГОЙ.

А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре —
Не намъ чета.

БАБА [съ ребенкомъ].

Ну, что жъ? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!... вотъ бука!
Плачь, баловень! [Ребенокъ плачетъ]. Ну, то-то же!

ОДИНЪ.

Всѣ плачутъ —
Заплачемъ, братъ, и мы!

ДРУГОЙ.

Да слезъ-то нѣтъ.
Что тамъ еще?

ПЕРВЫЙ.

Да кто ихъ разберетъ!

НАРОДЪ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ царь! онъ согласился!...
Борисъ нашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРІАРХЪ, БОЯРЕ.

БОРИСЪ.

Ты, отче патріархъ, вы всѣ бояре!
Обнажена душа моя предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
Наслѣдую и ангелу-царю!...
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
 Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре,
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Не избранный еще народной волей.

БОЯРЕ.

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

БОРИСЪ.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

[Уходитъ; за нимъ и бояре].

КНЯЗЬ ВОРОТЫНСКІЙ [останавливая Шуйскаго].

Ты угадалъ.

ШУЙСКІЙ.

А что?

ВОРОТЫНСКІЙ.

Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, не помню ничего.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ —

ШУЙСКІЙ.

Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ — народъ привѣтствуетъ царя —
Отсутствіе мое замѣтить могутъ —
Иду за нимъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.

[1603 года].

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРІЙ [спящій].

ПИМЕНЪ [пишетъ передъ лампадой].

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ

И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною....
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!...
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье. [Пишетъ]. *

ГРИГОРІЙ [пробуждается].

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? Въ третій разъ!
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой

* Вмѣсто 18-го и 19-го стиховъ въ рукописи прежде было:
Передо мной опять выходятъ люди,
Уже давно покинувшіе міръ,
Властители, которымъ былъ покоренъ,
И недруги, и старые друзья —
Товарищи моей цвѣтущей жизни....
Какъ ласки ихъ мнѣ радостны бывали,
Какъ живо жгли мнѣ сердце ихъ обиды!
Но гдѣ же ихъ знакомый ликъ и страсти?
Чуть-чуть ихъ слѣдъ ложится легкой тѣнью —
И мнѣ давно, давно пора за ними!...

Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый....
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

ПИМЕНЪ.

Проснулся, братъ.

ГРИГОРІЙ.

Благослови меня,
Честный отецъ.

ПИМЕНЪ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

ГРИГОРІЙ.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось —

И падая стремглавъ, я пробуждался....
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

ПИМЕНЪ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

ГРИГОРІЙ.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ? а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

ПИМЕНЪ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,

Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
[Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ], здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ:
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ преступникъ окаянный
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши.»
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ

Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась — а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ....
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ —
Ужъ не видать такого намъ царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

ГРИГОРІЙ.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

ПИМЕНЪ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,

Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ — а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ остервенясь волочитъ
Безбожную предательницу-мамку....
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ:
«Покайтеся!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

ГРИГОРІЙ.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

ПИМЕНЪ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было —
[Тому прошло ужъ десять лѣтъ.... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ] — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,

Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду.... Но звонятъ
Къ заутренѣ.... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костыль, Григорій.

[Уходитъ].

ГРИГОРІЙ.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.*

ПАЛАТЫ ПАТРІАРХА.

ПАТРІАРХЪ, ИГУМЕНЪ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

ПАТРІАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, отецъ игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Убѣжалъ, святый владыка, вотъ ужъ тому третій день.

ПАТРІАРХЪ.

Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

ИГУМЕНЪ.

Изъ роду Отрёпьевыхъ, галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его

---

* Послѣ этого въ рукописи слѣдовала сцена, откинутая авторомъ: «Монастырская ограда». Она помѣщена ниже, въ концѣ пьесы.

подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но знать грамота далася ему не отъ Господа Бога....

ПАТРІАРХЪ.

Ужъ эти мнѣ грамотеи! Что еще выдумалъ! буду царемъ на Москвѣ! Ахъ онъ сосудъ діавольскій! Однако нечего царю и докладывать объ этомъ; что тревожить отца-государя? Довольно будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву. Этака ересь! буду царемъ на Москвѣ!... Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Ересь, святый владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ государь?

ВТОРОЙ.

Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ; вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

ВТОРОЙ.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ угрюмъ!

[Уходятъ].

ЦАРЬ [входитъ].

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха....
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ — я всѣхъ убійца тайный:

Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную.... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть—
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ....
И радъ бѣжать, да некуда.... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЪ И ВАРЛААМЪ, бродяги въ видѣ чернецовъ; ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ міряниномъ; ХОЗЯЙКА.

ХОЗЯЙКА.

Чѣмъ-то мнѣ васъ подчивать, старцы честные?

ВАРЛААМЪ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяюшка. Нѣтъ ли вина?

ХОЗЯЙКА.

Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу.

[Уходитъ].

МИСАИЛЪ.

Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

ГРИГОРІЙ.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

ВАРЛААМЪ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаилъ да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино.... да вотъ и оно!...

МИСАИЛЪ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

ХОЗЯЙКА [входитъ].

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

МИСАИЛЪ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. [Пьютъ. Варлаамъ затягиваетъ пѣсню: «Какъ во городѣ было во Казани....»]. Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЪ.

Вольному воля....

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отецъ Мисаилъ! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку..., [Пьетъ].

Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю: иное дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ — нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

ГРИГОРІЙ.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!... Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

ВАРЛААМЪ.

А что мнѣ про себя разумѣть?

МИСАИЛЪ.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

ВАРЛААМЪ.

Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и и спѣсивится.

[Пьетъ и поетъ: «Молодой чернецъ постригся»].

ГРИГОРІЙ [хозяйкѣ].

Куда ведетъ эта дорога?

ХОЗЯЙКА.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

ГРИГОРІЙ.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

ХОЗЯЙКА.

Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія, да сторожевые приставы.

ГРИГОРІЙ.

Какъ, заставы! что это значитъ?

ХОЗЯЙКА.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать, да осматривать.

ГРИГОРІЙ [про себя].

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день.* [Вслухъ]. Да кого жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

ХОЗЯЙКА.

А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? Ничего; ни лысаго бѣса не поймаютъ:

---

* Въ рукописи послѣ этихъ словъ было еще:

ВАРЛААМЪ. Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать не нужна тебѣ водка, а нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло! У всякаго свой обычай, а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка — пьемъ до донушка; выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ.

МИСАИЛЪ. Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

будто въ Литву нѣтъ и другаго пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякой мальчишка доведетъ до Луёвыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняютъ прохожихъ, да обираютъ насъ, бѣдныхъ. [Слышенъ шумъ]. Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они, проклятые! дозоромъ идутъ.

ГРИГОРІЙ.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другаго угла?

ХОЗЯЙКА.

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина, и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть, окаяннымъ! чтобъ имъ....

[Входятъ приставы].

ПРИСТАВЪ.

Здорово, хозяйка!

ХОЗЯЙКА.

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ!

ОДИНЪ ПРИСТАВЪ [другому].

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. [Монахамъ]. Вы что за люди?

ВАРЛААМЪ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь.

ПРИСТАВЪ [Григорію].

А ты?

МИСАИЛЪ.

Нашъ товарищъ....

ГРИГОРІЙ.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселѣ иду во-свояси.

МИСАИЛЪ.

Такъ ты раздумалъ....

ГРИГОРІЙ [тихо].

Молчи.

ПРИСТАВЪ.

Хозяйка, выставь-ко еще вина; а мы здѣсь со старцами попьемъ, да побесѣдуемъ.

ДРУГОЙ ПРИСТАВЪ [тихо].

Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы....

ПЕРВЫЙ.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. — Что, отцы мои, каково промышляете?

ВАРЛААМЪ.

Плохо, сыне, плохо! нынѣ христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Пріиде грѣхъ велій на языцы земніи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешь въ мошонку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьешь; бѣда да и только. — Охъ, плохо, знать пришли наши послѣднія времена....

ХОЗЯЙКА [плачетъ].

Господь помилуй и спаси!

[Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый приставъ значительно всматривается въ Мисаила].

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алеха! при тебѣ ли царскій указъ?

ВТОРОЙ.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

Подай-ко сюда.

МИСАИЛЪ.

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

МИСАИЛЪ.

Не слыхалъ.

ПРИСТАВЪ.

Не слыхалъ? Ладно. А того бѣглаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

МИСАИЛЪ.

Не знаю.

ПРИСТАВЪ [Варлааму].

Умѣешь ли ты читать?

ВАРЛААМЪ.

Смолоду зналъ, да разучился.

ПРИСТАВЪ [Мисаилу].

А ты?

МИСАИЛЪ.

Не умудрилъ Господь.

ПРИСТАВЪ.

Такъ вотъ тебѣ царскій указъ.

МИСАИЛЪ.

На что мнѣ его?

ПРИСТАВЪ.

Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

МИСАИЛЪ.

Я? Помилуй! что ты!

ПРИСТАВЪ.

Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

ХОЗЯЙКА.

Ахъ они окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставятъ!

ПРИСТАВЪ.

Кто здѣсь грамотный?

ГРИГОРІЙ [выступаетъ впередъ].

Я грамотный.

ПРИСТАВЪ.

Вотъ на.... А у кого же ты научился?

ГРИГОРІЙ.

У нашего пономаря.

ПРИСТАВЪ [даетъ ему указъ].

Читай же вслухъ.

ГРИГОРІЙ [читаетъ].

«Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, оканнный Гришка, къ границѣ Литовской....»

ПРИСТАВЪ [Мисаилу].

Какъ же не ты?

ГРИГОРІЙ.

«И царь повелѣлъ изловить его....»

ПРИСТАВЪ.

И повѣсить!

ГРИГОРІЙ.

Тутъ не сказано: повѣсить.

ПРИСТАВЪ.

Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

ГРИГОРІЙ.

«И повѣсить. А лѣтъ ему вору Гришкѣ отъ роду....

[смотря на Варлаама] за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣетъ плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое.»

[Всѣ глядятъ на Варлаама].

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

ВАРЛААМЪ [вырывая бумагу].

Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходитъ. [Читаетъ по складамъ]. «А лѣтъ е-му отъ ро-ду 20».— Что, братъ, гдѣ тутъ 50? видишь — 20?

ВТОРОЙ ПРИСТАВЪ.

Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ [Григорію].

Да ты, братъ, видно забавникъ.

[Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя голову, съ рукою за пазухой].

ВАРЛААМЪ [продолжаетъ].

«А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая». Да это, другъ, ужъ не ты ли?

[Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно].

ПРИСТАВЫ.

Держи! держи!

[Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ].

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

ШУЙСКІЙ, множество гостей; ужинъ.

ШУЙСКІЙ.

Вина еще! [Встаетъ, за нимъ и всѣ]. Ну, гости дорогіе,
Послѣдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ государѣ,
Объ избранномъ тобой благочестивомъ,
Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
Подай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря.
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ, и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистощимой
Проистекутъ источники на насъ;
И царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся тебѣ, царю небесъ.

ШУЙСКІЙ [пьетъ].

Да здравствуетъ великій государь!
Простите же вы, гости дорогіе;
Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.

[Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до дверей].

ПУШКИНЪ.

Насилу убрались; ну, князь Василій Ивановичъ, я ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

ШУЙСКІЙ [слугамъ].

Вы, что ротъ разинули? Все бы вамъ господъ подслушивать. Сбирайте со стола, да ступайте вонъ.—Что такое, Аѳанасій Михайловичъ?

ПУШКИНЪ.

Чудеса да и только!
Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

ШУЙСКІЙ.

Ну.

ПУШКИНЪ.

Странную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Грознаго.... Постой. [Идетъ къ дверямъ и осматриваетъ].
Державный отрокъ,
По манію Бориса убіенный....

ШУЙСКІЙ.

Да это ужъ не ново.

ПУШКИНЪ.

Погоди:
Димитрій живъ.

ШУЙСКІЙ.

Вотъ-на! какая вѣсть!
Царевичъ живъ! Ну, подлинно чудесно!
И только-то.

ПУШКИНЪ.

Послушай до конца:
Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

ШУЙСКІЙ.

Не можетъ быть.

ПУШКИНЪ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,

Какъ пріѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды литовскихъ пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату короля.

ШУЙСКІЙ.

Кто жъ онъ такой? Откуда онъ?

ПУШКИНЪ.

Не знаютъ;
Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

ШУЙСКІЙ.

Что жъ говорятъ объ этомъ удальцѣ?

ПУШКИНЪ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ —
И, говорятъ, помогу обѣщалъ.

ШУЙСКІЙ.

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

ПУШКИНЪ.

Такой грозѣ, что врядъ царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ правитъ нами,
Какъ царь Иванъ [не къ ночи будь помянутъ].
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,

Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ, иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца! радъ не радъ,
Корми его! не смѣй переманить
Работника! не то — въ приказъ холопій.
Ну, слыхано ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

ШУЙСКІЙ.

Правъ ты, Пушкинъ.
Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

ПУШКИНЪ.

Вѣстимо,
Знай про себя. Ты человѣкъ разумный;

Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подъ часъ тревожитъ,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому жъ твой медъ, да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мой развязали....
Прощай же, князь.

ШУЙСКІЙ.

Прощай, братъ, до свиданья.

[Провожаетъ Пушкина].

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ чертитъ географическую карту. ЦАРЕВНА, МАМКА царевны.

КСЕНІЯ [цѣлуетъ портретъ]. *

Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ; никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

МАМКА.

И, царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой же-

---

* Въ рукописи сцена эта начиналась такъ:

КСЕНІЯ [держитъ портретъ].

Что жъ уста твои
Не промолвили,
Очи ясныя
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясныя
Закатилися.

Братецъ, а братецъ! скажи: королевичъ похожъ былъ на мой образокъ?

ѲЕОДОРЪ.

Я говорю тебѣ, что похожъ.

[Далѣе, какъ напечатано въ текстѣ].

нихъ и прекрасный, и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана королевича.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

[Входитъ Борисъ].

ЦАРЬ.

Что, Ксенія? Что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

ѲЕОДОРЪ.

Чертежъ земли Московской; наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

ЦАРЬ.

А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?

ѲЕОДОРЪ.

Это Волга.

ЦАРЬ.

Какъ хорошо! вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ

Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

[Входитъ Семенъ Годуновъ].

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
[Ксеніи]. Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.

[Ксенія съ мамкою уходятъ].

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь Василья
И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

ЦАРЬ.

Ну.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ — и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

ЦАРЬ.

Гонца схватить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Ужъ послано въ догоню.

ЦАРЬ.

О Шуйскомъ что?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ

Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

ЦАРЬ.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь!
Онъ здѣсь уже.

ЦАРЬ.

Позвать его сюда.

[Годуновъ уходитъ].

ЦАРЬ.

Сношенія съ Литвою! это что?...
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый....

[Входитъ Шуйскій].

Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

ШУЙСКІЙ.

Такъ, государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

ЦАРЬ.

Я слушаю тебя.

ШУЙСКІЙ [тихо, указывая на Ѳеодора].

Но, государь....

ЦАРЬ.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

ШУЙСКІЙ.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть....

ЦАРЬ.

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ?

ШУЙСКІЙ.

Все знаетъ онъ!... Я думалъ государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

ЦАРЬ.

Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.

ШУЙСКІЙ.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что король и паны за него.

ЦАРЬ.

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

ШУЙСКІЙ.

Не вѣдаю.

ЦАРЬ.

Но.... чѣмъ опасенъ онъ?

ШУЙСКІЙ.

Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ:
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

ЦАРЬ.

Димитрія!... Какъ? Этого младенца?
Димитрія!... Царевичъ, удались.

ШУЙСКІЙ.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

ѲЕОДОРЪ.

Государь,
Дозволишь ли...

ЦАРЬ.

Нельзя, мой сынъ, поди.
[Ѳеодоръ уходитъ].
Димитрія!...

ШУЙСКІЙ.

Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ.

Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

ШУЙСКІЙ.

Иду.

ЦАРЬ.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать царей, царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?
Смѣшно? а? что? Что жъ не смѣешься ты?

ШУЙСКІЙ.

Я, государь?...

ЦАРЬ.

Послушай, князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего....
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,

Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

ШУЙСКІЙ.

Клянусь тебѣ....

ЦАРЬ.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ царевичъ?

ШУЙСКІЙ.

Онъ.

ЦАРЬ.

Подумай, князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

ШУЙСКІЙ.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.

Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.

ЦАРЬ.

Довольно, удались.

[Шуйскій уходитъ].

Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась....
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй — и нѣтъ его.
Такъ, рѣшено: не окажу я страха—
Но презирать не должно ничего....
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ И РATEК ЧЕРНИКОВСКІЙ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненья.
Я знаю духъ народа моего;
Въ немъ набожность не знаетъ изступленья:
Ему священъ примѣръ царя его.
Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся восточна церковь
Признаютъ власть намѣстника Петра.

РАТЕК.

Вспомоществуй тебѣ святый Игнатій,
Когда придутъ иныя времена.
А между тѣмъ небесной благодати
Таи въ душѣ, царевичъ, сѣмена;
Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велитъ:
Твои слова, дѣянья — судятъ люди;
Намѣренья единый видитъ Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Amen. Кто тамъ!

[Входитъ слуга].

Сказать: мы принимаемъ.

[Отворяются двери, входитъ толпа русскихъ и поляковъ].

Товарищи! мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю: твой гостепріимный зȁмокъ
И пышностью блистаетъ благородной,
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны;
Но между васъ я вижу новы лица.

ГАВРИЛА ПУШКИНЪ.

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Радъ вамъ, дѣти.

Ко мнѣ, друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ,
Красавецъ сей?

ПУШКИНЪ.

Князь Курбскій.

САМОЗВАНЕЦЪ [Курбскому].

Имя громко!
Ты родственникъ казанскому герою?

КУРБСКІЙ.

Я сынъ его.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ живъ еще?

КУРБСКІЙ.

Нѣтъ, умеръ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Великій умъ! мужъ битвы и совѣта!
Но съ той поры, когда являлся онъ,
Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
Съ литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
Молва объ немъ умолкла.

КУРБСКІЙ.

Мой отецъ
Въ Волыніи провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады;
Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
Онъ юности своей отчизну помнилъ
И до конца по ней онъ тосковалъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Несчастный вождь! какъ ярко просіялъ
Восходъ его шумящей, бурной жизни!
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его съ отечествомъ мирится;
Вины отцовъ не должно вспоминать;
Миръ гробу ихъ! Приближься, Курбскій.... руку!
Не странно ли? сынъ Курбскаго ведетъ

На тронъ, кого? да — сына Іоанна!...
Все за меня: и люди, и судьба.
Ты кто такой?

ПОЛЯКЪ.

Собаньскій, шляхтичъ вольный.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
Впередъ ему треть жалованья выдать.
Но эти кто? Я узнаю на нихъ
Земли родной одежду. Это наши.

ХРУЩОВЪ [бьетъ челомъ].

Такъ, государь, отецъ нашъ. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
Къ тебѣ, нашъ царь — и за тебя готовы
Главами лечь, да будутъ наши трупы
На царскій тронъ ступенями тебѣ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Мужайтеся, безвинные страдальцы —
Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ Борисъ расплатится во всемъ.*
Ты кто?

---

* Въ рукописи разговоръ продолжался такъ:

САМОЗВАНЕЦЪ.

....Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами
Расплатится. Что жъ новаго въ Москвѣ?

ХРУЩОВЪ.

Все тихо тамъ еще. Но ужъ народъ
Спасеніе царевича провѣдалъ,
Ужъ грамоту твою вездѣ читаютъ.
Всѣ ждутъ тебя. Недавно двухъ бояръ
Борисъ казнилъ за то, что за столомъ
Они твое здоровье тайно пили.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О добрые, несчастные бояре;

КАРЕЛА.

Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ атамановъ,
Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ,
Узрѣть твои царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я зналъ донцовъ: не сомнѣвался видѣть
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.
Благодаримъ донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорятъ о немъ?

ХРУЩОВЪ.

Онъ удалился
Въ печальныя свои палаты. Грозенъ
И мраченъ онъ. Ждутъ казней. Но недугъ
Его грызетъ. Борисъ едва влачится
И думаютъ его послѣдній часъ
Ужъ не далекъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Какъ врагъ великодушный,
Борису я желаю смерти скорой:
Не то — бѣда злодѣю! А кого
Наслѣдникомъ наречь намѣренъ онъ?

ХРУЩОВЪ.

Онъ замысловъ своихъ не объявляетъ,
Но, кажется, что молодаго сына,
Ѳеодора, онъ прочитъ намъ въ цари.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Въ разсчетахъ онъ быть можетъ ошибется.
Ты кто?

КАРЕЛА.

Казакъ; къ тебѣ.... и пр.

ПОЭТЪ [приближается, кланяясь низко и хватая Гришку за полу].

Великій принцъ, свѣтлѣйшій королевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что хочешь ты?

ПОЭТЪ [подаетъ ему бумагу].

Примите благосклонно
Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что вижу я? Латинскіе стихи!
Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
Родился я подъ небомъ полунощнымъ,
Но мнѣ знакомъ латинской музы голосъ,
И я люблю парнасскіе цвѣты. *
Я вѣрую въ пророчества піитовъ.
Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной груди
Кипитъ восторгъ: благословится подвигъ,
Его жъ они прославили заранѣ!
Приближься, другъ. Въ мое воспоминанье
Прими сей даръ. [Даетъ ему перстень].
Когда со мной свершится
Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ

---

* Въ рукописи послѣ этого было:

САМОЗВАНЕЦЪ [читаетъ про-себя].

ХРУЩОВЪ [тихо Пушкину].

Кто сей?

ПУШКИНЪ.

Піитъ.

ХРУЩОВЪ.

Какое жъ это званье?

ПУШКИНЪ.

Какъ бы сказать порусски? Виршеписецъ
Иль скоморохъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Прекрасные стихи!

Надѣну я, надѣюсь вновь услышать
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.
Musa gloriam coronat, gloriaque musam.
И такъ, друзья, до завтра, до свиданья.

ВСѢ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій!
Да здравствуетъ великій князь московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ.

УБОРНАЯ МАРИНЫ.

МАРИНА, РУЗЯ убираетъ ее; СЛУЖАНКИ.

МАРИНА [передъ зеркаломъ].

Ну, что жъ? готово ли? нельзя ли поспѣшить?

РУЗЯ.

Позвольте — напередъ рѣшите выборъ трудный:
Что вы надѣнете, жемчужную ли нить,
Иль полумѣсяцъ изумрудный?

МАРИНА.

Алмазный мой вѣнецъ.

РУЗЯ.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?
На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:
Мужчины ахали, красавицы шептали....
Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ
Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился.
А точно, говорятъ, на васъ
Кто ни взглянулъ, тотъ и влюбился.

МАРИНА.

Нельзя ли поскорѣй?

РУЗЯ.

Сейчасъ.
Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ.
Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ;
Не могъ онъ утаить восторга своего;
Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его
Сразить рѣшительнымъ ударомъ.
А точно, панна, онъ влюбленъ:
Вотъ мѣсяцъ, какъ оставя Краковъ,
Забывъ войну, московскій тронъ,
Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ
И бѣситъ русскихъ и поляковъ.
Ахъ, Боже мой, дождусь ли дня?...
Не правда ли, когда въ свою столицу
Димитрій повезетъ московскую царицу,
Вы не оставите меня?

МАРИНА.

Ты развѣ думаешь, царицей буду я?

РУЗЯ.

А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ красотою
Равняться здѣсь съ моею госпожою?
Родъ Мнишковъ ни чьему еще не уступалъ;
Умомъ — превыше вы похвалъ...
Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоитъ,
Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ —
Кто бъ ни былъ онъ, хоть нашъ король,
Или французскій королевичъ...
Не только нищій вашъ царевичъ,
Богъ вѣсть какой, Богъ вѣсть отколь!

МАРИНА.

Онъ точно царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣтомъ.

РУЗЯ.

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой
У Вишневецкаго слугой.

МАРИНА.

Скрывался онъ.

РУЗЯ.

Не спорю я объ этомъ.
А только знаете ли вы,
Чтò говорятъ о немъ въ народѣ?
Что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,
Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

МАРИНА.

Какія глупости!

РУЗЯ.

О, я не вѣрю имъ!
Я только говорю, что долженъ онъ конечно
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

СЛУЖАНКА [вбѣгаетъ].

Ужъ гости съѣхались.

МАРИНА.

Вотъ видишь: ты до свѣта
Готова пустяки болтать,
А между тѣмъ я не одѣта...

РУЗЯ.

Сейчасъ, готово все. [Служанки суетятся].

МАРИНА [про-себя].

Мнѣ должно все узнать...

РЯДЪ ОСВѢЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ. МУЗЫКА.

ВИШНЕВЕЦКІЙ. МНИШЕКЪ.

МНИШЕКЪ.

Онъ говоритъ съ одной моей Мариной,

Мариною одною занятъ онъ...
А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже,
Ну, думалъ ты — признайся, Вишневецкій —
Что дочь моя царицей будетъ? а?

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Да, чудеса... И думалъ ли ты, Мнишекъ,
Что мой слуга взойдетъ на тронъ московскій?

МНИШЕКЪ.

А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвилъ: ну, смотри!
Не упускай Димитрія!... и вотъ
Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ.

[Музыка играетъ польскій. Самозванецъ идетъ съ Мариною въ первой парѣ].

МАРИНА [тихо Димитрію].

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,
Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

[Расходятся. Другая пара].

КАВАЛЕРЪ.

Что въ ней нашелъ Димитрій?

ДАМА.

Какъ! она
Красавица.

КАВАЛЕРЪ.

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки...

[Новая пара].

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его пріятенъ;
И царская порода въ немъ видна.

[Новая пара].

ДАМА.

Когда жъ походъ?

КАВАЛЕРЪ.

Когда велитъ царевичъ.
Готовы мы; но, видно, панна Мнишекъ
Съ Димитріемъ задержитъ насъ въ плѣну.

ДАМА.

Пріятный плѣнъ.

КАВАЛЕРЪ.

Конечно, если вы...
[Расходятся; комнаты пустѣютъ].

МНИШЕКЪ.

Мы, старики, ужъ ныньче не танцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цѣлуемъ...
Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!
Теперь не то, не то, что прежде было!
И молодежь ей-ей не такъ смѣла;
И красота не такъ ужъ весела;
Признайся, другъ: все какъ-то пріуныло.
Оставимъ ихъ; пойдемъ, товарищъ мой,
Венгерскаго, обросшую травой,
Велимъ отрыть бутылку вѣковую,
Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ
Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,
А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.
Пойдемъ же, братъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

И дѣло, другъ, пойдемъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ [входитъ].

Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ.
Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;

Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
Предъ смертію душа не содрогалась.
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались — я духомъ не смутился
И дерзостью неволи избѣжалъ.
Но что жъ теперь тѣснитъ мое дыханье?
Что значитъ сей неодолимый трепетъ?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,
Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову московскою царицей;
Но часъ насталъ — и ничего не помню;
Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображенье...
Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ.. тише...
Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

МАРИНА [входитъ].

Царевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Она!... вся кровь во мнѣ остановилась.

МАРИНА.

Димитрій! вы?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Волшебный, сладкій голосъ!
[Идетъ къ ней]. Ты ль наконецъ? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

МАРИНА.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время —

Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой, и бурной и невѣрной,
Соединить судьбу мою; то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь — не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя;
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница московскаго царя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

МАРИНА.

Не время, князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
Приверженность твоихъ клевретовъ стынетъ;
Часъ отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;
Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры...

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ? Во власти ли Бориса

Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на царственную власть.
Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
И славы блескъ, и русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;
Твоя любовь...

МАРИНА.

Стыдись! не забывай
Высокаго, святаго назначенья:
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему безумно,
Плѣненному моею красотой —
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
Скажи: когда бъ не царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня?

МАРИНА.

Димитрій ты и быть инымъ не можешь;
Другаго мнѣ любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ! полно —
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ

Любовницей, ему принадлежащей —
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать! скажу
Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ;
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился;
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался
И поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что жъ ты молчишь?

МАРИНА.

О стыдъ! о горе мнѣ!

[Молчаніе].

САМОЗВАНЕЦЪ [тихо].

Куда завлекъ меня порывъ досады!
Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ? [Вслухъ]. Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви;
Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба;
Рѣши: я жду. [Бросается на колѣна].

МАРИНА.

Встань, бѣдный самозванецъ!
Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой,
Тщеславное мнѣ сердце умилить?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала

Я рыцарей и графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха....

САМОЗВАНЕЦЪ [встаетъ].

Не презирай младаго самозванца;
Въ нѣмъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной....

МАРИНА.

Достойныя позорной петли, дерзкій!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Виновенъ я; гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога и царей —
Я міру лгалъ: но не тебѣ, Марина,
Меня казнить; я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалится, безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безыменный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотой,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?

Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся: какъ передъ моимъ отцомъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости предъ нашимъ королемъ,
Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье;
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ, завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножомъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

МАРИНА.

Клянешься ты! и такъ должна я вѣрить.
О, вѣрю я! но чѣмъ, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
Какъ набожный пріемышъ езуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,
Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ словомъ,
Какъ царскій сынъ? Не такъ ли? Говори.

САМОЗВАНЕЦЪ [гордо].

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ.
Теперь иду — погибель иль вѣнецъ

Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА.

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ польской дѣвѣ,
Чѣмъ русскому царевичу? Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишь и нужно: и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

МАРИНА.

Постой, царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
Съ тобою, князь, она меня миритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ московскій —
Тогда за мной шли брачнаго посла;
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я.

[Уходитъ].

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ:
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя! змѣя!... Не даромъ я дрожалъ.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но рѣшено: заутра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

[1604 года, 16-е октября].

князь курбскій и самозванецъ, оба верхами. Полки приближаются къ границѣ.

КУРБСКІЙ [прискакавъ первый].

Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!
Святая Русь! отечество! я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
Опальныя возрадуются кости!
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
Сей славный мечъ — гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ — слуга царей московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надёжу-государя!...

САМОЗВАНЕЦЪ [ѣдетъ тихо съ поникшей головой].

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!
О витязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,

Забывъ отцомъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна
Готовишься, законнаго царя
Ты возвратить отечеству.... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

КУРБСКІЙ.

Ужель и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она твоя, царевичъ.
Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за царя подъяли мечъ, вы чисты.
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ-цареубійца!
Впередъ!

КУРБСКІЙ.

Впередъ! и горе Годунову!
[Скачутъ. Полки переходятъ черезъ границу].

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРІАРХЪ И БОЯРЕ.

ЦАРЬ.

Возможно ли? Разстрига, бѣглый инокъ
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь

Нужна моимъ усерднымъ воеводамъ.
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
Спасайте градъ и гражданъ.

БАСМАНОВЪ.

Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
И замолчитъ и слухъ о самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь.

[Уходитъ съ Трубецкимъ].

ЦАРЬ.

Мнѣ свейскій государь
Черезъ пословъ союзъ свой предложилъ;
Но не нужна намъ чуждая помога;
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и ляха.
Я отказалъ.
Щелкаловъ! разослать
Во всѣ концы указы къ воеводамъ,
Чтобъ на коня садились и людей
По старинѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли;
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ;
Пусть молятся за насъ они: таковъ
Указъ царя и приговоръ боярскій.
Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
Вы знаете, что наглый самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;
Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
На площадяхъ мятежный бродитъ шопотъ,

Умы кипятъ.... ихъ нужно остудить;
Предупредить желалъ бы казни я,
Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
Святый отецъ, свою повѣдай мысль.

ПАТРІАРХЪ.

Благословенъ Всевышній, поселившій
Духъ милости и кроткаго терпѣнья
Въ душѣ твоей, великій государь;
Ты грѣшному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озаритъ.
Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ царевича, какъ ризой
Украденной, безстыдно облачился:
Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

«Въ младыхъ лѣтахъ», сказалъ онъ, «я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье

Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладязей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
А снилися мнѣ только звуки. Разъ
Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья;
Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
Богъ милостивъ — и я тебя прощу.
Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
И я теперь великій чудотворецъ.
Иди, старикъ. — Проснулся я и думамъ:
Что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду — и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святый соборъ, и слушаю обѣдню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повелъ меня — и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку.»
Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

[Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ].

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
И свѣдано, что многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить ихъ въ соборѣ
Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.

[Молчаніе].

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Святый отецъ, кто вѣдаетъ пути
Всевышняго? Не мнѣ его судить.
Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;
Но надлежитъ народную молву
Изслѣдовать прилежно и безстрастно;
А въ бурныя ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный разстригой, уничтожить;
Но есть на то иныя средства — проще.
Такъ, государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

ЦАРЬ.

Да будетъ такъ! Владыка патріархъ,

Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

[Уходитъ; за нимъ и всѣ бояре].

ОДИНЪ БОЯРИНЪ [тихо другому].

Замѣтилъ ты, какъ государь блѣднѣлъ,
И крупный потъ съ лица его закапалъ?

ВТОРОЙ.

Я, признаюсь, не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

ПЕРВЫЙ.

А выручилъ князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СѢВЕРСКАГО.

[1604 года 21 декабря].

БИТВА.

ВОИНЫ [бѣгутъ въ безпорядкѣ].

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!

[Входятъ капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ],

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Allons.... пошёль назадъ!

ОДИНЪ ИЗЪ БѢГЛЕЦОВЪ.

Самъ пошёль, коли есть охота, проклятый басурманъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Quoi? quoi?

ДРУГОЙ.

Ква! ква! Тебѣ любо, лягушка заморская, квакать на русскаго царевича; а мы вѣдь православные.

МАРЖЕРЕТЪ.

Qu'est-ce à dire pravoslavni?... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЪ.

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

В. РОЗЕНЪ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЪ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕНЪ.

Ich glaube das.

[Входятъ нѣмцы].

МАРЖЕРЕТЪ.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, ditesleur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЪ.

Sehr gut. Halt!

[Нѣмцы строятся].

Marsch!

НѢМЦЫ [идутъ].

Hilf Gott!

[Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ].

ЛЯХИ.

Побѣда! побѣда! Слава царю Димитрію!

ДИМИТРІЙ [верхомъ].

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите русскую кровь. Отбой!

[Трубятъ; бьютъ барабаны].

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

НАРОДЪ.

ОДИНЪ.

Скоро ли царь выйдетъ изъ собора?

ДРУГОЙ.

Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

ПЕРВЫЙ.

Что? ужъ проклинали того?

ДРУГОЙ.

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ—анаѳема!

ПЕРВЫЙ.

Пускай себѣ проклинаютъ; царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

ДРУГОЙ.

А царевичу поютъ теперь вѣчную память.

ПКРВЫЙ.

Вѣчную память живому! Вотъ ужо имъ будетъ безбожникамъ.

ТРЕТІЙ.

Чу! шумъ. Не царь ли?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Нѣтъ, это юродивый.

[Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшенный веригами и окруженный мальчишками].

МАЛЬЧИШКИ.

Желѣзный колпакъ! желѣзный колпакъ!... трррр...

СТАРУХА.

Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

ЮРОДИВЫЙ.

Дай, дай, дай копѣечку.

СТАРУХА.

Вотъ тебѣ копѣечка; помяни же меня.

ЮРОДИВЫЙ [садится на землю и поетъ].

Мѣсяцъ ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

[Мальчишки окружаютъ его снова].

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Здравствуй, юродивый, что же ты шапки не снимаешь? [Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ]. Экъ она звонитъ!

ЮРОДИВЫЙ.

А у меня копѣечка есть.

МАЛЬЧИШКА.

Неправда; ну, покажи.

[Вырываетъ копѣечку и убѣгаетъ].

ЮРОДИВЫЙ [плачетъ].

Взяли мою копѣечку, обижаютъ юродиваго.

НАРОДЪ.

Царь, царь идетъ!

[Царь выходитъ изъ собора; бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре].

ЮРОДИВЫЙ.

Борисъ, Борисъ! мальчишки обижаютъ юродиваго.

ЦАРЬ.

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Мальчишки меня обижаютъ.... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

БОЯРЕ.

Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, юродивый.

[Уходитъ].

ЮРОДИВЫЙ [ему вслѣдъ].

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велитъ.

СѢВСКЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, окруженный своими.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плѣнный?

ЛЯХЪ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвать его ко мнѣ.

[Входитъ русскій плѣнникъ].

Кто ты?

ПЛѢННИКЪ.

Рожновъ, московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

ПЛѢННИКЪ.

Съ мѣсяцъ будетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

ПЛѢННИКЪ.

Какъ быть, не наша воля.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

ПЛѢННИКЪ.

Я прибылъ
Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы,

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ?

ПЛѢННИКЪ.

Онъ очень былъ встревоженъ
Потерею сраженія и раной
Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ
Начальствовать надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ
Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

ПЛѢННИКЪ.

Царь наградилъ его заслуги честью
И золотомъ. Басмановъ въ царской думѣ
Теперь сидитъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.
Ну, что въ Москвѣ?

ПЛѢННИКЪ.

Все, слава Богу, тихо.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что? ждутъ меня?

ПЛѢННИКЪ.

Богъ знаетъ; о тебѣ
Тамъ говорить не слишкомъ ныньче смѣютъ.
Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
И голову. Такая право притча —
Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты.
На площади, гдѣ человѣка три
Сойдутся — глядь — лазутчикъ ужъ и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
Ну, войско что?

ПЛѢННИКЪ.

Что съ нимъ? Одѣто, сыто,
Довольно всѣмъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да много ли его?

ПЛѢННИКЪ.

Богъ вѣдаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А будетъ тысячъ тридцать?

ПЛѢННИКЪ.

Да наберешь и тысячъ пятьдесятъ.

[Самозванецъ задумывается; окружающіе смотрятъ другъ на друга].

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

ПЛѢННИКЪ.

А говорятъ о милости твоей,
Что ты-дескать [будь не во гнѣвъ] и воръ,
А молодецъ.

САМОЗВАНЕЦЪ [смѣясь].

Такъ это я на дѣлѣ
Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
Назавтра бой.

[Уходитъ].

ВСѢ.

Да здравствуетъ Димитрій!

ЛЯХЪ.

Назавтра бой! Ихъ тысячъ пятьдесятъ,
А насъ всего едва ль пятнадцать тысячъ:
Съ ума сошелъ.

ДРУГОЙ.

Пустое, другъ: полякъ
Одинъ пятьсотъ москалей вызвать можетъ.

ПЛѢННИКЪ.

Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки,
Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

ЛЯХЪ.

Когда бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,
То я тебя [указывая на свою саблю] вотъ этимъ бы смирилъ.

ПЛѢННИКЪ.

Нашъ братъ русакъ безъ сабли обойдется:
Не хочешь ли вотъ этого [показывая кулакъ], безмозглый!

[Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходитъ. Всѣ смѣются].

ЛѢСЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ И ПУШКИНЪ.

[Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій].

САМОЗВАНЕЦЪ.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня.
Мой бѣдный конь!

ПУШКИНЪ [про-себя].

Ну, вотъ о чемъ жалѣетъ,
Объ лошади, когда все наше войско
Побито въ прахъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Послушай, можетъ быть,
Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

ПУШКИНЪ.

Куда! онъ издыхаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ [идетъ къ коню].

Мой бѣдный конь!... что дѣлать? снять узду,

Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ.

[Разнуздываетъ и разсѣдлываетъ коня. Входитъ нѣсколько ляховъ].

Здорово, господа!
Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ,
Гдѣ жъ витязь мой?

ЛЯХЪ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Честь храброму и миръ его душѣ!
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ!
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ ужо! десятаго повѣшу!
Разбойники!

ПУШКИНЪ.

Кто тамъ ни виноватъ,
Но все таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А дѣло было наше;
Я было смялъ передовую рать —
Да нѣмцы насъ порядкомъ отразили;
А молодцы! ей Богу, молодцы!
Люблю за то; изъ нихъ ужъ непремѣнно
Составлю я почетную дружину.

ПУШКИНЪ.

А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ?
Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.
Спокойна ночь.

[Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ].

ПУШКИНЪ.

Пріятный сонъ, царевичъ!
Разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя:
Хранитъ его конечно провидѣнье;
И мы, друзья, не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

ЦАРЬ.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоятъ у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! Нѣтъ, я ими недоволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужитъ!
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

БАСМАНОВЪ.

Ахъ, государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда Разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь.

ЦАРЬ.

День этотъ недалёкъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

БАСМАНОВЪ.

Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что жъ? Конемъ спокойно всадникъ правитъ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

ЦАРЬ.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.
[Входитъ бояринъ].
Что?

БОЯРИНЪ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

ЦАРЬ.

Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить.
[Уходитъ].

БАСМАНОВЪ.

Высокій духъ державный.
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ

Управиться; и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому.
Соперниковъ во брани я не знаю;
У царскаго престола стану первый....
И можетъ быть.... Но что за чудный шумъ?

[Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ].

ОДИНЪ.

За лекаремъ!

ДРУГОЙ.

Скорѣе къ патріарху!

ТРЕТІЙ.

Царевича, царевича зоветъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Духовника!

БАСМАНОВЪ.

Что сдѣлалось такое?

ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ.

Царь занемогъ, царь умираетъ.

БАСМАНОВЪ.

Боже!

ПЯТЫЙ.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

[Царя выносятъ на стулѣ; все царское семейство; всѣ бояре].

ЦАРЬ.

Подите всѣ — оставьте одного
Царевича со мною. [Всѣ удаляются]. Умираю;

Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь.... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья.... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ.
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу.... Слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой —
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка —

Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни — можешь
Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ; не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь; люби свою сестру —
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

ѲЕОДОРЪ [на колѣнахъ].

Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

ЦАРЬ.

Все кончено — глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ....

[Входятъ патріархъ, святители; за ними всѣ бояре. Царицу ведутъ подъ руки; царевна рыдаетъ].

Кто тамъ?
А! схима.... такъ! святое постриженье....
Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ —
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, владыка патріархъ,
Я царь еще: внемлите вы, бояре —
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Ѳеодору.... Басмановъ,
Друзья мои... при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь ли?

БОЯРЕ.

Клянемся.

ЦАРЬ.

Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя, и тайныя обиды....
Святый отецъ, приближься, я готовъ.

[Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ].

СТАВКА.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

БАСМАНОВЪ.

Войди сюда и говори свободно.
И такъ тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

ПУШКИНЪ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ
И первый санъ по немъ въ московскомъ царствѣ.

БАСМАНОВЪ.

Но я и такъ Ѳеодоромъ высоко
Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ;

Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,
И гнѣвъ бояръ. Я присягалъ ему.

ПУШКИНЪ.

Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?...

БАСМАНОВЪ.

Послушай, Пушкинъ, полно;
Пустаго мнѣ не говори! я знаю,
Кто онъ такой.

ПУШКИНЪ.

Россія и Литва
Димитріемъ давно его признали;
Но впрочемъ я за это не стою.
Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

БАСМАНОВЪ.

Пока стою за юнаго царя,
Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
Побѣдою я ихъ одушевлю,
А вы кого противъ меня пошлете,
Не казака ль Карелу, али Мнишка?
Да много ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

ПУШКИНЪ.

Ошибся ты: и тѣхъ не наберешь.
Я самъ скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только села грабятъ,
Что поляки лишь хвастаютъ, да пьютъ,
А русскіе.... да что и говорить —
Передъ тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помогой,

А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
Димитрія ты помнишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
Послушные сдавались города,
А воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши рати
Сражались съ нимъ? Когда же? При Борисѣ!
А ныньче ль?... Нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
И раздувать холодный пепелъ брани:
Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебѣ
Дать первому примѣръ благоразумный,
Димитрія царемъ провозгласить
И тѣмъ ему навѣки услужить?
Какъ думаешь?

БАСМАНОВЪ.

Узнаете вы завтра.

ПУШКИНЪ.

Рѣшись.

БАСМАНОВЪ.

Прощай.

ПУШКИНЪ.

Подумай же, Басмановъ.

[Уходитъ].

БАСМАНОВЪ.

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣетъ:
Что дѣлать мнѣ? Ужели буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому.... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность младаго вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!...

Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу государя....
Но смерть.... но власть.... но бѣдствія народны....
[Задумывается].

Сюда! кто тамъ? [Свищетъ]. Коня! трубите сборъ!

ЛОБНОЕ МѢСТО.

пушкинъ идетъ, окруженный народомъ.

НАРОДЪ.

Царевичъ намъ боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ бояринъ.
Сюда! сюда!

ПУШКИНЪ [на амвонѣ].

Московскіе граждане,
Вамъ кланяться царевичъ приказалъ. [Кланяется].
Вы знаете, какъ промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на царя
Законнаго, на внука Мономаха?

НАРОДЪ.

Вѣстимо нѣтъ.

ПУШКИНЪ.

Московскіе граждане,
Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли

Подъ властію жестокаго пришельца:
Опалу, казнь, безчестіе, налоги;
И трудъ, и гладъ, все испытали вы.
Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
Гостей, купцовъ — и весь честной народъ.
Вы ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убѣгать?
Но онъ идетъ на царственный престолъ
Своихъ отцовъ въ сопровожденьи грозномъ.
Не гнѣвайте жъ царя и бойтесь Бога,
Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ;
Смиритеся; немедленно пошлите
Къ Димитрію во станъ митрополита,
Бояръ, дьяковъ и выборныхъ людей,
Да бьютъ челомъ отцу и государю.

[Сходитъ. Шумъ народный].

НАРОДЪ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

МУЖИКЪ НА АМВОНѢ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ царскія палаты!
Ступай вязать Борисова щенка!

НАРОДЪ [несется толпою].

Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА.

ѲЕОДОРЪ подъ окномъ.

НИЩІЙ.

Дайте милостыню Христа ради!

СТРАЖА.

Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

ѲЕОДОРЪ.

Поди, старикъ, я бѣднѣе тебя: ты на волѣ.

[Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну].

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Братъ да сестра — бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ.

ДРУГОЙ.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

ДРУГОЙ.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

КСЕНІЯ.

Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ бояре идутъ.

ѲЕОДОРЪ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

КСЕНІЯ.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

[Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерефединовъ; за ними трое стрѣльцовъ].

НАРОДЪ.

Разступитесь, разступитесь: бояре идутъ.

[Они входятъ въ домъ].

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Зачѣмъ они пришли?

ДРУГОЙ.

А вѣрно приводить къ присягѣ Ѳеодора Годунова.

ТРЕТІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ. Слышишь, какой въ домѣ шумъ!... Тревога!... дерутся!

НАРОДЪ.

Слышишь? визгъ! Это женскій голосъ.... Взойдемъ.... Двери заперты—крики замолкли—шумъ продолжается.

[Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ].

МОСАЛЬСКІЙ.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Ѳеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. [Народъ въ ужасѣ молчитъ]. Что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

НАРОДЪ БЕЗМОЛВСТВУЕТЪ.

ПРОПУЩЕННАЯ

СЦЕНА ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА.*

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

ГРИГОРІЙ И ЗЛОЙ ЧЕРНЕЦЪ.

ГРИГОРІЙ.

Что за скука, что за горе наше бѣдное житье?
День приходитъ, день проходитъ—видно, слышно все одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колоколъ.
Днемъ зѣвая бродишь, бродишь; дѣлать нечего—соснешь;
Ночью долгою до свѣта все не спится чернецу.
Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутятъ;
Радъ, что въ колоколъ ударятъ, что разбудятъ костылемъ...
Нѣтъ, не вытерплю! нѣтъ мочи. Чрезъ ограду, да бѣгомъ!

* Эта сцена была откинута Пушкинымъ, хотя и напечатана при его жизни, въ 1833 году. Она должна была слѣдовать за сценой съ Пименомъ. [См. выше, стр. 52].

Міръ великъ: мнѣ путь-дорога на четыре стороны,
Поминай, какъ звали.

ЧЕРНЕЦЪ.

Правда — ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!

ГРИГОРІЙ.

Хоть бы ханъ опять нагрянулъ, хоть Литва бы поднялась,
Такъ и быть, пошелъ бы съ ними перевѣдаться мечемъ!
Что, когда бы нашъ царевичъ изъ могилы вдругъ воскресъ
И вскричалъ: «а гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрные мои?
Вы подите на Бориса, на злодѣя моего,
Изловите супостата, приведите мнѣ его!»

ЧЕРНЕЦЪ.

Полно, не болтай пустова. Мертвыхъ намъ не воскресить.
Нѣтъ, царевичу иное, видно, было суждено....
Но, послушай, если дѣло затѣвать, такъ затѣвать....

ГРИГОРІЙ.

Что такое?

ЧЕРНЕЦЪ.

Если бъ я былъ также молодъ, какъ и ты,
Если бъ усъ не пробивала ужъ лихая сѣдина....
Понимаешь?...

ГРИГОРІЙ.

Нѣтъ, нисколько.

ЧЕРНЕЦЪ.

Слушай. Глупый нашъ народъ
Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ,
А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.
Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ.
Ты царевичу ровесникъ.... Если ты хитеръ и твердъ....
Понимаешь?

ГРИГОРІЙ.

Понимаю.

ЧЕРНЕЦЪ.

Что же скажешь?

ГРИГОРІЙ.

Рѣшено!

Я Димитрій, я царевичъ!

ЧЕРНЕЦЪ.

Дай мнѣ руку; будешь царь!

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога трубятъ;
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзыя прыгаютъ на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.
Вотъ мужу подвели коня,
Онъ холку хвать и въ стремя ногу,
Кричитъ женѣ: «не жди меня!»
И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ сентября
[Презрѣнной прозой говоря]
Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
Да вой волковъ. Но то-то счастье
Охотнику! не зная нѣгъ,
Въ отъѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ,
Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ
Опустошительный набѣгъ.

А что же дѣлаетъ супруга,
Одна въ отсутствіи супруга?
Занятій мало ль есть у ней?
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обѣдъ и ужинъ,
Въ амбаръ и въ погребъ заглянуть.
Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
Онъ вмигъ замѣтитъ что нибудь.

Къ несчастью героиня наша
[Ахъ, я забылъ ей имя дать!
Мужъ просто звалъ ее Наташа,
Но мы — мы будемъ называть
Наталья Павловна], къ несчастью,
Наталья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственною частью
Не занималася, затѣмъ,
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
Предъ ней открытъ четвертый томъ
Сентиментальнаго романа:

«Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двухъ семей» —
Романъ классическій, старинный,
Отмѣнно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Безъ романтическихъ затѣй.

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой,
И ею тихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
Индѣйки съ крикомъ выступали
Во слѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
Три утки полоскались въ лужѣ;
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ;
Погода становилась хуже:
Казалось, снѣгъ идти хотѣлъ....
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальной
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалой,
Товарищъ юности удалой?...
Ужъ не она ли?... Боже мой!
Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звукъ несется,
Слабѣй.... и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
Бѣжитъ, обрадована звону,

Глядитъ и видитъ: за рѣкой,
У мельницы, коляска скачетъ,
Вотъ на мосту — къ намъ точно.... нѣтъ,
Поворотила влѣво. Вслѣдъ
Она глядитъ и чуть не плачетъ.
Но вдругъ.... о радость! косогоръ —
Коляска на бокъ. «Филька! Васька!
Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
Сейчасъ везти ее на дворъ
И барина просить обѣдать;
Да живъ ли онъ?... Бѣги провѣдать;
Скорѣй, скорѣй!»
Слуга бѣжитъ.
Наталья Павловна спѣшитъ
Взбить пышный локонъ, шаль накинуть,
Задернуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
И ждетъ: да скоро ль, мой Творецъ!
Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.
Забрызганный въ дорогѣ дальной,
Опасно раненый, печальной
Кой-какъ тащится экипажъ;
Вслѣдъ баринъ молодой хромаетъ.
Слуга-французъ не унываетъ
И говоритъ: «allons, courage!»
Вотъ у крыльца; вотъ въ сѣни входятъ.
Покамѣстъ барину теперь
Покой особенный отводятъ
И настежъ отворяютъ дверь,
Пока Picard шумитъ, хлопочетъ,
И баринъ одѣваться хочетъ,
Сказать ли вамъ, кто онъ таковъ?
Графъ Нулинъ изъ чужихъ краевъ,
Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
Свои грядущіе доходы.
Себя казать, какъ чудный звѣрь,
Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь

Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
Шляпъ, вѣеровъ, плащей, корсетовъ,
Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ à jour,
Съ ужасной книжкою Гизота,
Съ тетрадью злыхъ карикатуръ,
Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
Съ bons-mots парижскаго двора,
Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
Съ мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera.

Ужъ столъ накрытъ; давно пора;
Хозяйка ждетъ нетерпѣливо;
Дверь отворилась, входитъ графъ;
Наталья Павловна, привставъ,
Освѣдомляется учтиво,
Каковъ онъ? что нога его?
Графъ отвѣчаетъ: ничего!
Идутъ за столъ; вотъ онъ садится,
Къ ней подвигаетъ свой приборъ
И начинаетъ разговоръ:
Святую Русь бранитъ, дивится,
Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
Жалѣетъ о Парижѣ страхъ.
«А что театръ?» — О, сиротѣетъ!
C'est bien mauvais, ça fait pitié.
Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣетъ,
И мамзель Марсъ, увы! старѣетъ.
За то Потье, le grand Potier!
Онъ славу прежнюю въ народѣ
Ей-Богу поддержалъ одинъ.
«Какой писатель нынче въ модѣ?»
— Все d'Arlincourt и Лямартинъ.
«У насъ имъ также подражаютъ.»
— Нѣтъ! право? Такъ у насъ умы

Ужъ развиваться начинаютъ.
Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы!
«Какъ тальи носятъ?» —Очень низко,
Почти до.... вотъ по этихъ поръ.
Позвольте видѣть вашъ уборъ;
Такъ.... рюши, банты, здѣсь узоръ;
Все это къ модѣ очень близко.
«Мы получаемъ Телеграфъ.»
— Ага!... хотите ли послушать
Прелестный водевиль? — И графъ
Поетъ. «Да, графъ, извольте жъ кушать.»
— Я сытъ — и такъ....
Изъ-за стола
Встаютъ. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Графъ о Парижѣ забывая,
Дивится, какъ она мила.
Проходитъ вечеръ непримѣтно;
Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
То выражается привѣтно,
То вдругъ потупленъ безотвѣтно.
Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ.
Давно храпитъ слуга въ передней,
Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній,
Въ чугунну доску сторожъ бьетъ;
Въ гостиной свѣчки догорѣли.
Наталья Павловна встаетъ:
«Пора, прощайте! ждутъ постели.
Пріятный сонъ!...» Съ досадой вставъ,
Полувлюбленный нѣжный графъ
Цѣлуетъ руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведетъ?
Проказница — прости ей Боже!
Тихонько графу руку жметъ.

Наталья Павловна раздѣта;

Стоитъ Параша передъ ней.
Друзья мои, Параша эта
Наперсница ея затѣй:
Шьетъ, моетъ, вѣсти переноситъ,
Изношенныхъ капотовъ проситъ,
Порою съ бариномъ шалитъ,
Порой на барина кричитъ,
И лжетъ предъ барыней отважно.
Теперь она толкуетъ важно
О графѣ, о дѣлахъ его,
Не пропускаетъ ничего —
Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
Но госпожа ей наконецъ
Сказала: «полно, надоѣла!»
Спросила кофту и чепецъ,
Легла и выйти вонъ велѣла.

Своимъ французомъ между тѣмъ
И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ.
Ложится онъ, сигару проситъ,
Monsieur Picard ему приноситъ
Графинъ, серебряный стаканъ,
Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, будильникъ
И неразрѣзанный романъ.

Въ постелѣ лежа, Вальтеръ-Скотта
Глазами пробѣгаетъ онъ.
Но графъ душевно развлеченъ:
Неугомонная забота
Его тревожитъ; мыслитъ онъ:
Неужто вправду я влюбленъ?
Что, если можно?... Вотъ забавно;
Однако жъ это было бъ славно!
Я, кажется, хозяйкѣ милъ —
И Нулинъ свѣчку погасилъ.

Несносный жаръ его объемлетъ,
Не спится графу — бѣсъ не дремлетъ
И дразнитъ грѣшною мечтой
Въ немъ чувства. Пылкій нашъ герой
Воображаетъ очень живо
Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
Довольно круглый, полный станъ,
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій
[Здоровье краше всѣхъ румянъ].
Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
Онъ помнитъ, точно, точно такъ —
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; онъ дуракъ,
Онъ долженъ былъ остаться съ нею,
Ловить минутную затѣю.
Но время не ушло. Теперь
Отворена, конечно, дверь —
И тотчасъ, на плеча накинувъ
Свой пестрый шелковый халатъ
И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
Къ Люкреціи Тарквиній новый
Отправился, на все готовый.

Такъ иногда лукавый котъ,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется съ лежанки:
Украдкой медленно идетъ,
Полузажмурясь подступаетъ,
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
Раздвинетъ когти хитрыхъ лапъ
И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ потемкахъ бродитъ,
Дорогу ощупью находитъ;

Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
Едва дыханье переводитъ;
Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
Вдругъ заскрипитъ. Вотъ онъ подходитъ
Къ завѣтной двери и слегка
Жметъ ручку мѣдную замка;
Дверь тихо, тихо уступаетъ;
Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
И блѣдно спальню освѣщаетъ;
Хозяйка мирно почиваетъ,
Иль притворяется, что спитъ.

Онъ входитъ, медлитъ, отступаетъ —
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
Она.... Теперь, съ ихъ позволенья,
Прошу я петербургскихъ дамъ
Представить ужасъ пробужденья
Натальи Павловны моей
И разрѣшить, что дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе,
Глядитъ на графа — нашъ герой
Ей сыплетъ чувства выписныя,
И дерзновенною рукой
Коснуться хочетъ одѣяла,
Совсѣмъ смутивъ ее сначала....
Но вдругъ опомнилась она,
И гнѣва гордаго полна
[А впрочемъ, можетъ быть, и страха],
Она Тарквинію съ размаха
Даетъ пощечину: да, да!
Пощечину, да вѣдь какую!

Сгорѣлъ графъ Нулинъ со стыда,
Обиду проглотивъ такую.
Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,

Досадой страшною пылая,
Но шпицъ косматый, вдругъ залая,
Прервалъ Параши крѣпкій сонъ.
Услышалъ графъ ея походку,
И проклиная свой ночлегъ,
И своенравную красотку,
Въ постыдный обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводятъ остальную ночь,
Воображайте, воля ваша,
Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ поутру молчаливо,
Графъ одѣвается лѣниво;
Отдѣлкой розовыхъ ногтей,
Зѣвая, занялся небрежно,
И галстухъ вяжетъ неприлежно,
И мокрой щеткою своей
Не гладитъ стриженыхъ кудрей.
О чемъ онъ думаетъ — не знаю;
Но вотъ его позвали къ чаю.
Что дѣлать? Графъ, преодолѣвъ
Неловкій стыдъ и тайный гнѣвъ,
Идетъ.
Проказница младая,
Насмѣшливый потупя взоръ
И губки алыя кусая,
Заводитъ скромно разговоръ
О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
Получаса не проходило,
Ужъ онъ и шутитъ очень мило,
И чуть ли снова не влюбленъ.
Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто же?
«Наташа, здравствуй!»

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА.

Ахъ, мой Боже!
Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя,
Графъ Нулинъ.

МУЖЪ.

Радъ сердечно я.
Какая скверная погода!
У кузницы я видѣлъ вашъ
Совсѣмъ готовый экипажъ.
Наташа! тамъ, у огорода,
Мы затравили русака.
Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать:
Прислали намъ издалека.
Вы съ нами будете обѣдать?

ГРАФЪ.

Не знаю, право, я спѣшу.

МУЖЪ.

И, полно, графъ, я васъ прошу.
Жена и я гостямъ мы рады.
Нѣтъ, графъ, останьтесь!

Но съ досады
И всѣ надежды потерявъ,
Упрямится печальный графъ.
Ужъ подкрѣпивъ себя стаканомъ,
Пикаръ кряхтитъ за чемоданомъ,
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивать сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикаръ все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ.... Тѣмъ и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала
Жена все мужу разсказала,
И подвигъ графа моего

Всему сосѣдству описала.
Но кто же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся?
Не угадать вамъ. — Почему жъ?
Мужъ? — Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень этимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
Молокососъ; что если такъ,
То графа онъ визжать заставитъ,
Что псами онъ его затравитъ.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ не диво.

[Въ концѣ 1825].

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

БЕРЕГЪ МОРЯ. ФАУСТЪ И МЕФИСТОФИЛЬ.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ!
Таковъ вамъ положенъ предѣлъ,
Его жъ никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ:
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣлъ;
Кто вѣритъ, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ,

Тотъ насладился черезъ мѣру,
И всякъ зѣваетъ да живетъ —
И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
Зѣвай и ты.

ФАУСТЪ.

Сухая шутка!
Найди мнѣ способъ какъ нибудь
Разсѣяться.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Доволенъ будь
Ты доказательствомъ разсудка.
Въ своемъ альбомѣ запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновеніе души.
Я психологъ.... О, вотъ наука!....
Скажи, когда ты не скучалъ?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,
А розги умъ твой возбуждали?
Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ
Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья
И въ буйствѣ шумномъ посвящалъ
Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?
Тогда ль, какъ погрузился ты
Въ великодушныя мечты,
Въ пучину темную науки?
Но, помнится, тогда со скуки,
Какъ арлекина, изъ огня
Ты вызвалъ наконецъ меня.
Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
Развеселить тебя старался,
Возилъ и къ вѣдьмамъ, и къ духамъ,
И что же? все по пустякамъ.
Желалъ ты славы — и добился,
Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.

Ты съ жизни взялъ возможну дань,
А былъ ли счастливъ?

ФАУСТЪ.

Перестань,
Не растравляй мнѣ язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ —
Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
А слава.... лучъ ея случайной
Неуловимъ. Мірская честь
Безмысленна, какъ сонъ.... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двухъ душъ....

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать?
Не Гретхенъ ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесный!
О пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесный,
Гдѣ сладко-звонкія струи,
Тамъ, на груди ея прелестной
Покоя томную главу,
Я счастливъ былъ....

МЕФИСТОФИЛЬ.

Творецъ небесной!
Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
Услужливымъ воспоминаньемъ
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ
Доставилъ чудо красоты,
И въ часъ полуночи глубокой
Съ тобою свелъ ее? Тогда
Плодами своего труда

Я забавлялся одинокой,
Какъ вы вдвоемъ.... все помню я!
Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
[А доказали мы съ тобой,
Что размышленье — скуки сѣмя].
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

ФАУСТЪ.

Говори. Ну, что?

МЕФИСТОФИЛЬ.

Ты думалъ: агнецъ мой послушной!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она....
Что́ жъ грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?...
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безразсчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранитъ ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Развратъ косится боязливо....
Потомъ изъ этого всего
Одно ты вывелъ заключенье....

ФАУСТЪ.

Сокройся, адское творенье!
Бѣги отъ взора моего!

МЕФИСТОФИЛЬ.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя
Не смѣю отлучаться я —
Я даромъ времени не трачу.

ФАУСТЪ.

Что тамъ бѣлѣетъ? говори.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Корабль испанскій трехмачтовый,
Пристать въ Голландію готовый:
На немъ мерзавцевъ сотни три,
Двѣ обезьяны, бочки злата,
Да грузъ богатый шоколата,
Да модная болѣзнь: она
Недавно вамъ подарена.

ФАУСТЪ.

Все утопить.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Сейчасъ.

[Исчезаетъ].

1826.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска....

Ни огня, ни черной хаты....
Глушь и снѣгъ.... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно.... Завтра, Нина,
Завтра къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина: путь мой скученъ,
Дремля смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

ЭЛЕГІЯ.

[на смерть г-жи Ризничъ].

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала....
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

29 іюля 1826 года.
Усл. о см.... 25.
У. о с. Р. П. М. К. Б.: 24.

ОТРЫВОКЪ.

Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепетъ ревности моей.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,

И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли
Исполнись волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ТИМАШЕВОЙ.

Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ,
Сіи прелестныя созданья,
Гдѣ ваши томныя мечтанья
Боготворятъ свой идеалъ.

Я пилъ отраву въ вашемъ взорѣ,
Въ душой исполненныхъ чертахъ,
И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
И въ вашихъ пламенныхъ стихахъ.

Соперницы Запретной Розы
Блаженъ безсмертный идеалъ....
Стократъ блаженъ, кто вамъ внушалъ
И много риѳмъ, и много прозы!

Москва. 20 октября 1826 г.

КНЯЗЮ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ

ВЯЗЕМСКОМУ.

Душа моя Павелъ,
Держись моихъ правилъ,
Люби то-то, то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ не кастальскою водой
Ты воспоилъ свою камену;
Пегасъ иную Ипокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,

Но пѣнится хмѣльною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородной,
Слiянье рому и вина
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

[Ноябрь 1826].

ОТВѢТЪ Ѳ. А. ТУМАНСКОМУ.

Нѣтъ, не черкешенка она:
Но въ долы Грузiи отъ вѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.

Нѣтъ, не агатъ въ глазахъ у ней:
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

13 декабря 1826. Псковъ.

СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

22 декабря 1826. Москва, у Зуб.

1827.

АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей
Поетъ надъ розою восточный соловей;
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь — она цвѣтетъ; взываешь — нѣтъ отвѣта!

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ;
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисманъ —

Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ.

«И богатствами Востока
Онъ тебя не одаритъ,
И поклонниковъ пророка
Онъ тебѣ не покоритъ;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчитъ мой талисманъ....

«Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ не любя:
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранитъ мой талисманъ!»

---

* * *

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной

Адріатической волной
Повторены его октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто жъ посѣтилъ твой древній рай,
Твои пророческія сѣни?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавальныхъ оргій,
Кругомъ кого кипитъ народъ,
Кого привѣтствуютъ восторги?
Кто идеальною красой,
И томно-нѣжной и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
И по неволѣ увлекаетъ
Ихъ пестры волны за собой!...
. . . .
Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!
. . . .
На рай полуденной природы,
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса святыхъ искусствъ,
Въ стѣсненьи вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводитъ,
Дивясь и радуясь душой —
И ничего передъ собой
Себя прелестнѣй не находитъ.
Стоитъ ли съ важностью очей

Предъ Флорентійскою Кипридой:
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.
Мечты́ возвышенной полна,
Въ молчаньи смотритъ ли она
На образъ нѣжной Форнарины,
Или Мадоны молодой:
Она задумчивой красой
Очаровательнѣй картины.
Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
Горя восторгомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предастъ потомкамъ изумленнымъ
Ея небесныя черты?
Гдѣ ты, ваятель безымянный
Богини вѣчной красоты?
И ты, харитою вѣнчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль!
. . . .
. . . .

ПОСЛАНІЕ ВЪ СИБИРЬ.

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

---

* * *

Есть роза дивная: она
Предъ изумленною Киѳерой
Цвѣтетъ румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киѳеру и Паѳосъ
Мертвитъ дыханіе мороза —
Блеститъ между минутныхъ розъ
Неувядаемая роза...

1 апрѣля 1827. [Москва].

Е. Н. УШАКОВОЙ.

Когда, бывало, встарину,
Являлся духъ, иль привидѣнье,
То отгоняло сатану
Пустое это изреченье:
«Аминь, аминь, разсыпься!» Въ наши дни
Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній
[Богъ вѣдаетъ, куда дѣвалися они....];
Но ты — мой злой иль добрый геній!
Когда я вижу предъ собой
Твой профиль, иль глаза, и кудри золотыя,
Когда я слышу голосъ твой
И рѣчи рѣзвыя, живыя —
Я очарованъ, я горю,
Я содрогаюсь предъ тобою
И сердца пылкаго мечтою
«Аминь, аминь, разсыпься!» говорю.

3 апрѣля 1827. [Москва].

[КЪ НЯНѢ].

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь....

КН. ЗИНАИДѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ВОЛКОНСКОЙ.

[при посылкѣ ей поэмы: «Цыганы»].

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

КЪ ГРАФИНѢ КОЧУБЕЙ.

[при посылкѣ ей оды: «вольность»].

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышалъ....

Но васъ я вижу, вамъ внимаю...
И что же? слабый человѣкъ!
Свободу потерявъ навѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

ЭПИГРАММА.

[на А. Н. Муравьева].

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пиѳонъ,
И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ!
Кто жъ вступился за Пиѳона,
Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Къ тебѣ сбирался я давно
Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
Тобой воспѣтое вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ

Неволю невскихъ береговъ.
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня,
И на Невѣ, хоть нѣтъ охоты,
Прикованнымъ остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало, утопая,
Заимодавцевъ убѣгая,
Готовъ былъ всюду я летѣть.
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
Остепенившись, проклинаю
Я тяжесть денегъ и годовъ.
Прости, пѣвецъ, играй, пируй
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
Не знай сіятельнаго чванства,
Не знай любезныхъ должниковъ,
И не плати своихъ долговъ
По праву русскаго дворянства!

14 іюля. С.-Петербургъ.

ТРИ КЛЮЧА.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья,
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

27 іюля, 1827. С.-Петербургъ.

ЧЕРЕПЪ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Прими сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву,
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ, въ недобрый часъ,
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Дельвига. Баронъ,
Конечно, былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бъ рыцарской душой,
Когда бъ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ, впрочемъ, былъ судьбой,

Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физіологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ,
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво
Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать, да бить жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ въ видѣ зеркалъ и картинъ,
Короткій плащъ, картузъ, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ паутиною въ углу,
Лежали грудой на полу —
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго, да крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ, роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,
Въ чуланѣ онъ безпечно свищетъ.
Увѣренность, вѣщалъ мудрецъ,

Сердецъ высокихъ отпечатокъ.
Студентъ, однако жъ наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ.... скелетъ;
Предметъ философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
Вотъ онъ однажды въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И тотчасъ взявъ въ соображенье
Его характеръ и служенье,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говоритъ: нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свести меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между тѣмъ одинъ скелетъ
Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
Клянусь тебѣ айдесскимъ богомъ:
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обители моей.
Смутился кистеръ изумленный.
«Что за желанье? Что за страсть?
Идти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сонъ почтенный
И одного изъ нихъ украсть!
И кто же?... Онъ, гробовъ хранитель!
Что скажутъ мертвые потомъ?»
Но пиво, страха усыпитель
И гнѣвной совѣсти смиритель,
Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.

Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
Что къ ночи будетъ все готово,
И другу назначаетъ часъ.
Они разстались.
День угасъ.
Настала ночь. Плащемъ покрытый,
Стоитъ герой нашъ знаменитый
У галлереи гробовой,
И съ нимъ преступный кистеръ мой,
Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
Готовъ на подвигъ роковой.
И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
Визжитъ предательская дверь —
И сходятъ витязи теперь
Во мракъ подвала величавый;
Сіяньемъ тощимъ фонаря
Глухіе своды озаря,
Идутъ — и эхо гробовое,
Смущенное въ своемъ покоѣ,
Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
Вездѣ щиты, гербы, короны;
Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
Почіютъ непробуднымъ сномъ
Высокородные бароны...

Я бы никакъ не осмѣлился оставить риѳмы въ эту поэтическую минуту, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію похищенье совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о пе-

ренесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою будущаго, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель Вульфъ получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу.
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай,
И скандинавовъ рай воинскій
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлетъ-Баратынскій,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

---

* * *

Près des bords où Venise est reine de la mer.
A. Chenier.

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,

При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою; поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы....

(Михайловское. Осень).

---

19 ОКТЯБРЯ 1827.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

ЗОЛОТО И БУЛАТЪ.

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

ЭПИТАФІЯ МЛАДЕНЦУ ВОЛКОНСКОМУ.

[сыну декабриста Сергѣя Григорьевича].

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца.

1828.

ДРУЗЬЯМЪ.

Нѣтъ я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ — и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль, въ сердечномъ умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,

Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ —
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

ИВ. ЕРМОЛ. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

сочинителю «сатиры на игроковъ».

Такъ, элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — дѣльно міру!
Ему полезенъ розги свистъ.
Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ;
Съ какимъ усердьемъ онъ молился
И какъ несчастливо игралъ!
Вотъ молодежь: погорячился,
Продулся весь, и такъ пропалъ!
Дамонъ твой — человѣкъ ужасной;
Забудь его опасный домъ,
Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
Мой другъ, ты велъ себя прекрасно:
Ты никому тамъ не мѣшалъ,
Эраста нѣжно утѣшалъ,
Давалъ полезные совѣты,
И ни рубля не проигралъ.
Люблю: вотъ каковы поэты!

А то, уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшитъ и проповѣдникъ.
Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
Разсказъ мой:
Нѣкто мой сосѣдъ,
Въ томленьяхъ благородной жажды,
Хлебнувъ кастальскихъ водъ бокалъ,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ, его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы, понтировалъ!
Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

[Въ началѣ 1828].

---

* * *

[А. А. олениной].

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ —
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

ЕЯ ГЛАЗА.

[ВЪ ОТВѢТЪ НА СТИХИ КН. ВЯЗЕМСКАГО].

Она мила, скажу межъ нами —
Придворныхъ витязей гроза —
И можно съ южными звѣздами
Сравнить, особенно стихами,
Ея черкесскіе глаза.
Она владѣетъ ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но самъ признайся, то́ ли дѣло
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечты!....
Потупитъ ихъ съ улыбкой Леля —
Въ нихъ скромныхъ грацій торжество;
Подниметъ — ангелъ Рафаэля
Такъ созерцаетъ Божество!.

---

* * *

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.
A. Chenier.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой:
А неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы....

1828.

ПОРТРЕТЪ.

[ГР. АГРАФ. ӨЕДОР. ЗАКРЕВСКОЙ].

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О, жены сѣвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ —
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ.

---

* * *

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

НАПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои разсказы;
Таи, таи свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

КЪ ***.

Счастливъ, кто избранъ своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При комъ любовью млѣешь явно,
Чьи взоры властвуютъ тобой;
Но жалокъ тотъ, кто молчаливо,
Сгорая пламенемъ любви,
Потупя голову, ревниво,
Признанья слушаетъ твои.

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ засохшій, безуханной,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И ныньче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

TO DAWE ESQ[r].

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арабскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищетъ Мефистофиль.
Рисуй Олениной черты:
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

9 мая 1828 года. Море.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;

Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

*

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ.
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя — два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ.
И стерегутъ.... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!

19 мая 1828.

---

26 МАЯ 1828.

Даръ напрасный, даръ случайной,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

---

* Слѣдующіе за тѣмъ стихи въ рукописи были зачеркнуты.

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ....
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангелъ, руку
Я спѣшу въ послѣдній разъ.

Ангелъ кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечалься; взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;

И твое воспоминанье
Замѣнитъ душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.

ШОТЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
Воронъ, гдѣ бъ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ подъ ракитой
Богатырь лежитъ убитой.

Кѣмъ убитъ и отчего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ мило̀ва,
Не убитаго, живова.

ПОЛТАВА.

The power and glory, of the war,
Faithless, as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar,
I love this sweet name.

Byron.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила русское владычество на югѣ, обезпечила новыя завоеванія на сѣверѣ и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго царемъ.

Ошибка шведскаго короля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украйну безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однако жъ симъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25,000 шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ королемъ, побѣгутъ передъ нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко зѣло опаснаго дѣла. Въ семъ походѣ Карлъ XII менѣе, нежели когда нибудь, ввѣрялся своему счастію: оно уступило генію Петра.

Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмѣльницкаго. Исторія

представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣяніяхъ, клеветникомъ Самойловича — своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженія: память его, преданная церковію анаѳемѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятія человѣчества.

Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во французской мелодрамѣ и проч. Лучше было бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица.

31 января 1829.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ — но голосъ музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

[27 или 29 октября. Дер. Малинники].

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей.[1]
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора[2]
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,[3]
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами —
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь кіевскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ;

---

[1] Василій Леонтьевичъ Кочубей — генеральный судья, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ графовъ. — [2] Хуторъ — загородный домъ. — [3] У Кочубея было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной.

Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
Но не единая краса
[Мгновенный цвѣтъ!] молвою шумной
Въ младой Марія почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
За то завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украйна и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.
Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
За ней самъ гетманъ сватовъ шлетъ....[1]

Онъ старъ. Онъ удрученъ годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное.
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла послыша тяжкій летъ;

[1] Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но ему отказали.

Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.

И вся полна негодованьемъ
Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ
Схвативъ ей руку, говоритъ:
«Безстыдный! старецъ нечестивый!
Возможно ль?... Нѣтъ, пока мы живы,
Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
Онъ, должный быть отцомъ и другомъ
Невинной крестницы своей....
Безумецъ! на закатѣ дней,
Онъ вздумалъ быть ея супругомъ.»
Марія вздрогнула. Лицо
Покрыла блѣдность гробовая,
И охладѣвъ, какъ неживая,
Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи — и ни слова
Не говоритъ. Отецъ и мать
Ей сердце ищутъ успокоить,
Боязнь и горе разогнать,
Тревогу смутныхъ думъ устроить....
Напрасно. Цѣлые два дня,
То молча плача, то стеня,
Марія не пила, не ѣла,
Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла.

Никто не зналъ, когда и какъ
Она сокрылась. Лишь рыбакъ
Той ночью слышалъ конскій топотъ,
Казачью рѣчь и женскій шопотъ,
И утромъ слѣдъ осьми подковъ
Былъ видѣнъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланитъ,
Да русы кудри молодыя,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
Коснулась роковая вѣсть:
Она забыла стыдъ и честь,
Она въ объятіяхъ злодѣя!
Какой позоръ! Отецъ и мать
Молву не смѣютъ понимать.
Тогда лишь истина явилась
Съ своей ужасной наготой;
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы младой;
Тогда лишь только стало явно,
Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томилась тайно, воздыхала,
И на привѣты жениховъ
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала
И чаша пѣнилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ,[5]
Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда молва его не знала;
Зачѣмъ съ неженскою душой

[5] Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсень, донынѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

Она любила конный строй,
И бранный звонъ литавръ и клики
Предъ бунчукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки....[6]

Богатъ и знатенъ Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть онъ можетъ славу.
Онъ можетъ возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Онъ можетъ мщеніемъ отца
Постигнуть гордаго злодѣя;
Онъ можетъ вѣрною рукой
Вонзить.... но замыселъ иной
Волнуетъ сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданый и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины

[6] Бунчукъ и булава — знаки гетманскаго достоинства.

И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.[7]

Украйна глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: пора, пора!
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молвѣ, казалось, не внималъ,
И равнодушно пировалъ.

«Что жъ, гетманъ? юноши твердили:
Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носитъ булаву?
Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко,[8]
Иль Самойловичъ молодой,[9]

[7] Смотр. Мазепу Байрона. — [8] Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ русскаго владычества. — [9] Григорій Самойловичъ, сынъ гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I.

Иль нашъ Палѣй,[10] иль Гордѣенко[11]
Владѣли силой войсковой;
Тогда бъ въ снѣгахъ чужбины дальной
Не погибали казаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки.»[12]

Такъ, своеволіемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святыя брани, договоры,
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.
Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,

---

[10] Симеонъ Палѣй, хвостовскій полковникъ, славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ, по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ полтавскомъ сраженіи. — [11] Костя Гордѣенко, кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ. Впослѣдствіи передался Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г. — [12] 20000 казаковъ было послано въ Лифляндію.

Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливой
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Издавна умыселъ ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ — его проникъ.

«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
Скрежеща мыслитъ Кочубей:
Я пощажу твою обитель,

Темницу дочери моей;
Ты не истлѣешь средь пожара,
Ты не издохнешь отъ удара
Казачей сабли. Нѣтъ, злодѣй,
Въ рукахъ московскихъ палачей,
Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
Ты проклянешь и день, и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пиръ, на коемъ чести чашу
Тебѣ я полну наливалъ,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршунъ, заклевалъ!...»

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
Дѣлились чувствами они.
Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали рядомъ сквозь огни;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они —
Предъ Кочубеемъ гетманъ скрытной
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывалъ,
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ, было сердце Кочубея
Въ то время предано ему,
Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
Теперь позыву одному
Оно послушно; онъ голубитъ
Едину мысль и день и ночь:
Иль самъ погибнетъ, иль погубитъ —
Отмститъ поруганную дочь.

Но предпріимчивую злобу
Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ.
«Въ безсильной горести, ко гробу
Теперь онъ мысли устремилъ.
Онъ зла Мазепѣ не желаетъ
Всему виновна дочь одна.
Но онъ и дочери прощаетъ:
Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
Покрывъ семью свою позоромъ,
Забывъ и небо, и законъ....»

А между тѣмъ, орлинымъ взоромъ
Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
Себѣ товарищей отважныхъ,
Неколебимыхъ, непродажныхъ.
Во всемъ открылся онъ женѣ:[13]
Давно въ глубокой тишинѣ
Уже доносъ онъ грозный копитъ.
И гнѣва женскаго полна,
Нетерпѣливая жена
Супруга злобнаго торопитъ.
Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
Какъ нѣкій духъ, ему она
О мщеньи шепчетъ, укоряетъ,
И слезы льетъ, и ободряетъ,
И клятвы требуетъ — и ей
Клянется мрачный Кочубей.
Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
Безстрашный Искра заодно.[14]
И оба мыслятъ: «одолѣемъ;
Врага паденье рѣшено.
Но кто жъ, усердьемъ пламенѣя,

[13] Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его, гордая и высокоумная.—[14] Искра, полтавскій полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

Ревнуя къ общему добру,
Доносъ на мощнаго злодѣя
Предубѣжденному Петру
Къ ногамъ положитъ не робѣя?»

Между полтавскихъ казаковъ,
Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
Одинъ съ младенческихъ годовъ
Ее любилъ любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни украинскихъ черешенъ,
Бывало, онъ Марію ждалъ,
И ожиданіемъ страдалъ,
И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою:
Отказа бъ онъ не пережилъ.
Когда наѣхали толпою
Къ ней женихи, изъ ихъ рядовъ
Унылъ и сиръ онъ удалился.
Когда же вдругъ межъ казаковъ
Позоръ Маріинъ огласился,
И безпощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила —
И тутъ Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права.*

---

* Въ рукописи слѣдовали за этимъ еще стихи, исключенные при перепискѣ поэмы:

Убитый ею, къ ней одной
Стремилъ онъ страстныя желанья,
И горькій ропотъ и мечтанья
Души кипящей и больной.
Еще хоть разъ ее увидѣть
Безумной жаждой онъ горѣлъ:
Ни презирать, ни ненавидѣть
Ее не могъ и не хотѣлъ.

Но если кто хотя случайно
Предъ нимъ Мазепу называлъ,
То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
И взоры въ землю опускалъ.*

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ,
Не спотыкаясь конь ретивой
Бѣжитъ, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ — потѣха молодца,
Ретивый конь — потѣха тоже,
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставитъ радъ
Коня, червонцы и булатъ,
Но выдастъ шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,

---

* Въ рукописи было:

Но ежели, средь мутной думы,
Мазепу онъ воображалъ,
То всѣ черты его угрюмы
Смѣхъ ярый звѣрски искажалъ.

Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя, между тѣмъ
Не ужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ,
Съ нимъ полномощный езуитъ[15]
Мятежъ народный учреждаетъ
И шаткій тронъ ему сулитъ.
Во тьмѣ ночной они какъ воры
Ведутъ свои переговоры,
Измѣну цѣнятъ межъ собой,
Слагаютъ цифръ Универсаловъ,[16]
Торгуютъ царской головой,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нищій во дворецъ
Невѣдомо отколѣ ходитъ,
И Орликъ, гетмановъ дѣлецъ,[17]
Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ, на Дону, казачьи круги
Они съ Булавинымъ мутятъ,[18]
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу,
Тамъ, за порогами Днѣпра,
Стращаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра.

---

[15] Езуитъ Заленскій, княгиня Дульская и какой-то болгарскій архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украйну и обратно. — [16] Такъ назывались манифесты гетмановъ. — [17] Филиппъ Орликъ, генеральный писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти [въ 1710] сего послѣдняго, получилъ отъ Карла XII пустой титулъ малороссійскаго гетмана. Впослѣдствіи принялъ магометанскую вѣру, и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года. — [18] Булавинъ, донской казакъ, бунтовавшій около того времени.

Мазепа всюду взоръ кидаетъ,
И письма шлетъ изъ края въ край,
Угрозой хитрой подымаетъ
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова паша,
Во станѣ Карлъ и царь. Не дремлетъ
Его коварная душа;
Онъ думой думу развивая,
Вѣрнѣй готовитъ свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
Когда предъ нимъ незапно грянулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи, самому
Вельможи русскіе послали[19]
Въ Полтавѣ писанный доносъ,
И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ царь Іуду утѣшалъ,
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣщалъ!

Мазепа, въ горести притворной,
Къ царю возноситъ гласъ покорной.
«И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
Онъ, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
Царю служилъ душою вѣрной;

[19] Тайный секретарь Шафировъ и гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, дивно вознесенъ...
О, какъ слѣпа, безумна злоба!...
Ему ль теперь у двери гроба
Начать ученіе измѣнъ
И потемнять благую славу?
Не онъ ли помощь Станиславу[20]
Съ негодованьемъ отказалъ,
Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
И договоръ, и письма тайны
Къ царю, по долгу, отослалъ?
Не онъ ли наущеньямъ хана[21]
И цареградскаго султана
Былъ глухъ. Усердіемъ горя,
Съ врагами бѣлаго царя
Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
Трудовъ и жизни не жалѣлъ,
И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
Его сѣдины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Такъ долго бывъ его друзьями!...»
И съ кровожадными слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй....[22]

Чьей казни?... Старецъ непреклонный!
Чья дочь въ объятіяхъ его?
Но хладно сердца своего
Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.

---

[20] Въ 1705 году. Смотр. примѣчанія къ Исторіи Малороссіи, Б.-Каменскаго. — [21] Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на русское войско.— [22] Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неотступно требовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина съ пророкомъ Даніиломъ.

Онъ говоритъ: «въ неравный споръ
Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
Самъ точитъ на себя топоръ.
Куда бѣжитъ, зажавши вѣжды?
На чемъ онъ основалъ надежды?
Или.... но дочери любовь
Главы отцовской не искупитъ.
Любовникъ гетману уступитъ,
Не то — моя прольется кровь.»

Марія, бѣдная Марія,
Краса черкасскихъ дочерей!
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты мать забыть для нихъ могла,
Соблазномъ постланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла!
Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ.
Его лелѣешь съ умиленьемъ —
Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
Ты имъ въ безумномъ упоеньи,

Какъ цѣломудріемъ горда —
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьи....

Что стыдъ Маріи? Что молва?
Что для нея мірскія пени,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ, и шумъ,
Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?
И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмѣваетъ:
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости одниxъ,
И мнится, пенямъ ихъ внимаетъ....
О, если бъ вѣдала она,
Что̀ ужъ узнала вся Украйна!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

[3 октября].

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мраченъ. Умъ его
Смущенъ жестокими мечтами.
Марія нѣжными очами
Глядитъ на старца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему твердитъ.
Напрасно, черныхъ помышленій
Ея любовь не удалитъ.

Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
Онъ хладно потупляетъ взоръ,
И ей на ласковый укоръ
Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встаетъ она
И говоритъ съ негодованьемъ:

Послушай, гетманъ: для тебя
Я позабыла все на свѣтѣ.
Навѣкъ однажды полюбя,
Одно имѣла я въ предметѣ —
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастіе мое.
Но ни о чемъ я не жалѣю —
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
Въ ту ночь какъ стала я твоею,
Меня любить ты клялся мнѣ.
Зачѣмъ же ты меня не любишь.

МАЗЕПА.

Мой другъ, несправедлива ты!
Оставь безумныя мечты,
Ты подозрѣньемъ сердце губишь.
Нѣтъ, душу пылкую твою
Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
Марія, вѣрь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ.

Неправда; ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь,
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ
Въ пирахъ, разъѣздахъ — я забыта;
Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у езуита.

Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?

МАЗЕПА.

И ты
Ревнива? мнѣ ль, въ мои ли лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы
И женъ притворствомъ искушать?

МАРІЯ.

Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ,
И просто, прямо отвѣчай.

МАЗЕПА.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія; такъ и быть, узнай.

Давно замыслили мы дѣло;
Теперь оно кипитъ у насъ.
Благое время намъ приспѣло;
Борьбы великой близокъ часъ.
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украйнѣ быть уже пора —
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,

Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю:
Княгиня Дульская и съ нею
Мой езуитъ, да нищій сей
Къ концу мой замыселъ приводятъ.
Чрезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
Наказы, письма королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны ль?

МАРІЯ.

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

МАЗЕПА.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

МАРІЯ.

Я близъ тебя не знаю страха —
Ты такъ могущъ! О, знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.

МАЗЕПА.

А если плаха?....

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ.

МАЗЕПА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.

Я! люблю ли?

МАЗЕПА.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? Тревожитъ
Меня напрасно онъ. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ
[Какая страшная мечта!],
Моимъ отцомъ я проклята,
А за кого?

МАЗЕПА.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь....

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕПА.

Что жъ? Отвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА.

Послушай: если было бъ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была,
Кого бъ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! сердце не смущай!
Ты искуситель.

МАЗЕПА.

Отвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова....
О, не сердись! всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такія.
Довольно.

МАЗЕПА.

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый за̀мокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ за̀мкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,

Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!....

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего? —
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ — и пробужденъ
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ инаго —
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

ОРЛИКЪ.

Допросъ не конченъ; отвѣчай.

КОЧУБЕЙ.

Я отвѣчалъ уже; ступай,
Оставь меня.

ОРЛИКЪ.

Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.

КОЧУБЕЙ.

Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

ОРЛИКЪ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ.[23]
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую —
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

КОЧУБЕЙ.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой честь была,
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:

---

[23] Деревня Кочубея.

Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ: святую месть.
Ее готовлюсь Богу снесть.

ОРЛИКЪ.

Старикъ, оставь пустыя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?

КОЧУБЕЙ.

Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпой?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою;
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

ОРЛИКЪ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь?—Деньги гдѣ? скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай: мѣсто намъ назначь.
Молчишь? — Ну, въ пытку. Гей, палачъ![24]

Палачъ вошелъ....

---

[24] Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

О, ночь мученій!
Но гдѣ же гетманъ? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаніемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы младой
Сидитъ съ поникшею главой
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
«Умретъ безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клевретъ
Умрутъ.» Но, брося взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: «о, Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ —
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Упавъ поутру, загремитъ
По всей Украйнѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ!...
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены.
Въ одну телегу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно —
Теперь плачу безумства дань....

Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
Мнѣ, старцу мрачному — и что же?
Какой готовлю ей ударъ!...»
И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!
Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра.... Содрогаясь,
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и, тихо пробираясь,
Въ уединенный сходитъ садъ.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ.... слабый крикъ.... невнятный стонъ
Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —
Но только своего волненья

Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ;
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И — съ нимъ.... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули долы, холмы, нивы,
Вершины рощъ и волны рѣкъ.
Раздался утра шумъ игривый,
И пробудился человѣкъ.

Еще Марія сладко дышетъ,
Дремой объятая, и слышитъ
Сквозь легкій сонъ, что кто-то къ ней
Вошелъ и ногъ ея коснулся.
Она проснулась — но скорѣй
Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
Отъ блеска утреннихъ лучей.
Марія руки протянула
И съ нѣгой томною шепнула:
Мазепа, ты?... Но голосъ ей
Иной отвѣтствуетъ... О, Боже!
Вздрогнувъ, она глядитъ.... и что же?
Предъ нею мать....

МАТЬ.

Молчи, молчи,
Не погуби насъ: я въ ночи
Сюда прокралась осторожно
Съ единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебѣ одной

Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
Спаси отца!

ДОЧЬ [въ ужасѣ].

Какой отецъ?
Какая казнь?

МАТЬ.

Иль ты до нынѣ
Не знаешь?... Нѣтъ! ты не въ пустынѣ,
Ты во дворцѣ; ты знать должна,
Какъ сила гетмана грозна,
Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ государь ему внимаетъ —
Но вижу, скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
Когда читаютъ приговоръ,
Когда готовъ отцу топоръ...
Другъ другу, вижу, мы чужія....
Опомнись, дочь моя! Марія,
Бѣги, пади къ его ногамъ,
Спаси отца, будь ангелъ намъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
Ты можешь ихъ топоръ отвесть.
Рвись, требуй — гетманъ не откажетъ:
Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога....

ДОЧЬ.

Что со мною?
Отецъ.... Мазепа.... казнь.... съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ зàмкѣ мать моя —
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы....

МАТЬ.

Богъ съ тобою,
Нѣтъ, нѣтъ — не грезы, не мечты.

Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ,
И жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донесъ;
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы;
Что жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою;
Что предъ громадой войсковою,
Когда его не осѣнитъ
Десница вышняя Господня,
Онъ долженъ быть казненъ сегодня;
Что здѣсь покамѣстъ онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ.

ДОЧЬ.

Боже, Боже!...
Сегодня!... Бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ бубны. Скачутъ сердюки.[25]
Въ строяхъ ровняются полки.
Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помостъ;
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,

[25] Войско, состоявшее на собственномъ иждивеніи гетмановъ.

Играючи, топоръ тяжелый.
То шутитъ съ чернію веселой.
Въ гремучій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
Вдругъ восклицанье раздалось —
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ.
А тамъ, по кіевской дорогѣ,
Телега ѣхала. Въ тревогѣ,
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ.
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ — тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава —
И сердцемъ радуясь во злобѣ,
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ,
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустѣетъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили, полныя боязни.
Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой намостъ ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телегу подымали
Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
Мазепа, грозенъ, удалялся
Отъ мѣста казни. Онъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался;
Не говорилъ онъ ничего;
Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
Домой пріѣхавъ, «что, Марія?»
Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе....
Невольно страхомъ пораженъ,
Идетъ онъ къ ней; въ свѣтлицу входитъ —
Свѣтлица тихая пуста.
Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродитъ;
Но вкругъ широкаго пруда,
Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ —
Ушла! — Зоветъ онъ слугъ надежныхъ,
Своихъ проворныхъ сердюковъ.

Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
Раздался дикій кликъ погони.
Верхомъ — и скачутъ молодцы
Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія.
Не возвращается Марія.
Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
Мазепа молча скрежеталъ.
Затихнувъ, челядь трепетала.
Въ груди кипучій ядъ нося,
Въ свѣтлицѣ гетманъ заперся.
Близъ ложа тамъ во мракѣ ночи
Сидѣлъ онъ, не смыкая очи,
Нездѣшней мукою томимъ.
Поутру посланные слуги
Одинъ явились за другимъ.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пѣною покрыто,
Въ крови, растеряно, избито —
Но ни одинъ ему принесть
Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
И слѣдъ ея существованья
Пропалъ, какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ нищетой.

[9 октября].

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно въ даль
Вождю Украйны не мѣшаетъ.

Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Стоная молитъ исцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить;
Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины:
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ
Готовя шведамъ тризну тайну.
Незапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украйну.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилой,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами
И саблей машетъ — и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ.
Согбенный тяжко жизнью старой,

Такъ оный хитрый кардиналъ,
Вѣнчавшись римскою тіарой,
И прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ.

И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
Украйна смутно зашумѣла.
«Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный.» Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.
Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ царя?[26]
Гремитъ анаѳема въ соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ катъ;[27]
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ
Другаго гетмана творятъ.
Съ бреговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,

---

[26] Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной его быстротой и энергіей, удержали Украйну въ повиновеніи. «1708 г. ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки, по обычаю своему, вольными голосами выбрали въ гетманы полковника стародубскаго Ив. Скоропадскаго.—8-го числа пріѣхали въ Глуховъ кіевскій, черниговскій и переяславскій архіепископы. — А 9-го дня предали клятвѣ Мазепу оные архіереи публично; того же дня и персону [куклу] онаго измѣнника Мазепы вынесли, и снявъ кавалерію [которая на ту персону была надѣта съ бантомъ], оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, а потомъ повѣсили. — Въ Глуховѣ же, 10-го дня, казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ....» [Журналъ Петра Великаго]. — [27] Малороссійское слово. Порусски палачъ.

Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ въ царскій станъ.
Трепещетъ бунтъ осиротѣлой.
На плахѣ гибнетъ Чечель[28] смѣлой
И запорожскій атаманъ.
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.

И царь туда жъ помчалъ дружины.
Онѣ какъ буря притекли —
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлой,
Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходится боецъ.
И злобясь, видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ, блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: заутра бой.
Глубокій сонъ во станѣ шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.

[28] Чечель отчаянно защищалъ Батуринъ противъ войскъ кн. Меншикова.

Что дѣлать, далъ я промахъ важной:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважной;
Два, три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,[29]
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;[30]
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить какъ нынче казака
И обмѣнять на рану рану;[31]
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.»

ОРЛИКЪ.

Сраженья
Дождемся. Время не ушло

---

[29] Въ Дрезденъ къ королю Августу. Смотр. Voltaire Hist. de Charles XII. — [30] Ахъ, В. В.! бомба!... — «Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши.» Это случилось гораздо послѣ. — [31] Ночью Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

МАЗЕПА.

Нѣтъ, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ.
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова какъ во дни былые
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды....
Кому бѣжать, рѣшитъ заря.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго царя.

Горитъ востокъ зарею новой,
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ.
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.

Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь, строятся полки.
Молчитъ музы́ка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.

Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,

Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,

И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ;[32]
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазепа? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?[33]

---

[32] Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. «Ибо [сказано въ Жур. Петра Вел.] непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута.» Петръ впослѣдствіи времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день генераломъ кн. Меншиковымъ. — [33] L'Empereur Moscovite pénetré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler [было о чемъ и радоваться]

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ;
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
Степей широкій полукругъ,
Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ.
Предъ ними хуторъ.... Что же вдругъ
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Иль этотъ запустѣлый дворъ,
И домъ, и садъ уединенный,
И въ поле отпертая дверь
Какой нибудь разсказъ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узналъ ли ты сію обитель,
Сей домъ, веселый прежде домъ,
Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
Семьей счастливой окуженный,
Шутилъ, бывало, за столомъ?

---

recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles ....Alors prenant un verre de vin: a la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous, Messieurs, les généraux suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

Узналъ ли ты пріютъ укромный,
Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
И садъ, откуда ночью темной
Ты вывелъ въ степь.... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
На брегѣ синяго Днѣпра
Между скалами чутко дремлютъ
Враги Россіи и Петра.
Щадятъ мечты покой героя,
Уронъ Полтавы онъ забылъ.
Но сонъ Мазепы смутенъ былъ.
Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
И вдругъ въ безмолвіи ночномъ
Его зовутъ. Онъ пробудился.
Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
Тихонько кто-то наклонился.
Онъ вздрогнулъ, какъ подъ топоромъ....
Предъ нимъ съ развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Стоитъ, луной освѣщена....
«Иль это сонъ?... Марія.... ты ли?»

МАРІЯ.

Ахъ, тише, тише, другъ!... Сейчасъ
Отецъ и мать глаза закрыли....
Постой.... услышать могутъ насъ.

МАЗЕПА.

Марія, бѣдная Марія!
Опомнись! Боже!... Что съ тобой?

МАРІЯ.

Послушай, хитрости какія!
Что за разсказъ у нихъ смѣшной?
Она за тайну мнѣ сказала,
Что умеръ бѣдный мой отецъ,

И мнѣ тихонько показала
Сѣдую голову — Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: эта голова
Была совсѣмъ не человѣчья,
А волчья — видишь, какова!
Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
Не стыдно ль ей меня терзать?
И для чего? Чтобъ я не смѣла
Съ тобой сегодня убѣжать!
Возможно ль?
                    Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокой.
Но вихрю мыслей предана,*
«Однако жъ, говоритъ она:
Я помню поле.... праздникъ шумной....
И чернь.... и мертвыя тѣла...
На праздникъ мать меня вела....

---

* Въ рукописи послѣ этого стиха было написано еще 16, исключенныхъ при перепискѣ поэмы:

Но вихрю мыслей предана,
«Ей-Богу, говоритъ она:
Старуха лжетъ. Сѣдой проказникъ
Тамъ въ башнѣ спрятался. Пойдемъ,
Не будемъ горевать о немъ,
Пойдемъ.... Какой сегодня праздникъ?
Народъ бѣжитъ, народъ поетъ —
Пойду за ними; я на волѣ,
Меня никто не стережетъ....
Алтарь готовъ; въ веселомъ полѣ
Не кровь.... о нѣтъ, вино течетъ!
Сегодня праздникъ. Разрѣшили....
Женихъ — не крестный мой отецъ:
Отецъ и мать меня простили:
Идетъ невѣста подъ вѣнецъ!»
  Но вдругъ, потупя взоръ безумный,
Видѣнья страшнаго полна:
«Однако жъ, говоритъ она.... и пр.

Но гдѣ жъ ты былъ?... Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
Пойдемъ домой. Скорѣй.... ужъ поздно....
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустаго:
Я принимала за другаго
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.»

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала,
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
Огонь казачій пламенѣлъ;
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у брега Днѣпра
Коней разсѣдланныхъ поили.
Проснулся Карлъ. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ.»
Но гетманъ ужъ не спитъ давно.
Тоска, тоска его снѣдаетъ;
Въ груди дыханье стѣснено.
И молча онъ коня сѣдлаетъ,
И скачетъ съ бѣглымъ королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.

———

Прошло сто лѣтъ — и что жъ осталось
От сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ — гдѣ мельницъ рядъ крылатый
Оградой мирной обступилъ
Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
Вокругъ воинственныхъ могилъ —
Останки раззоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о шведскомъ королѣ.
Съ нихъ отражалъ герой безумный,
Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумной,
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы:
Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаѳемой донынѣ,
Грозя, гремитъ о немъ соборъ.
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ

Ихъ мирно церковь пріютила.[31]
Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь-преступница.... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

[16 октября. Петербургъ].

---

[31] Обезглавленныя тѣла Искры и Кочубея были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положены сущи,
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу,
Страданія и смерти испыимо чашу,
Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
Посѣченны заставше топоромъ во главы;
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войсковаго, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Искра, полковникъ полтавскій. Привезѣны же тѣла ихъ іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены.»

* * *

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорилъ: «тому, что было,
Ужъ не бывать, ужъ не бывать!»

Прошли любовныя печали,
Смирились легкія мечты....
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты!...

ЕКАТ. ВАС. ВЕЛЬЯШЕВОЙ.

[впослѣдствіи жандръ].

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса,
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи Тверской,
Но колѣнъ моихъ предъ вами
Преклонить я не посмѣлъ,
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ.
Упиваясь непріятно
Хмѣлемъ свѣтской суеты,
Позабуду, вѣроятно,
Ваши милыя черты,
Легкій станъ, движеній стройность,
Осторожный разговоръ,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.

Если жъ нѣтъ.... по прежню слѣду
Въ ваши мирные края
Черезъ годъ опять заѣду
И влюблюсь до ноября.

1828. Ижоры.

АННѢ ИВАН. ВУЛЬФЪ.

За Netty сердцемъ я летаю
Въ Твери, въ Москвѣ —
И R и O позабываю
Для N и W.*

ТЫ И ВЫ.

Пустое вы сердечнымъ ты
Она, обмолвясь, замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы;
И говорю ей: какъ вы милы!
И мыслю: какъ тебя люблю!

АНЧАРЪ,

ДРЕВО ЯДА.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила.

* Буквы означаютъ: Росетти, Оленину и Netty Wulf.

И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами —
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

9 ноября 1828. Деревня Малинники.

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной отравой:
Онъ заманитъ меня потомъ
Тебѣ вослѣдъ опять за славой.
Не такъ ли опытный гусаръ,
Вербуя рекрута, подноситъ
Ему веселый Вакха даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ не подкоситъ?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ строяхъ Парнасса
Предъ дѣломъ кубокъ наливай,
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмѣлья пожинай.

10 ноября 1828. Малинники.

ОПРИЧНИКЪ.

[отрывокъ].

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ, синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;

Утихъ и шумъ и крикъ торговой;
Лишь только лаетъ стражъ дворовой,
Да цѣпью звонкою гремитъ.

И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ разрубленный съ размаха,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы
Остывшей полные смолы;
Здѣсь опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ,
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ....

Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей? Опричникъ удалой.
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье:
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: «мой конь лихой,
Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
Скорѣй, скорѣй!...» Но конь ретивой
Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мглѣ между столповъ,
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ. Ѣздокъ суровой
Подъ нимъ промчаться былъ готовъ,
Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
Назадъ. «Куда, мой конь лихой?

Чего боишься? Что съ тобой?
Не мы ли здѣсь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местію горя,
Лихихъ измѣнниковъ царя?
Не ихъ ли кровію омыты
Твои булатныя копыты?
Теперь ужель ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!...» и конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ....
. . . .

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца.»
— Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь....
Гдѣ жъ мертвецъ? — «Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый видѣнъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.

Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ —

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ....
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутова
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу.»

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?» — Эй, впусти, хозяинъ!
«Ну, какая тамъ бѣда?

Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. «Чтобъ ты лопнулъ!»
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

———

ЧЕРНЬ.

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ — а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный,
Ему безсмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

ПОЭТЪ.

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все — на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!... Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

ЧЕРНЬ.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,

Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

ПОЭТЪ.

Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ! —
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

ОТВѢТЪ А. Н. ГОТОВЦОВОЙ.

И недовѣрчиво, и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоикъ, приметъ хладно
Привѣтъ харитъ и красоты?

Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ ужели я навлекъ?
О, сколько бъ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтреный Зоилъ,
Когда бъ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ, а ты
Была всегда бъ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

[Между 10—26 ноября].

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ МИЦКЕВИЧА:

КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ.

Сто лѣтъ минуло, какъ тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже прусакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся — и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Струился Нѣманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Боговъ пристанища святыя.
Символъ германца на другомъ —
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,

И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачить.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ;
Токъ Нѣмана гостепріимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишенъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

———

И. В. СЛЕНИНУ.

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только спѣсь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой
Милѣй болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являться впрочемъ не хочу;
Но твой альбомъ другое дѣло,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ тщеславья онъ открытъ:
Царицъ ты любишь Геликона
И ими самъ не позабытъ;
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И ларъ молитвеннымъ стихомъ.

В. С. ФИЛИМОНОВУ,

ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ПОЭМЫ ЕГО: «ДУРАЦКОЙ КОЛПАКЪ».

Вамъ музы, милыя старушки,
Колпакъ связали въ добрый часъ,
И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
Хотѣлось въ томъ же мнѣ уборѣ
Предъ вами нынче щегольнуть

И въ откровенномъ разговорѣ,
Какъ вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпакъ изношенъ,
Хоть и любилъ его поэтъ;
Онъ поневолѣ мной заброшенъ:
Не въ модѣ ныньче красный цвѣтъ.
И такъ, въ знакъ мирнаго привѣта,
Снимая шляпу, бью челомъ,
Узнавъ философа-поэта
Подъ осторожнымъ колпакомъ.

ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНУ.

Кобылица молодая,
Честь кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора!
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Что жъ новаго? «Ей Богу, ничего.»
—Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь.

Иль ты сердитъ? Помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово....
«Охъ, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново.»

СОБРАНІЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохотны коровки,
Есть, право, менѣе булавочной головки.

Крыловъ

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то какая сортировка!
Вотъ Глинка — Божія коровка,
Вотъ Каченовскій — злой паукъ,
Вотъ и Свиньинъ — россійскій жукъ,
Вотъ Олинъ — черная мурашка,
Вотъ Раичъ — мелкая букашка.
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

1828.

П. А. ПЛЕТНЕВУ.

[ПОСВЯЩЕНІЕ 4 И 5 ГЛ. ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА].

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,

Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

29 декабря 1828 г.

1829.

ПРИМѢТЫ.

[А. А. Олениной].

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.

Я ѣхалъ прочь: иные сны....
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Онъ умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Вспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, въ тишинѣ
Произнеси его тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я!

---

* * *

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

КЪ***.

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права,

Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю,
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ.... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрныя гоненья —
Къ забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ,
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

ЕКАТ. НИКОЛ. УШАКОВОЙ.

[въ альбомъ].

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы Сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза....
И наши риѳмы, наша проза
Предъ вами шумъ и суета...
Но красоты воспоминанье

Намъ сердце трогаетъ тайкомъ —
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память по неволѣ
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Прѣсненское поле
Еще заборъ не заграждалъ.

Москва.

ИЗЪ ЕЯ ЖЕ АЛЬБОМА.

Въ отдаленіи отъ васъ
Съ вами буду неразлученъ;
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размученъ.
Изнывая въ тишинѣ,
Не хочу я быть утѣшенъ,
Вы жъ вздохнете ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ.

[Передъ отъѣздомъ на Кавказъ].

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ элизіи Василій Тредьяковскій
[Преострый мужъ, достойный много хвалъ]
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій;
Свои статьи Елагинъ обѣщалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ;
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
И, говорятъ, на дняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ,
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ Михайло Каченовскій.

ЭПИГРАММЫ НА КАЧЕНОВСКАГО.

1.

Какъ сатирой безымянной
Ликъ Зоила я пятналъ,
Признаюсь: на вызовъ бранной
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
Въ полученьи оплеухи
Росписался мой дуракъ?

2.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленемъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спиною
Подъ холодный «Вѣстникъ» свой,
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ ѵжицу живой.

3.

Обиженный журналами жестоко,
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко.
Вотъ подалъ онъ на цензора доносъ;
Но цензоръ правъ; намъ смѣхъ, Зоилу носъ.
Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя сказать: «такой-то-де старикъ
Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золъ и подлъ» — все это будетъ личность;
Не можете печатать, напримѣръ,
Что «господинъ парнасскій старовѣръ
Въ своихъ статьяхъ нелѣпицы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ,
Тяжеловатъ и даже глуповатъ»:
Тутъ не лицо, а только литераторъ.

ОТРЫВОКЪ.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!... Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ — отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

ИЗЪ ГАФИЗА.

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавой
Съ карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встрѣтитъ:
Азраилъ среди мечей
Красоту твою замѣтитъ —
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда!

5 іюля 1829. Лагерь при Евфратѣ.

ОТРЫВКИ.

1.

Зорю бьютъ.... Изъ рукъ моихъ
Ветхій Данте выпадаетъ;
На устахъ начатый стихъ
Недочитанный затихъ....

Звукъ далече улетаетъ.
Звукъ привычный, звукъ живой!
Сколь ты часто раздавался
Тамъ, гдѣ тихо развивался
Я давнишнею порой!...

2.

Критонъ, роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Аѳинъ,
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія....
Однажды — слушайте, друзья!
Онъ по Керамику скитался
И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась нимфа молодая....

14 іюля. [Арзерумъ].

3.

Былъ и я среди донцовъ,
Гналъ и я османовъ шайку;
Въ память боевъ и пировъ,
Я привезъ домой нагайку.
Дома, ... въ тишинѣ,
Сохранилъ я балалайку —
Съ нею рядомъ, на стѣнѣ
Я повѣшу и нагайку....
Что таиться отъ друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней,
И берегъ свою нагайку.

4.

[ПЕРЕДЪ БЮСТОМЪ].

Напрасно видятъ тутъ ошибку:
Рука искусства навела

На мраморъ этихъ устъ улыбку,
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Не даромъ ликъ сей двуязыченъ.
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ,
Въ лицѣ и въ жизни арлекинъ.

ЭПИГРАММА.

Поэтъ игрокъ, о Беверлей-Горацій,
Проигрывалъ ты кучи ассигнацій,
И серебро, наслѣдіе отцовъ,
И лошадей, и даже кучеровъ;
И съ радостью на карту — на злодѣйку
Поставилъ бы тетрадь своихъ стиховъ,
Когда бъ твой стихъ ходилъ хотя въ копѣйку.

[На кавказскихъ водахъ].

КЪ N. N.

Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ картахъ и въ пирахъ;
Ты. St-Priest въ каррикатурахъ,
Ты Нелединскій въ стихахъ,
Ты прострѣленъ на дуэлѣ,
Ты разрубленъ на войнѣ —
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполнѣ.

[На кавказскихъ водахъ].

КАЛМЫЧКѢ.

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей

Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
По-англійски, предъ самоваромъ,
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сенъ-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мы запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

ДОНЪ.

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ....

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ;
Отъ Аракса и Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

1829.

ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ....
Посмотрите! каковы?...
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

7 сентября.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,

Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной....
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

20 сентября.

ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телегѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ.

На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,

Иль со скуки околѣю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.

Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать,
И телятиной холодной
Трюфли Яра* поминать?

То ли дѣло, быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разъѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
Надосугѣ помышлять!

То ли дѣло, рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!...
Ну, пошелъ же, погоняй!...

[4 октября. На дорогѣ съ Кавказа].

ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
    И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
    Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
    Загородилъ,
И Терека могущій валъ
    Остановилъ.

* Московскій ресторатор.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга....
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ.
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

29 октября.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный варягъ,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатной
На цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли;

Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

---

* * *

2-го ноября.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли мятель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
Читать хочу — глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко.... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ.... Теряю всѣ права
Надъ риѳмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманной.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ.
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,

Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданая семья: старушка, двѣ дѣвицы
[Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы],
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтреныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце — день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный,
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры
Навстрѣчу сѣверной Авроры,
Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,

И ты печальная сидѣла —
А ныньче.... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

3 ноября.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи — безумный расточитель —
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часто, утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!

Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ лицей,
И слышалъ.... снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ....
Поэтомъ забывался я!

И славныхъ лѣтъ, передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады
Стоятъ населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ!...

Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ, и леталъ!
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ наваринскій Ганнибалъ!....

14 декабря. 1829 С.-Петербургъ.

ЭЛЕГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Поѣдемъ, я готовъ: куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ.... Но, друзья,
Скажите, въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?
. . . .

23 декабря 1829.

СТАНСЫ.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.*

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

26 декабря 1829 года.
С.-Петербургъ, 3 часа 5 минутъ.

---

* Вѣроятно послѣ этой строфы слѣдовала зачеркнутая въ рукописи:

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбѣжной
Вездѣ близка, всегда со мной.

ЗАГАДКА.

[при посылкѣ Дельвигу бронзоваго сфинкса].

Кто на снѣгахъ возрастилъ Өеокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши.

ЭПИГРАММЫ НА НАДЕЖДИНА.

I.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?»
Пятнадцать. — «Только-то? Эй, розгу!»
За симъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.

II.

ПРИТЧА.

Но видно по всему, что онъ семинаристъ.
Дмитріевъ.

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
«Вотъ», подбочась, сапожникъ продолжалъ:

«Мнѣ кажется, лицо немного криво....
А эта грудь не слишкомъ ли нага.»
Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
Суди, дружокъ, не свыше сапога.

Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
Попробуй онъ судить о сапогахъ.

ГАЛУБЪ.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,
Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались адехи
На дворъ Галуба старика.
Въ нежданой встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убитъ
Вблизи развалинъ Татартуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальной;
Звучитъ уныло пѣснь муллы;
Въ арбу впряженные волы
Стоятъ передъ саклею печальной;
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемлютъ гости скорбный вой,
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;

И внемля шумъ не боевой,
Мятутся спутанные кони.
Всѣ ждутъ. Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ. Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ,
Слагаютъ тѣло на арбу,
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинской:
Неразряженную пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ грузинской,
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смиряя молча пылъ коней.
Ужъ потухалъ закатъ огнистой,
Златя нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихіе волы.
Въ долинѣ той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой —
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой....

Ужъ трупъ землею взятъ. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Старикъ сѣдой, съ нимъ отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу,
И скорбному старикъ отцу

Такъ молвилъ, важный и спокойный:
«Тому прошло тринадцать лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ, покоренъ будь судьбѣ!
Другаго я привелъ тебѣ —
Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь;
Труды мои ты самъ оцѣнишь —
Хвалиться ими не хочу.»

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ,
Главу потупя, молчаливо
Ему недвижимъ предстоитъ.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуясь,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодаритъ и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками
Его онъ хочетъ угощать,
И послѣ съ честью провожать,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, отецъ печальный мнитъ,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидъ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ

Все дикость прежнюю хранитъ.
Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дольнаго куда
Младые сны его уводятъ?....
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
Какъ вѣтеръ въ небѣ....
                                        Но отецъ
Уже Тазитомъ недоволенъ.
«Гдѣ жъ, мыслитъ онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ, и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ?»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулѣ нѣтъ его,
На третій онъ домой приходитъ.

ОТЕЦЪ.

Гдѣ былъ ты, сынъ?

СЫНЪ.

Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
И путь открытъ на Даріалъ.

ОТЕЦЪ.

Что дѣлалъ тамъ?

СЫНЪ.

Я слушалъ Терекъ.

ОТЕЦЪ.

А не видалъ ли ты грузинъ,
Иль русскихъ?

СЫНЪ.

Видѣлъ я, съ товаромъ
Тифлисскій ѣхалъ армянинъ.

ОТЕЦЪ.

Онъ былъ со стражей?

СЫНЪ.

Нѣтъ одинъ.

ОТЕЦЪ.

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его,
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?

Потупилъ очи сынъ черкеса,
Не отвѣчая ничего.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

ОТЕЦЪ.

Гдѣ былъ?

СЫНЪ.

За бѣлою горой.

ОТЕЦЪ.

Кого ты встрѣтилъ?

СЫНЪ.

На курганѣ
Отъ насъ бѣжавшаго раба.

ОТЕЦЪ.

О, милосердая судьба!
Гдѣ жъ онъ? Ужели на арканѣ
Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.
Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
Но скрылъ свое негодованье.
«Нѣтъ, мыслитъ онъ, не замѣнитъ
Онъ никогда другаго брата!
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ злата;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разъѣзды,
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ нагайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать.»

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
На третій, блѣденъ какъ мертвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?

СЫНЪ.

Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ.

. . . .

ОТЕЦЪ.

Кого ты видѣлъ?

СЫНЪ.

Супостата.

ОТЕЦЪ.

Кого, кого?

СЫНЪ.

Убійцу брата.

ОТЕЦЪ.

Убійцу сына моего?...
Тазитъ! гдѣ голова его?
Дай, нагляжусь!

СЫНЪ.

Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ....

ОТЕЦЪ.

Ты долга крови не забылъ....
Врага ты навзничь опрокинулъ....
Не правла ли? Ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ,
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стенаньемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?...
Гдѣ жъ голова? Подай!... Нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталъ Галубъ чернѣе ночи,
И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,
Ты не чеченецъ, ты старуха,
Ты трусъ, ты рабъ, ты армянинъ:
Будь проклятъ мной! — Поди, чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ,

И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
Чтобъ ты, какъ раненый олень,
Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
Чтобъ дѣти русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали,
И какъ волченка затерзали —
Чтобъ ты.... Бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!»
Сказалъ и на земь легъ — и очи
Закрылъ, и такъ лежалъ до ночи.
Когда же приподнялся онъ,
Былъ теменъ синій небосклонъ.

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинѣ шумно собрались;
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробиваютъ,
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ съ разу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ — и гулъ лѣсной
Далече вторитъ ихъ напѣвы.
Но между юношей — одинъ
Забавъ наѣздничьихъ не дѣлитъ,
Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
Изъ лука звонкаго не цѣлитъ.
Но между дѣвами — одна
Молчитъ уныла и блѣдна.
Они въ толпѣ четою странной
Стоятъ, не видя ничего.
И горе имъ: онъ — сынъ изгнанный,
Она — любовница его....
О, было время!... Съ ней украдкой

Видался юноша въ горахъ;
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу,
Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И отвѣчая не глядѣла,
И разгоралась какъ заря;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
И долго кованный кувшинъ
Волною звонкой наполняла....
И онъ, невластный превозмочь
Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ: «твоя мнѣ дочь
Давно мила; по ней тоскуя,
Одинъ и сиръ давно живу я;
Благослови любовь мою,
Я бѣденъ — но могучъ и молодъ,
Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ....»

1830.

—

ОТВѢТЪ.

[ЕК. Н. УШАКОВОЙ].

Я васъ узналъ, о мой оракулъ,
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракулъ,
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ.... столь неправымъ,
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ,
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи — ледъ, сердца — гранитъ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтрености милой,
Ни музъ, ни Прѣсни, ни харитъ.

———

СТАНСЫ.

[МИТР. МОСК. ФИЛАРЕТУ].

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

19 января 1830. С.-Петербургъ.

НА ПЕРЕВОДЪ ИЛІАДЫ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

АРІОНЪ.

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —

Пловцамъ я пѣлъ.... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ-налету вихорь шумный....
Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

---

* * *

О муза пламенной сатиры,
Прійди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
И не поэтамъ мирныхъ дамъ,
Готовлю язву эпиграммъ!
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята-подлецы,
Впередъ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда,
А если же кого забуду —
Прошу напомнить, господа!
О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!

НА Ѳ. В. БУЛГАРИНА.

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко — ляхъ, Мицкевичъ — ляхъ!

Пожалуй, будь себѣ татаринъ —
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ — и это не бѣда;
Но то бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ.

[февраль 1830].

ЭПИГРАММА.

Глухой глухова звалъ къ суду судьи глухова.
Глухой кричалъ: «моя имъ сведена корова.»
—Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ,
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ. —
Судья рѣшилъ: «почто идти вамъ братъ на брата?
Ни тотъ и ни другой, а дѣвка виновата!»

[Начало 1830 г.].

ЦИКЛОПЪ.

[ЭКСПРОМТЪ ВЪ КОСТЮМѢ ЦИКЛОПА, НА МАСКАРАДѢ У ВЕЛ. КН. ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ].

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ.
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда бъ судьбы того хотѣли,
Когда бъ имѣлъ я сто очей,
То всѣ бы сто на васъ глядѣли.

[1830 начало].

НОВОСЕЛЬЕ.

[П. В. НАЩОКИНУ].

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ — а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.

Ты счастливъ: ты свой домикъ малой,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.

1830. Москва.

КЪ ВЕЛЬМОЖѢ.

[КН. Н. Б. ЮСУПОВУ, ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЕ].

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я, увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты съ молоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней — и циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,

Рѣзвилась, вѣтренымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аѳею иль деисту,
Какъ любопытный скиѳъ аѳинскому софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ,
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій, отрока восторговъ полный, сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ и, не страшась ревниваго испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ....
О, разскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,

Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ.

Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ.
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ.
Энциклопедіи скептическій причетъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Вліянье красоты

Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
Такъ вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день, другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Москва, 1830.

ПОЭТУ.

[сонетъ].

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

1-го іюля 1830.

МАДОНА.

[сонетъ].

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

8-го іюля.

КЪ ***.

[сонетъ].

Scorn not the sonnet critic.
Wordsworth.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ облекалъ.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,

Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеалъ.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненной
Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

1830. Москва.

ЦЫГАНЫ.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провожалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

[ИВ. АЛЕКСАНДР. ГУЛЬЯНОВУ].

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ —
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
«Тѣмъ лучше», говорятъ любители искусствъ:
«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ». Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно....
. . . .

[Москва].

БѢСЫ.

[шалость].

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ ямщикъ?.... «Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой.»

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;

Кони стали... — Что тамъ въ полѣ?
«Кто ихъ знаетъ: пень, иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ....
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ....

1830. 7 сентября [октября?]. Болдино.

ПАЖЪ, ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

C'est l'âge de Chérubin...

Пятнадцать лѣтъ ужъ скоро минетъ;
Дождусь ли радостнаго дня?

Какъ онъ впередъ меня подвинетъ!
Но и теперь никто не кинетъ
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ; ужъ надъ губой
Могу свой усъ я защипнуть;
Я важенъ какъ старикъ беззубой;
Вы слышите мой голосъ грубой:
Попробуй кто меня толкнуть!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скроменъ,
И между ними есть одна....
И гордый взоръ ея такъ теменъ,
И цвѣтъ ланитъ ея такъ томенъ,
Что жизни мнѣ милѣй она.*

Она готова хоть въ пустыню
Бѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?...
Нѣтъ, ни за что не назову!

7 октября [сентября?] 1830.

ЭЛЕГІЯ.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.

---

* Въ рукописи послѣ этой строфы написано еще двѣ:

Вечоръ она мнѣ величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядѣть налѣво и направо,
То дастъ она мнѣ яду — право,
Вотъ какова ея любовь!

Она строга, властолюбива,
Но я дивлюсь ея уму;
И ужасъ какъ она ревнива,
За то со всѣми горделива
И мнѣ доступна одному.

Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

8 сентября [Болдино].

КАПРИЗЪ.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что жь ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить,
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогой,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогой,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.

Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
И кличетъ изъ-дали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужъ схоронилъ!

1 октября 1830. Болдино.

ОСЕНЬ.*

[отрывокъ].

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ.
Державинъ.

I.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ, сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей —
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

---

* Въ «Москвитянинѣ» 1842 г. Погодинъ сообщилъ стихи [Осеннее чувство], будто бы уцѣлѣвшіе въ его памяти въ теченіе 12 лѣтъ. Вѣроятнѣе, что онъ самъ составилъ по памяти нѣсколько стиховъ, имѣющихъ основу въ прочитанной ему «Осени»:

...Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая стучитъ!
. . . .
Какъ онъ взвился, ретивый, смѣлый
Черезъ потокъ оледенѣлый!
. . . .
Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ,
Ланиты жарче вешнихъ розъ
Играютъ холодомъ и кровью....

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь; весной я боленъ:
Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ;
Люблю ея снѣга, въ присутствіи луны,
Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
Когда, подъ соболемъ согрѣта и свѣжа,
Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги.
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?...
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю надоѣстъ. Нельзя же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное, любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи;
Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя —
Иной въ насъ мысли нѣтъ; и жаль зимы старухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,

Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславной,
Умѣлъ я отыскалъ мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ; на лицѣ еще багровый цвѣтъ;
Она жива еще сегодня — завтра нѣтъ.

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровье моему полезенъ русссій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ
[Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ].

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ —

И звонно подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ; то яркій свѣтъ ліетъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.*

XII.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но, чу!... матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ — и паруса надулись вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

---

* Въ рукописи послѣ этихъ стиховъ зачеркнута поэтомъ слѣдующая строфа:

XI.

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапскіе цари,
Гречанки съ четками, корсары, богдыханы,
Испанцы въ епанчахъ, жиды, богатыри,
Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моей зари —
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами,
Съ висками гладкими и томными очами.

XIII.

Плыветъ.... Куда жъ намъ плыть?...

. . . .

РАЗСТАВАНІЕ.

Въ послѣдній разъ твой образъ милой
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ;
Ужъ ты для страстнаго поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя твой другъ угасъ.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

5 [8?] октября 1830 Болдино.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

Modo vir, modo foemina.

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ:
Имъ пишетъ всякій. Мальчикамъ въ забаву
Пора бъ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу!
Вѣдь риѳмы запросто со мной живутъ;
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкой, вольной,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу....
Вы знаете, что риѳмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ Шихматовъ богомольной,
По бо̀льшей части такъ и я пишу.
Къ чему, скажите? ужъ и такъ мы голы:
Отнынѣ въ риѳмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
Иль какъ коней, за ихъ плохую стать,
А подбирать союзы да нарѣчья;
Изъ мелкой сволочи вербую рать.
Мнѣ риѳмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь словарь; что слогъ, то и солдатъ —
Всѣ годны въ строй; у насъ вѣдь не парадъ,

IV.

У насъ война! Красавцы молодые,
Вы хрипуны [но хрипъ вашъ пріумолкъ],
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи ширванскій полкъ?
Ужъ люди! мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавой:
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

V.

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой ни творили?
Но мы, лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы риѳму заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,
И нашихъ дней изнѣженный поэтъ
Чуть смыслитъ свой уравнивать куплетъ.

VI.

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбамъ, мѣрѣ низкой....
Съ гекзаметромъ.... О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ александрійской?...
Ужъ не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій
И съ жаломъ даже — точная змія;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

VII.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой;
Но пудреной піитикѣ на зло

Растрепанъ онъ свободною цензурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Hugo съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.

VIII.

О, чтѝ бъ сказалъ поэтъ-законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ риѳмачей!
И ты, Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты, Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты, Делиль, парнасскій муравей,
Чтѝ бъ вы сказали, сей соблазнъ увидя?
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ, вашъ стихъ обидя!

IX.

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете у «Телеграфа»
Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

X.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Ровняйтеся, вытягивайте ноги,
И по три врядъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги!
Держись вольнѣй и только не плошай,
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
И выѣдемъ на ровную дорогу.

XI.

Какъ велело стихи свои вести
Подъ цифрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,

Не позволять имъ въ сторону брести,
Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!
Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
А стихотворецъ.... съ кѣмъ же равенъ онъ?
Онъ Тамерланъ, иль самъ Наполеонъ.

XII.

Немного отдохнемъ на этой точкѣ.
Что? перестать или пустить на пе?...
Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ.
Иначе стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ,
И хоть лежу теперь на канапе,
Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
По мерзлой пашнѣ мчучь я на телегѣ.

XIII.

Что за бѣда? Не все жъ гулять пѣшкомъ
По невскому граниту, иль на балѣ
Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
Въ степи киргизской. Поплетусь-ка далѣ,
Со станціи на станцію шажкомъ,
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
Который, не кормя, на рысакѣ
Пріѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

XIV.

Скажу, рысакъ!... Парнасскій иноходецъ
Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодезь
Изсохъ. Поросъ крапивою Парнасъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

XV.

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо....
Но муза никому здѣсь не грози —
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголъ «Сѣверной Пчелы!»

XVI.

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
Или «Газетою Литературной»
Ты будешь призвана на барскій судъ.
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной;
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ,
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

XVII.

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ
Изъ за угла смѣяться надо всѣми!
Но самъ въ толпу не суйся.... или смѣхъ
Плохой ужъ выйдетъ: шутками однѣми,
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

XVIII.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу.
Порой я стихъ повертываю круто,
Все жъ видно — не впервой я имъ верчу!

А какъ давно? Того и не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь — а какъ наѣду...
Что жъ? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

XIX.

Покамѣстъ можете принять меня
За стараго, обстрѣленнаго волка,
Или за молодаго воробья,
За новичка, въ которомъ мало толка.
У васъ въ шкапу быть можетъ мнѣ, друзья,
Отведена особенная полка,
А можетъ быть впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.

XX.

Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за меня своей указкой
Другаго строгій критикъ пощелкалъ!
Ужъ тото бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ!

XXI.

А, вѣроятно, не замѣтятъ насъ:
Меня съ октавами моими купно.
Однако жъ намъ пора. Вѣдь я разсказъ
Готовилъ; а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой — врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.
Фригійскій рабъ, на рынкѣ взявъ языкъ,

XXII.

Сварилъ его [у господина Копа
Коптятъ его]. Езопъ его потомъ

Принесъ на столъ... Опять, зачѣмъ Езопа
Я вплелъ съ его вареньмъ языкомъ
Въ мои стихи? Чтò вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
На силу-то, риѳмачъ я безразсудной,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной!

XXIII.

Усядься муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! Не вертись, рѣзвушка!
Теперь начнемъ. — Жила-была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

XXIV.

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ:
Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
Ея построенъ трехъ-этажный домъ.
Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
О той порѣ, когда я былъ моложе,
Я думалъ: живы ли онѣ? — И что же?

XXV.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его бы обхватилъ кругомъ,
То моему бъ озлобленному взору
Пріятно было пламя. Страннымъ сномъ
Бываетъ сердце полно; много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XXVI.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ правитъ
И держитъ мысль на привязи свою,
Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ
Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославитъ
Вмигъ извергомъ.... Я воды Леты пью,
Мнѣ докторомъ запрещена унылость;
Оставимъ это — сдѣлайте мнѣ милость!

XXVII.

Старушка [я стократъ видалъ точь въ точь
Въ картинахъ Рембрандта такія лица]
Носила чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови — темные какъ ночь,
Сама бѣла, нѣжна — какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.

XXVIII.

Играть умѣла также на гитарѣ,
И пѣла: «стонетъ сизый голубокъ»,
И «выду ль я....» и то — что ужъ постарѣ,
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Иль скучной осенью при самоварѣ,
Или весною, обходя лѣсокъ,
Поетъ уныло русская дѣвица,
Какъ музы наши грустная пѣвица.

XXIX.

Фигурно иль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта!

Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

XXX.

Параша [такъ звалась красотка наша]
Умѣла мыть и гладить, шить и плесть;
Всѣмъ домомъ правила одна Параша;
Поручено ей было счеты весть,
При ней варилась гречневая каша
[Сей важный трудъ ей помогала несть
Стряпуха Ѳекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха].

XXXI.

Старушка-мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
То у окна, то на дворѣ мелькала,
И кто бы ни проѣхалъ иль ни шелъ,
Всѣхъ успѣвала видѣть [зоркій полъ!].

XXXII.

Зимою ставни закрывались рано,
Но лѣтомъ до ночи растворено
Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно
[Безъ этого ни одного романа
Не обойдется: такъ заведено!].
Бывало мать давнымъ давно храпѣла,
А дочка на луну еще смотрѣла,

XXXIII.

И слушала мяуканье котовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной,

Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ —
И только. Ночь надъ мирною Коломной
Тиха отмѣнно! Рѣдко изъ домовъ
Мелькнуть двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.

XXXIV.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею къ Покрову,
И становилася передъ толпою
У крылоса на-лѣво. Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши на яву,
Въ Коломну, къ Покрову — и въ воскресенье
Тамъ слушать русское богослуженье.

XXXV.

Туда, я помню, ѣздила всегда
Графиня.... [звали какъ, не помню право].
Она была богата, молода;
Входила въ церковь съ шумомъ величаво;
Молилась гордо [гдѣ была горда!].
Бывало, грѣшенъ! все гляжу на-право,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй.

XXXVI.

Порой графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно,
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось нѣжно,
Графиня же была погружена
Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXXVII.

Она казалась хладный идеалъ
Тщеславія. Его бъ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгія печали,
Смиренье жалобъ.... Въ нихъ-то я вникалъ;
Невольный взоръ они-то привлекали....
Но это знать графиня не могла,
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXXVIII.

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ея текла
Въ роскошной нѣгѣ; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой ѳиміамъ — она была несчастна.
Блаженнѣе стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXXIX.

Коса змѣей на гребнѣ роговомъ,
Изъ-за ушей змѣею кудри русы,
Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ,
На тонкой шеѣ восковыя бусы —
Нарядъ простой; но предъ ея окномъ
Все жъ ѣздили гвардейцы черноусы,
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XL.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
Или равно для всѣхъ она была
Душою холодна? увидимъ ниже.
Покамѣстъ мирно жизнь она вела,

Не думая о балахъ, о Парижѣ,
Ни о дворѣ [хоть при дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга гофъ-фурьера].

XLI.

Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
И уксусомъ, и мятною припаркой
Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
Онѣ простились. Въ тотъ же день пришли
За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XLII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
Котъ Васька. Послѣ вдовушка моя
Подумала, что два-три дня, не долѣ —
Жить можно безъ кухарки; что нельзя
Предать свою трапезу Божьей волѣ.
Старушка кличетъ дочь: «Параша!» — Я!
«Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
Не знаетъ ли. Дешевыя такъ рѣдки.»

XLIII.

«Узнаю, маменька». И вышла вонъ,
Закутавшись [зима стояла грозно,
И снѣгъ скрипѣлъ, и синій небосклонъ,
Безоблаченъ, въ звѣздахъ сіялъ морозно].
Вдова ждала Парашу долго; сонъ
Ее клонилъ тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ: «вотъ я кухарку привела.»

XLIV.

За нею слѣдомъ, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,

Высокая, собою недурная,
Шла дѣвушка, и низко поклонясь,
Прижалась въ уголъ, фартукъ разбирая.
«А что возьмешь?» спросила, обратясь,
Старуха. — Все, что будетъ вамъ угодно,
Сказала та смиренно и свободно.

XLV.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
«А какъ зовутъ?» — А Маврой. «Ну, Мавруша,
Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
Гоняй мужчинъ. Покойница Ѳеклуша
Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моей;
Усердна будь; присчитывать не смѣй.»

XLVI.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
Довольно мало: то переваритъ,
То пережаритъ, то съ посудой полку
Уронитъ; вѣчно все пересолитъ.
Шить сядетъ — не умѣетъ взять иголку;
Ее бранятъ — она себѣ молчитъ;
Вездѣ, во всемъ ужъ какъ нибудь подгадитъ.
Параша бьется, а никакъ не сладитъ.

XLVII.

Поутру, въ воскресенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь —
Пирожное испечь она сбиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашелъ испугъ.

XLVIII.

Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала ль она насъ обокрасть,
Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Такъ думая, старушка обмирала,
И наконецъ, не вытерпѣвъ сказала:

XLIX.

«Стой тутъ, Параша. Я схожу домой;
Мнѣ что-то страшно.» Дочь не разумѣла,
Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой,
Пришла въ лачужку, въ кухнѣ посмотрѣла —
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла — и что жъ? о Боже! страхъ какой!

L.

Предъ зеркальцемъ Параши, чинно сидя,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
«Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
Та въ торопяхъ, съ намыленной щекой
Черезъ старуху [вдовью честь обидя]
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

LI.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
«Что, маменька?» — Ахъ, Пашенька моя!
Маврушка... «Что, что съ ней?» — Кухарка наша...
Опомниться досель не въ силахъ я....

За зеркальцемъ.... вся въ мылѣ.... «Воля ваша,
Мнѣ право ничего понять нельзя;
Да гдѣ жъ Мавруша?» — Ахъ, она разбойникъ!
Она здѣсь брилась!... точно мой покойникъ!

LII.

Параша закраснѣлась или нѣтъ,
Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
Съ тѣхъ поръ какъ не было — простылъ и слѣдъ;
Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
У красной дѣвушки и у старушки
Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
Не вѣдаю, и кончить тороплюсь.

LIII.

— Какъ развѣ все тутъ? Шутите! «Ей Богу.»
— Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
Къ чему жъ такую подняли тревогу,
Скликали рать и съ похвальбою шли?
Завидную жъ вы избрали дорогу!
Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
Да нѣтъ ли хоть у васъ нравоученья?
«Нѣтъ... или есть: минуточку терпѣнья...

LIV.

«Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно;
Кто жъ родился мужчиною, тому
Рядиться въ юбку странно и напрасно:
Когда нибудь придется же ему
Брить бороду себѣ, что несогласно
Съ природой дамской.... Больше ничего
Не выжмешь изъ разсказа моего.»

Болдино. 1830, 9 октября, $5^3/_4$ ч. в.

ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Куда же ты? «Въ Москву, чтобъ графскихъ именинъ
Не прогулять мнѣ здѣсь.» Постой, а карантинъ?
Вѣдь въ нашей сторонѣ индѣйская зараза:
Сиди, какъ у воротъ угрюмаго Кавказа
Бывало сиживалъ покорный твой слуга.
Что, братъ? Ужъ не трунишь, тоска беретъ — ага!

10 октября 1830.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ИЛИ РУССКІЙ МѢЩАНИНЪ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ЛОРДУ БАЙРОНУ.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри пожалуй.... вздоръ какой.
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто — русскій мѣщанинъ.

Попятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей.
У насъ нова рожденьемъ знатность;
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И слава Богу не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,

И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ.
Куда жъ мнѣ быть аристократомъ—
Я слава Богу мѣщанинъ.

Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство Гнѣвъ Вѣнчанный —
Иванъ Четвертый — пощадилъ.
Водились Пушкины съ царями;
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ —
Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ,
Бывало нами дорожили,
Но я... я темный мѣщанинъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой!
Не любитъ споровъ властелинъ,
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой,
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.

Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ.
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился — мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
И не якшаясь съ новой знатью,
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто — не Мусинъ,
Я самъ большой, не царедворецъ:
Я грамотѣй, я мѣщанинъ.

P. S.

Видокъ Фиглярин, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ.
Сей шкиеръ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля;
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ.
Рѣшилъ Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянствѣ — мѣщанинъ.
Что жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?... Онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

1 октября 1830 года. Болдино.

***

Стамбулъ гяуры ныньче славятъ,
А завтра кованой пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ — и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.

Стамбулъ отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ;
Стамбулъ, для сладостей порока,
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ;
Стамбулъ отвыкъ отъ поту битвы,
И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистой лучъ потухъ:
Въ немъ жены по базару ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ харемы вводятъ,
И спитъ подкупленный евнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорной,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы; струею трезвой
Одни фонтаны насъ поятъ;
Толпой неистовой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Мы къ женамъ какъ орлы ревнивы,

Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоятъ. *

Алла великъ!
Къ намъ отъ Стамбула
Пришелъ гонимый янычаръ.
И буря долу насъ погнула,
И палъ неслыханный ударъ.
Отъ Рущука до старой Смирны,
Отъ Трапезунда до Тульчи,
Скликая псовъ на праздникъ жирный,
Толпой ходили палачи:
Треща въ объятіяхъ пожаровъ,
Валились домы янычаровъ;
Окровавленные зубцы
Вездѣ торчали; угли тлѣли;
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Окоченѣлые чернѣли.
Алла великъ! Тогда султанъ
Былъ духомъ гнѣва обуянъ.

17 октября 1830 года, передъ разб. ст.

ЗАКЛИНАНІЕ.

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы —

---

* Въ рукописи послѣ этого стиха зачеркнуто еще четыре:

Въ насъ умъ владѣетъ плотью дикой,
А покорёнъ Корану умъ —
И потому Пророкъ великой
Хранитъ какъ око свой Арзрумъ.

Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ, иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно: сюда, сюда!

Зову тебя не для того,
Чтобъ укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтобъ извѣдать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь.... но тоскуя
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

17 октября 1830 года. Болдино.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня:
Всюду мракъ и сонъ докучной;
Ходъ часовъ лишь однозвучной
Раздается близъ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня —
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучной шопотъ?
Укоризна, или ропотъ

Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу....

Октябрь 1830. Болдино.

***

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много —
Неравная и рѣзвая семья;

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало,
И очи свѣтлыя какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.

Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужаго сада,
Подъ сводъ искуственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ [Дельфійскій идолъ] ликъ младой —
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный.

. . . .

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

[Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи: The coveteous Knigth].

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

[ВЪ БАШНѢ].

АЛЬБЕРЪ И ИВАНЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.
[Иванъ подаетъ ему шлемъ].
Пробитъ насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый графъ Делоржъ!

ИВАНЪ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ ли
Оправился.

АЛЬБЕРЪ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ;
Его нагрудникъ цѣлъ венеціянскій
А грудь своя: гроша ему не стоитъ —
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графъ!

Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
А ныньче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго пажа; какъ всѣ дамы.
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лицо, невольно закричала
И славили герольды мой ударъ:
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей и силы дивной!
Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
Геройству что виною было? — Скупость.
Да! заразиться здѣсь не трудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

ИВАНЪ.

Онъ все хромаетъ.
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

АЛЬБЕРЪ.

Ну, дѣлать нечего, куплю гнѣдова.
Недорого и просятъ за него.

ИВАНЪ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ говоритъ бездѣльникъ Соломонъ?

ИВАНЪ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

АЛЬБЕРЪ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ!

ИВАНЪ.

Я сказывалъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ онъ?

ИВАНЪ.

Кряхтитъ да жмется.

АЛЬБЕРЪ.

Да ты бъ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано ль, поздно ль
Всему наслѣдую.

ИВАНЪ.

Я говорилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ?

ИВАНЪ.

Жмется да кряхтитъ.

АЛЬБЕРЪ.

Какое горе!

ИВАНЪ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

АЛЬБЕРЪ.

Ну, слава Богу.
Безъ выкупа не выпущу его.

[Стучатъ въ дверь].

Кто тамъ?

[Входитъ жидъ].

ЖИДЪ.

Слуга вашъ низкій.

АЛЬБЕРЪ.

А, пріятель!
Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ.

ЖИДЪ.

Ахъ, милостивый рыцарь,
Клянусь вамъ, радъ бы.... право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете ль хоть часть отдать....

АЛЬБЕРЪ.

Разбойникъ!
Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ ли бъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

ЖИДЪ.

Сотню!
Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

АЛЬБЕРЪ.

Слушай:
Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

ЖИДЪ.

Клянусь вамъ....

АЛЬБЕРЪ.

Полно, полно.
Ты требуешь заклада? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? — свиную кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

ЖИДЪ.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значитъ.
Всѣ сундуки фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отопретъ.
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному еврею, а межъ тѣмъ
Умрете [Боже сохрани], тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

АЛЬБЕРЪ.

Ужель отецъ меня переживетъ?

ЖИДЪ.

Какъ знать? Дни наши сочтены не нами:
Цвѣлъ юноша вечоръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять и тридцать проживетъ онъ.

АЛЬБЕРЪ.

Ты врешь, еврей! Да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
На что мнѣ пригодятся?

ЖИДЪ.

Деньги? — Деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
И не жалѣя шлетъ туда-сюда,
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ какъ зѣницу ока.

АЛЬБЕРЪ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служитъ,
И какъ же служитъ? какъ алжирскій рабъ,

Какъ песъ цѣпной! Въ нетопленной канурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ.
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

ЖИДЪ

Да, на бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежель слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

АЛЬБЕРЪ.

Amen!

ЖИДЪ.

А можно бъ....

АЛЬБЕРЪ.

Что?

ЖИДЪ.

Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть...

АЛЬБЕРЪ.

Какое средство?

ЖИДЪ.

Такъ —
Есть у меня знакомый старичекъ,
Еврей, аптекарь бѣдный....

АЛЬБЕРЪ.

Ростовщикъ
Такой же какъ и ты, иль почестнѣе?

ЖИДЪ.

Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной:
Онъ составляетъ капли.... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

АЛЬБЕРЪ.

А что мнѣ въ нихъ?

ЖИДЪ.

Въ стаканъ воды подлить.... трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

АЛЬБЕРЪ.

Твой старичекъ торгуетъ ядомъ.

ЖИДЪ.

Да —
И ядомъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ? Въ займы на мѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду —
За стклянку по червонцу. Такъ ли, что ли?

ЖИДЪ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ.... быть можетъ вы.... я думалъ,
Что ужъ барону время умереть.

АЛЬБЕРЪ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну...
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!....
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же
На воротахъ повѣшу!

ЖИДЪ.

Виноватъ!
Простите, я шутилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Иванъ, веревку.

ЖИДЪ.

Я.... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

АЛЬБЕРЪ.

Вонъ, песъ!

[Жидъ уходитъ].

Вотъ до чего меня доводитъ
Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
Я весь дрожу.... Иванъ однако жъ деньги
Мнѣ нужны.... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу.... Я плуту
Росписку дамъ. Да не вводи сюда
Іуду этого.... Иль нѣтъ, постой —
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребренники пращура его....
Я спрашивалъ вина.

ИВАНЪ.

У насъ вина
Ни капли нѣтъ.

АЛЬБЕРЪ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

ИВАНЪ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

АЛЬБЕРЪ.

Да, помню, знаю....
Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено — пойду искать управы
У герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышь,
Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

[ПОДВАЛЪ].

БАРОНЪ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой нибудь развратницей лукавой,

Иль дурой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ [въ сундукъ еще неполный]
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много кажется, но по немногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?.... Какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свистну — и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же — ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья.... [Смотритъ на свое золото].
Кажется не много,

А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный..... вотъ онъ. Ныньче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ....
Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

[Хочетъ отперетъ сундукъ].

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отперетъ, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ [о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ], но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство....
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ.

[Отпираетъ сундукъ].

Вотъ мое блаженство!

[Всыпаетъ деньги].

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!...

Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.

[Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ].

Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!... Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ.
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ —
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,

Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла, — совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, — совѣсть,
Незваный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!... о, если бъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить какъ нынѣ!...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

[во дворцѣ].

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Повѣрьте, государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услыхали.

ГЕРЦОГЪ.

Я вѣрю, вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинитъ
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало....
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.

Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ. —

[Смотритъ въ окно].

Это кто?

Не онъ ли?

АЛЬБЕРЪ.

Такъ — онъ, государь.

ГЕРЦОГЪ.

Подите жъ

Въ ту комнату. Я кликну васъ.

[Альберъ уходитъ; входитъ баронъ].

Баронъ,

Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

БАРОНЪ.

Я счастливъ, государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться.

ГЕРЦОГЪ.

Давно, баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

БАРОНЪ.

Я, государь?

Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый. — Мнѣ покойный герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ [онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ], что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ....
Предъ вами, то есть....

ГЕРЦОГЪ.

Мы теперь знакомство

Возобновимъ. Вы дворъ забыли мой.

БАРОНЪ.

Старъ, государь, я ныньче: при дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любы
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, кряхтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

ГЕРЦОГЪ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно;
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У васъ, баронъ, есть дѣти?

БАРОНЪ.

Сынъ одинъ.

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

БАРОНЪ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава —
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ,
Какъ молодой олень.

ГЕРЦОГЪ.

Не хорошо
Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье....
Вы хмуритесь — устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

БАРОНЪ.

Государь, я не усталъ;

Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ....

ГЕРЦОГЪ.

Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

БАРОНЪ.

Простите мнѣ, но право, государь,
Я согласиться не могу на это....

ГЕРЦОГЪ.

Но почему жъ?

БАРОНЪ.

Увольте старика....

ГЕРЦОГЪ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

БАРОНЪ.

На сына я
Сердитъ.

ГЕРЦОГЪ.

За что?

БАРОНЪ.

За злое преступленье.

ГЕРЦОГЪ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

БАРОНЪ.

Увольте, герцогъ....

ГЕРЦОГЪ.

Это очень странно!
Или вамъ стыдно за него?

БАРОНЪ.

Да.... стыдно....

ГЕРЦОГЪ.

На что же сдѣлалъ онъ?

БАРОНЪ.

Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.

ГЕРЦОГЪ.

Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

БАРОНЪ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня....

ГЕРЦОГЪ.

Что?

БАРОНЪ.

Обокрасть.

[Альберъ бросается въ комнату].

АЛЬБЕРЪ.

Баронъ, вы лжете!

ГЕРЦОГЪ [сыну].

Какъ смѣли вы?....

БАРОНЪ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!....
Ты могъ отцу такое слово молвить!...
Я лгу? и передъ нашимъ государемъ!....
Мнѣ, мнѣ.... иль ужъ не рыцарь я?...

АЛЬБЕРЪ.

Вы лжецъ!

БАРОНЪ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!
[Бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее подымаетъ].

АЛЬБЕРЪ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

ГЕРЦОГЪ.

Что видѣлъ я? Что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ,
И ты, тигренокъ! — полно. [Сыну]. Бросьте это;
Отдайте мнѣ перчатку. [Отнимаетъ ее].

АЛЬБЕРЪ [a parte].

Жаль!

ГЕРЦОГЪ.

Такъ и впился въ нее когтями!... Извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ.
[Альберъ выходитъ].
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ...

БАРОНЪ.

Простите, государь....
Стоять я не могу.... мои колѣна
Слабѣютъ.... душно!... душно!... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

ГЕРЦОГЪ.

Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

23 октября 1830. Болдино.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

[комната].

САЛЬЕРИ.

Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ — и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовію къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался — слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ
И скученъ первый путь. Преодолѣлъ
Я раннія невзгоды. Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я сдѣлался ремесленникъ: перстамъ
Придалъ послушную, сухую бѣглость,
И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонію. Тогда
Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
Предаться нѣгѣ творческой мечты.
Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но втайнѣ,

21*

Не смѣя помышлять еще о славѣ.
Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два-три дня, позабывъ и сонъ, и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!...
Что говорю? Когда великій Глюкъ
Явился и открылъ намъ новы тайны
[Глубокія, плѣнительныя тайны!] —
Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался,
И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
Усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ
Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
Достигнулъ степени высокой. Слава
Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
Трудами и успѣхами друзей,
Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ!
О, никогда! — нижѐ, когда Пиччини
Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ парижанъ,
Нижѐ, когда услышалъ въ первый разъ
Я Ифигеніи начальны звуки.
Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?
Никто!... А нынѣ — самъ скажу — я нынѣ
Завистникъ! Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!

Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній — не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!

[Входитъ Моцартъ].

МОЦАРТЪ.

Ага! увидѣлъ ты! а мнѣ хотѣлось
Тебя нежданой шуткой угостить.

САЛЬЕРИ.

Ты здѣсь! — Давно ль?

МОЦАРТЪ.

Сейчасъ. Я шелъ къ тебѣ,
Несъ кое-что тебѣ я показать;
Но проходя передъ трактиромъ, вдругъ
Услышалъ скрипку.... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
Смѣшнѣе отроду ты ничего
Не слыхивалъ!... Слѣпой скрипачъ въ трактирѣ
Разыгрывалъ voi che sapete. Чудо!
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
Войди!

[Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой].

Изъ Моцарта намъ что нибудь!

[Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана;
Моцартъ хохочетъ].

САЛЬЕРИ.

И ты смѣяться можешь?

МОЦАРТЪ.

Ахъ, Сальери!
Ужель и самъ ты не смѣешься?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ,

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля,
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери.
Пошелъ, старикъ.

МОЦАРТЪ.

Постой же: вотъ тебѣ;
Пей за мое здоровье.

[Старикъ уходитъ].

Ты, Сальери,
Не вдухѣ ныньче. Я приду къ тебѣ
Въ другое время.

САЛЬЕРИ.

Что ты мнѣ принесъ?

МОЦАРТЪ.

Нѣтъ — такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
Безсонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ-три мысли.
Сегодня я ихъ набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперь
Тебѣ не до меня.

САЛЬЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!
Когда же мнѣ не до тебя? Садись;
Я слушаю.

МОЦАРТЪ [за фортепіано].

Представь себѣ.... кого бы?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленнаго — не слишкомъ, а слегка;
Съ красоткой, или съ другомъ — хоть съ тобой;
Я веселъ.... Вдругъ: видѣнье гробовое,
Незапный мракъ иль что нибудь такое...
Ну, слушай же.

[Играетъ].

САЛЬЕРИ.

Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ
И могъ остановиться у трактира
И слушать скрипача слѣпаго! — Боже!
Ты, Моцартъ, недостоинъ самъ себя.

МОЦАРТЪ.

Что жъ, хорошо?

САЛЬЕРИ.

Какая глубина!
Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я.

МОЦАРТЪ.

Ба! право? можетъ быть....
Но божество мое проголодалось.

САЛЬЕРИ.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотаго Льва.

МОЦАРТЪ.

Пожалуй;
Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась. [Уходитъ].

САЛЬЕРИ.

Жду тебя; смотри жъ. —

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить — не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой....
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!

Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
Осьмнадцать лѣтъ ношу его съ собою —
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шопотъ искушенья
Не преклонился я, хоть я не трусъ.
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлилъ я.
Какъ жажда смерти мучила меня —
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайденъ сотворитъ
Великое — и наслажуся имъ....
Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ —
Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянетъ высоты —
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайденъ
Меня восторгомъ дивно упоилъ!
Теперь — пора! Завѣтный даръ любви,
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

[ОСОБАЯ КОМНАТА ВЪ ТРАКТИРѢ; ФОРТЕПІАНО].

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ [за столомъ].

САЛЬЕРИ.

Что ты сегодня пасмуренъ?

МОЦАРТЪ.

Я? Нѣтъ!

САЛЬЕРИ.

Ты, вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроенъ?
Обѣдъ хорошій, славное вино,
А ты молчишь, и хмуришься.

МОЦАРТЪ.

Признаться,
Мой Requiem меня тревожитъ.

САЛЬЕРИ.

А!
Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТЪ.

Давно, недѣли три. Но странный случай....
Не сказывалъ тебѣ я?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ.

МОЦАРТЪ.

Такъ слушай:
Недѣли три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отчего — не знаю,
Всю ночь я думалъ: кто бы это былъ?
И что ему во мнѣ? Назавтра тотъ же
Зашелъ, и не засталъ опять меня.
На третій день игралъ я на полу
Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;

Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заказалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Сѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать — и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ;
А я и радъ: мнѣ было бъ жаль разстаться
Съ моей работой, хоть совсѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я....

САЛЬЕРИ.

Что?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ....

САЛЬЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный человѣкъ. За мною всюду
Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами самъ-третей
Сидитъ.

САЛЬЕРИ.

И, полно! Что за страхъ ребячій!
Разсѣй пустую думу. Бомарше
Говаривалъ мнѣ: «слушай, братъ Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ,
Откупори шампанскаго бутылку,
Иль перечти женитьбу Фигаро.»

МОЦАРТЪ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
Ты для него Тарара сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ....
Я все твержу его, когда я счастливъ....
Ла ла ла ла.... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

САЛЬЕРИ.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
Для ремесла такого.

МОЦАРТЪ.

Онъ же геній,
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

САЛЬЕРИ.

Ты думаешь?

[Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта].

Ну, пей же.

МОЦАРТЪ.

За твое
Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

[Пьетъ].

САЛЬЕРИ.

Постой,
Постой, постой!... Ты выпилъ!... безъ меня?

МОЦАРТЪ [бросаетъ салфетку на столъ].

Довольно, сытъ я.

[Идетъ къ фортепіано].

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem. [Играетъ].
Ты плачешь?

САЛЬЕРИ.

Эти слезы
Впервые лью: и больно, и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы....

Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу....

МОЦАРТЪ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
И міръ существовать; никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни —
Всѣ предались бы вольному искусству!
Насъ мало избранныхъ, счастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.
Не правда ль? Но я ныньче нездоровъ,
Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же.

САЛЬЕРИ.

До свиданья.

[Одинъ].

Ты заснешь
Надолго, Моцартъ!... Но ужель онъ правъ,
И я не геній? Геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонаротти?... Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы — и не былъ
Убійцею создатель Ватикана!

26 октября 1830.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran Commendatore!...
Ah, Padroni!...
Don Giovani.

СЦЕНА I.

НОЧЬ. КЛАДБИЩЕ БЛИЗЪ МАДРИТА.

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ЛЕПОРЕЛЛО.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дождемся ночи здѣсь. Уфъ! наконецъ
Достигли мы воротъ Мадрита. Скоро
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь: узнать меня нельзя?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да, Донъ-Жуана мудрено признать!
Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Шутишь?
Да кто жъ меня узнаетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Первый сторожъ,
Гитана, или пьяный музыкантъ,
Иль свой же братъ нахальный кавалеръ,
Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ маскѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за бѣда, хоть и узнаютъ! Только бъ
Не встрѣтился мнѣ самъ король, а впрочемъ
Я никого въ Мадритѣ не боюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А завтра же до короля дойдетъ,
Что Донъ-Жуанъ изъ ссылки самовольно
Въ Мадритъ явился — что тогда, скажите,
Онъ съ вами сдѣлаетъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Пошлетъ назадъ.
Ужъ вѣрно головы мнѣ не отрубятъ:
Вѣдь я не государственный преступникъ!
Меня онъ удалилъ, меня жъ любя,
Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, то-то жъ!
Сидѣли бъ вы себѣ спокойно тамъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слуга покорный! Я едва-едва
Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди!
Что за земля! А небо?... точный дымъ;
А женщины?... Да я не промѣняю,
Вотъ видишь ли, мой милый Лепорелло,
Послѣдней въ Андалузіи крестьянки
На первыхъ тамошнихъ красавицъ — право.
Онѣ сначала нравилися мнѣ
Глазами синими, да бѣлизною,
Да скромностью — а пуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался:
Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться;
Въ нихъ жизни нѣтъ — все куклы восковыя....
А наши!... Но послушай, это мѣсто
Знакомо намъ; узналъ ли ты его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнать? Антоньевъ монастырь
Мнѣ памятенъ. Ѣзжали вы сюда,
А лошадей держалъ я въ этой рощѣ:

Проклятая, признаться, должность! Вы
Пріятнѣе здѣсь время проводили,
Чѣмъ я, повѣрьте.

ДОНЪ-ЖУАНЪ [задумчиво].

Бѣдная Инеза!
Ея ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Инезу — черноглазую?... о, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помогъ лукавый.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ іюлѣ.... ночью. Чудную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно — мало было
Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ.... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной....
А мужъ ея былъ негодяй суровый —
Узналъ я поздно.... Бѣдная Инеза!....

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что жъ? Вслѣдъ за ней другія были.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Правда.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А живы будемъ, будутъ и другія.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И то.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Теперь которую въ Мадритѣ
Отыскивать мы будемъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Лауру!
Я прямо къ ней бѣгу явиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Дѣло.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь; а если кто нибудь
Ужъ у нея — прошу въ окно прыгнуть.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго насъ покойницы тревожатъ.
Кто къ намъ идетъ?

[Входитъ монахъ].

МОНАХЪ.

Сейчасъ она пріѣдетъ
Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль Доны-Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа.
Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А кого вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна пріѣхать Дона-Анна
На мужнину гробницу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дона-Анна
Де Сольва? Какъ? Супруга командора,
Убитаго.... не помню кѣмъ.

МОНАХЪ.

Развратнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ого! вотъ какъ! Молва о Донъ-Жуанѣ

И въ мирный монастырь проникла даже:
Отшельники хвалы ему поютъ.

МОНАХЪ.

Онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Намъ? Нимало.
А гдѣ-то онъ теперь?

МОНАХЪ.

Его здѣсь нѣтъ.
Онъ въ ссылкѣ, далеко.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И слава Богу!
Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, что ты врешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Молчите: я нарочно....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ здѣсь похоронили командора?

МОНАХЪ.

Здѣсь. Памятникъ жена ему воздвигла,
И пріѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за странная вдова!
Не даромъ же покойникъ былъ ревнивъ;
Онъ Дону-Анну въ заперти держалъ:
Никто изъ насъ не видывалъ ея.
И не дурна?

МОНАХЪ.

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны;

Но лгать грѣшно: не можетъ и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознаться.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я съ нею бы хотѣлъ поговорить.

МОНАХЪ.

О, Дона-Анна никогда съ мужчиной
Не говоритъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А съ вами, мой отецъ?

МОНАХЪ.

Со мной иное дѣло — я монахъ.
Да вотъ она.

[Входитъ Дона-Анна].

ДОНА-АННА.

Отецъ мой, отоприте.

МОНАХЪ.

Сейчасъ, сеньора; я васъ ожидалъ.

[Дона-Анна идетъ за монахомъ].

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что, какова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ея совсѣмъ не видно
Подъ этимъ вдовьимъ чернымъ покрываломъ;
Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ минуту дорисуетъ остальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего бы ни начать —
Съ бровей ли, съ ногъ ли.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слушай, Лепорелло,
Я съ нею познакомлюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО [про-себя].

Вотъ еще!
Куда какъ нужно! Мужа повалилъ,
Да хочетъ поглядѣть на вдовьи слезы.
Безсовѣстный!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однако ужъ и смерклось.
Пока луна надъ нами не взошла
И въ свѣтлый сумракъ тьмы не обратила,
Войдемъ въ Мадритъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Испанскій грандъ, какъ воръ,
Ждетъ ночи — и луны боится, Боже!
Проклятое житье! Да долго ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться! Право, силъ ужъ нѣтъ!

СЦЕНА II.

КОМНАТА, УЖИНЪ У ЛАУРЫ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

ВТОРОЙ.

Какъ развила ее! съ какою силою!

ТРЕТІЙ.

Съ какимъ искусствомъ!

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось
Сегодня каждое движенье, слово.
Я вольно предавалась вдохновенью.
Слова лились, какъ будто ихъ рождала
Не память робкая, но сердце....

ПЕРВЫЙ.

Правда.
Да и теперь глаза твои блестятъ
И щеки разгорѣлись — не проходитъ
Въ тебѣ восторгъ. Лаура, не давай
Остыть ему безплодно: спой, Лаура,
Спой что нибудь!

ЛАУРА.

Подайте мнѣ гитару.

[Поетъ].

ВСѢ.

О, bravo! bravo! чудно! безподобно!

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ;
Но и любовь мелодія.... Взгляни:
Самъ Карлосъ тронутъ, твой угрюмый гость!

ВТОРОЙ.

Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА.

Донъ-Жуана.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Что? Донъ-Жуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то
Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Твой Донъ-Жуанъ — безбожникъ и мерзавецъ;
А ты, ты дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сошелъ!

Да я сейчасъ велю тебя зарѣзать
Моимъ слугамъ, хоть ты испанскій грандъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ [встаетъ].

Зови же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура, перестань!
Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла....

ЛАУРА.

Что?... Что Жуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его роднаго брата? Правда, жаль,
Что не его.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я глупъ, что осердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ —
Такъ помиримся.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Виноватъ, Лаура!
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно....

ЛАУРА.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

ГОСТЬ.

Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ ужъ не сердита,
Лаура, спой еще!

ЛАУРА.

Да, на прощанье.
Пора — ужъ ночь. Но что же я спою?
А! слушайте.

[Поетъ].

ВСѢ.

Прелестно, безподобно!

ЛАУРА.

Прощайте жъ, господа.

ГОСТИ.

Прощай, Лаура.

[Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ-Карлоса].

ЛАУРА.

Ты, бѣшеный, останься у меня.
Ты мнѣ понравился; ты Донъ-Жуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Счастливецъ!
Такъ ты его любила?

[Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ].

Очень?

ЛАУРА.

Очень.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

И любишь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію минуту?
Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,
Который годъ тебѣ?

ЛАУРА.

Осьмнадцать лѣтъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Ты молода.... и будешь молода
Еще лѣтъ пять иль шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они толпиться будутъ,
Тебя ласкать, лелѣять и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,

И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ, и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда — что скажешь ты?

ЛАУРА.

Тогда.... Зачѣмъ
Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Приди — открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ: ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной,
И сторожа кричатъ протяжно, ясно!...
А далеко, на сѣверѣ — въ Парижѣ —
Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:
Я требую, чтобъ улыбнулся ты.
Ну! то-то жъ!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Милый демонъ!

[Стучатъ].

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гей, Лаура!

ЛАУРА.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Отопри....

ЛАУРА.

Ужели!... Боже!...

[Отпираетъ двери, входитъ Донъ-Жуанъ].

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здравствуй....

ЛАУРА.

Донъ-Жуанъ!...

[Лаура кидается ему на шею].

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ! Донъ-Жуанъ!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, милый другъ!...

[Цѣлуетъ ее].

Кто у тебя, моя Лаура?

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я, —

Донъ-Карлосъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ нечаянная встрѣча!

Я завтра весь къ твоимъ услугамъ....

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Нѣтъ!

Теперь — сейчасъ.

ЛАУРА.

Донъ-Карлосъ, перестаньте!

Вы не на улицѣ — вы у меня —

Извольте выйти вонъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ [ее не слушая].

Я жду. Ну, что жъ?

Вѣдь ты при шпагѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ежели тебѣ

Не терпится, изволь.

[Бьются].

ЛАУРА.

Ай, ай! Жуанъ!...

[Кидается на постель. Донъ-Карлосъ падаетъ].

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вставай, Лаура, кончено.

ЛАУРА.

Что тамъ?
Убитъ? Прекрасно! въ комнатѣ моей!
Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ?
Куда я выброшу его?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Быть можетъ
Онъ живъ еще.

[Осматриваетъ тѣло].

ЛАУРА.

Да, живъ! Гляди, проклятый!
Ты прямо въ сердце ткнулъ — небось, не мимо.
И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки,
А ужъ не дышетъ — каково?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что дѣлать?
Онъ самъ того хотѣлъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ-Жуанъ,
Досадно, право. Вѣчныя проказы!...
А все не виноватъ.... Откуда ты?
Давно ли здѣсь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я только что пріѣхалъ
И то тихонько — я вѣдь не прощенъ.

ЛАУРА.

И вспомнилъ тотчасъ о своей Лаурѣ?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно,
И домъ увидѣлъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою

За городомъ, въ проклятой вентѣ. Я Лауры
Пришелъ искать въ Мадритѣ.

[Цѣлуетъ ее].

ЛАУРА.

Другъ ты мой!....
Постой.... при мертвомъ!... Что намъ дѣлать съ нимъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Оставь его — передъ разсвѣтомъ, рано,
Я вынесу его подъ епанчею
И положу на перекресткѣ.

ЛАУРА.

Только
Смотри, чтобъ не увидѣли тебя.
Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
Одной минутой позже! У меня
Твои друзья здѣсь ужинали. Только
Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ засталъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? ты бредишь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ. А сколько разъ,
Скажи, ты мнѣ успѣла измѣнить
Въ моемъ отсутствіи?

ЛАУРА.

А ты, повѣса?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Скажи жъ.... Нѣтъ, послѣ переговоримъ!...

СЦЕНА III.

ПАМЯТНИКЪ КОМАНДОРА.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Все къ лучшему: нечаянно убивъ
Донъ-Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ
Я скрылся здѣсь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею,
Мнѣ кажется, замѣченъ. До сихъ поръ
Чинились мы другъ съ другомъ, но сегодня
Пущуся въ разговоры съ ней; пора!
Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... или нѣтъ:
«Сеньора»... ба! что въ голову придетъ,
То и скажу, безъ предуготовленья,
Импровизаторомъ любовной пѣсни....
Пора бъ ужъ ей пріѣхать. Безъ нея,
Я думаю, скучаетъ командоръ.
Какимъ онъ здѣсь представленъ исполиномъ!
Какія плечи! что за Геркулесъ!...
А самъ, покойникъ, малъ былъ и щедушенъ;
Здѣсь, ставъ на цыпочки, не могъ бы руку
До своего онъ носу дотянуть.
Когда за Эскурьяломъ мы сошлись,
Наткнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,
Какъ на булавкѣ стрекоза: а былъ
Онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый....
А! вотъ она.

[Входитъ Дона-Анна].

ДОНА-АННА.

Опять онъ здѣсь. Отецъ мой,
Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ —
Простите.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я просить прощенья долженъ

У васъ, сеньора. Можетъ, я мѣшаю
Печали вашей вольно изливаться.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, мой отецъ: печаль моя во мнѣ.
При васъ мои моленья могутъ къ небу
Смиренно возноситься. Я прошу
И васъ свой голосъ къ нимъ соединить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Дона-Анна!
Я не достоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять;
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы кудри черные на мраморъ блѣдный
Разсыплете — и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.

ДОНА-АННА.

Какія рѣчи странныя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньора?

ДОНА-АННА.

Мнѣ.... вы забыли....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что? Что недостойный
Отшельникъ я? Что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

ДОНА-АННА.

Мнѣ показалось.... Я не поняла...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ахъ вижу я: вы все, вы все узнали!

ДОНА-АННА.

Что я узнала?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ, я не монахъ....
У вашихъ ногъ прощенья умоляю.

ДОНА-АННА.

О, Боже! встаньте, встаньте!.... Кто же вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Несчастный, жертва страсти безнадежной!

ДОНА-АННА.

О, Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробѣ!
Подите прочь!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Минуту, Дона-Анна!
Одну минуту!

ДОНА-АННА.

Если кто взойдетъ!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Рѣшетка заперта. Одну минуту!

ДОНА-АННА.

Ну? что? чего вы требуете?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Смерти!
О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронятъ,
Не подлѣ праха, милаго для васъ,
Не тутъ — не близко — далѣ гдѣ нибудь,
Тамъ — у дверей — у самаго порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,

Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
Пройдете кудри наклонять и плакать.

ДОНА-АННА.

Вы не въ своемъ умѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Или желать
Кончины, Дона-Анна, знакъ безумства?
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
Любовью нѣжной тронуть ваше сердце;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
Сталъ провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не сталъ бы я скрываться — я, напротивъ,
Старался бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи....

ДОНА-АННА.

Такъ это вы
Молчите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Случай, Дона-Анна, случай
Увлекъ меня! Не то, вы бъ никогда
Моей печальной тайны не узнали....

ДОНА-АННА.

И любите давно ужъ вы меня?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Давно или недавно, самъ не знаю,
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значитъ слово счастье.

ДОНА-АННА.

Подите прочь — вы человѣкъ опасный.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Опасный! чѣмъ?

ДОНА-АННА.

Я слушать васъ боюсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ.

ДОНА-АННА.

Подите — здѣсь не мѣсто.
Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ.... Завтра
Ко мнѣ придите; если вы клянетесь
Хранить ко мнѣ такое жъ уваженье,
Я васъ приму — но вечеромъ позднѣе....
Я никого не вижу съ той поры,
Какъ овдовѣла....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ангелъ, Дона-Анна!
Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго страдальца!

ДОНА-АННА.

Подите прочь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще одну минуту.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, видно мнѣ уйти.... Къ тому жъ моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно отвыкло. — Завтра
Я васъ приму....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще не смѣю вѣрить,
Не смѣю счастью моему предаться!...

Я завтра васъ увижу!... И не здѣсь,
И не украдкою!

ДОНА-АННА.

Да, завтра, завтра.
Какъ васъ зовутъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Діего де Кальвидо.

ДОНА-АННА.

Прощайте, Донъ-Діего.

[Уходитъ].

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лепорелло!

[Лепорелло входитъ].

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что вамъ угодно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милый Лепорелло!
Я счастливъ! — «Завтра — вечеромъ позднѣе»....
Мой Лепорелло, завтра!... приготовь....
Я счастливъ какъ ребенокъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Съ Доной-Анной
Вы говорили? Можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Она свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неужто?
О, вдовы! всѣ вы таковы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я счастливъ!
Я пѣть готовъ, я радъ весь міръ обнять!

ЛЕПОРЕЛЛО.

А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты думаешь, онъ станетъ ревновать.
Ужъ вѣрно нѣтъ: онъ человѣкъ разумный,
И вѣрно присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, посмотрите на его статую.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что жъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кажется, на васъ она глядитъ
И сердится.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ —
Нѣтъ, не ко мнѣ — а къ Донѣ-Аннѣ, завтра.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ужъ вѣрно
Не для того, чтобъ съ нею говорить.
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
Придти попозже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота вамъ
Шутить, и съ кѣмъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Но....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Преславная, прекрасная статуя!
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно проситъ
Пожаловать.... Ей-Богу, не могу:
Мнѣ страшно.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ! вотъ я тебя!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте.
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра
Придти попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери....

[Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія].

Ай!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что тамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай!...
Ай, ай!... умру!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что сдѣлалось съ тобою?

ЛЕПОРЕЛЛО [кивая головой].

Статуя... ай!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты кланяешься?

ЛЕПОРЕЛЛО

Нѣтъ,
Не я — она!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Какой ты вздоръ несешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Подите сами.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ну, смотри жъ, бездѣльникъ!
[Статуѣ]. Я, командоръ, прошу тебя придти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать у двери на часахъ. Что? будешь?
[Статуя киваетъ опять].
О Боже!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что? я говорилъ....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Уйдемъ.

СЦЕНА IV.

[КОМНАТА ДОНЫ-АННЫ].

ДОНЪ-ЖУАНЪ И ДОНА-АННА.

ДОНА-АННА.

Я приняла васъ, Донъ-Діего! только
Боюсь, моя печальная бесѣда
Скучна вамъ будетъ. Бѣдная вдова,
Все помню я свою потерю: слезы
Съ улыбкою мѣшаю, какъ апрѣль.
Что жъ вы молчите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Наслаждаюсь молча,
Глубоко — мыслью быть наединѣ
Съ прелестной Доной-Анной, здѣсь — не тамъ,
Не при гробницѣ мертваго счастливца —
И вижу васъ уже не на колѣнахъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

ДОНА-АННА.

Донъ-Діего,

Такъ вы ревнивы! Мужъ мой и во гробѣ
Васъ мучитъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не долженъ ревновать:
Онъ вами выбранъ былъ.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ; мать моя
Велѣла дать мнѣ руку Донъ-Альвару.
Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ богатъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Счастливецъ! Онъ сокровища пустыя
Принесъ къ ногамъ богини: вотъ за что
Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бъ
Я прежде васъ узналъ — съ какимъ восторгомъ
Мой санъ, мои богатства, все бы отдалъ,
Все, за единый благосклонный взглядъ!
Я былъ бы рабъ священной вашей воли!
Всѣ ваши прихоти я бъ изучалъ,
Чтобъ ихъ предупреждать, чтобъ ваша жизнь
Была однимъ волшебствомъ безпрерывнымъ!
Увы, судьба судила мнѣ иное!

ДОНА-АННА.

Діего, перестаньте! Я грѣшу,
Васъ слушая — мнѣ васъ любить нельзя:
Вдова должна и гробу быть вѣрна.
Когда бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ
Меня любилъ! О, Донъ-Альваръ ужъ вѣрно
Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,
Когда бъ онъ овдовѣлъ; онъ былъ бы вѣренъ
Супружеской любви.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не мучьте сердца
Мнѣ, Дона-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
Супруга. Полно вамъ меня казнить,
Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.

ДОНА-АННА.

Чѣмъ же?
Вы узами не связаны святыми
Ни съ кѣмъ — не правда ль? Полюбивъ меня,
Вы предо мной и передъ небомъ правы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Предъ вами! Боже!

ДОНА-АННА.

Развѣ вы виновны
Передо мной? Скажите, въ чемъ же?... Ну!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, никогда!...

ДОНА-АННА.

Діего, что такое?
Вы предо мной неправы? Въ чемъ, скажите.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, ни за что!

ДОНА-АННА.

Діего, это странно!
Я васъ прошу, я требую....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

ДОНА-АННА.

А! такъ-то вы моей послушны волѣ!
А что сейчасъ вы говорили мнѣ?
Что вы бъ рабомъ моимъ желали быть.
Я разсержусь, Діего: отвѣчайте,
Въ чемъ предо мной виновны вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не смѣю:
Вы ненавидѣть станете меня.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе прощаю,
Но знать хочу я.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не желайте знать
Ужасную, убійственную тайну.

ДОНА-АННА.

Ужасную!... Вы мучите меня:
Я страхъ какъ любопытна — что такое?
И какъ меня могли вы оскорбить?
Я васъ не знала. У меня враговъ
И нѣтъ, и не было. Убійца мужа
Одинъ и есть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ [про себя].

Идетъ къ развязкѣ дѣло!
Скажите мнѣ: несчастный Донъ-Жуанъ
Вамъ не знакомъ?

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, отъ роду его
Я не видала.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы въ душѣ къ нему
Питаете вражду?

ДОНА-АННА.

По долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
Отъ моего вопроса, Донъ-Діего —
Я требую....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что если бъ Донъ-Жуана
Вы встрѣтили?

ДОНА-АННА.

Тогда бы я злодѣю
Кинжалъ вонзила въ сердце.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дона-Анна,
Гдѣ твой кинжалъ? — Вотъ грудь моя.

ДОНА-АННА.

Діего!

Что вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не Діего — я Жуанъ.

ДОНА-АННА.

О Боже! нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ.

ДОНА-АННА.

Не правда.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я убилъ
Супруга твоего; и не жалѣю
О томъ — и нѣтъ расканья во мнѣ.

ДОНА-АННА.

Что слышу я? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ, и я тебя люблю.

ДОНА-АННА [падая].

Гдѣ я?... Гдѣ я?... Мнѣ дурно, дурно!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Небо!
Что съ нею? Что съ тобою, Дона-Анна?
Проснись, опомнись: твой Діего,
Твой рабъ у ногъ твоихъ!

ДОНА-АННА.

Оставь меня.
[Слабо]. Ты, ты мнѣ врагъ — ты отнялъ у меня
Все, все, что въ жизни....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милое созданье!
Я всѣмъ готовъ ударъ мой искупить;

У ногъ твоихъ жду только приказанья:
Вели — умру; вели — дышать я буду
Лишь для тебя...

ДОНА-АННА.

Такъ это Донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не правда ли, онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ?
О, Дона-Анна!
Молва, быть можетъ, несовсѣмъ неправа;
На совѣсти усталой много зла,
Быть можетъ, тяготѣетъ; но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:
Мнѣ кажется, я весь переродился!
Васъ полюбя, люблю я добродѣтель —
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.

ДОНА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ краснорѣчивъ — я знаю!
Слыхала я: онъ хитрый человѣкъ....
Вы, говорятъ, безбожный развратитель,
Вы сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ни одной донынѣ
Изъ нихъ я не любилъ.

ДОНА-АННА.

И я повѣрю,
Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда бъ я васъ обманывать хотѣлъ,
Признался ль я, сказалъ бы я то имя,
Котораго не можете вы слышать?
Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?

ДОНА-АННА.

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли придти
Сюда вы, здѣсь узнать могли бы васъ —
И ваша смерть была бы неизбѣжна.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что значитъ смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно отдамъ я жизнь.

ДОНА-АННА.

Но какъ же
Отсюда выйти вамъ, неосторожный?

ДОНЪ-ЖУАНЪ [цѣлуя ей руки].

И вы о жизни бѣднаго Жуана
Заботитесь! Такъ ненависти нѣтъ
Въ душѣ твоей небесной, Дона-Анна?

ДОНА-АННА.

Ахъ, если бъ васъ могла я ненавидѣть!
Однако жъ надобно разстаться намъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда жъ опять увидимся?

ДОНА-АННА.

Не знаю,
Когда нибудь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А завтра?

ДОНА-АННА.

Гдѣ же?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здѣсь.

ДОНА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ, какъ сердцемъ я слаба!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй....

ДОНА-АННА.

Поди, пора.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Одинъ, холодный, мирный....

ДОНА-АННА.

Какой ты неотвязный! на, вотъ онъ....

[Стучатъ].

Что тамъ за стукъ?... О, скройся, Донъ-Жуанъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Прощай же, до свиданья, другъ мой милый.

[Уходитъ и вбѣгаетъ опять].

А!...

ДОНА-АННА.

Что съ тобой? А!...

[Входитъ статуя командора; Дона-Анна падаетъ].

СТАТУЯ.

Я на зовъ явился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Боже! Дона-Анна!

СТАТУЯ.

Брось ее,
Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я? нѣтъ!... Я звалъ тебя и радъ, что вижу.

СТАТУЯ.

Дай руку.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ она.... О, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руку!...
Я гибну — кончено — о, Дона-Анна!...

[Проваливаются].

4 ноября 1830. Болдино.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

[Изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague].

УЛИЦА. НАКРЫТЫЙ СТОЛЪ. НѢСКОЛЬКО ПИРУЮЩИХЪ МУЖЧИНЪ И ЖЕНЩИНЪ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Почтенный предсѣдатель! Я напомню
О человѣкѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
Отвѣты острые и замѣчанья,
Столь ѣдкія въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостья наша, насылаетъ
На самые блестящіе умы.
Тому два дня, нашъ общій хохотъ славилъ
Его разсказы; невозможно быть,
Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
Забыли Джаксона! Его здѣсь кресла
Стоятъ пустыя, будто ожидая
Весельчака; но онъ ушелъ уже
Въ холодныя, подземныя жилища....
Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
Не умолкалъ еще во прахѣ гроба;
Но много насъ еще живыхъ, и намъ
Причины нѣтъ печалиться. И такъ
Я предлагаю выпить въ его память
Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
Какъ будто бъ былъ онъ живъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Онъ выбылъ первый

Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
Мы выпьемъ въ честь его.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да будетъ такъ!

[Всѣ пьютъ молча].

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
Родимыхъ пѣсенъ съ дикимъ совершенствомъ:
Спой, Мери, намъ, уныло и протяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
Безумнѣе, какъ тотъ, кто отъ земли
Былъ отлученъ какимъ нибудь видѣньемъ.

МЕРИ [поетъ].

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.

Нынѣ церковь опустѣла;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ;
Тихо все — одно кладбище
Не пустѣетъ, не молчитъ.

Поминутно мертвыхъ носятъ,
И стенанія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Упокоить души ихъ!

Поминутно мѣста надо,
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой.

Если ранняя могила
Суждена моей веснѣ —
Ты, кого я такъ любила,
Чья любовь отрада мнѣ, —
Я молю: не приближайся
Къ тѣлу Дженни ты своей;
Устъ умершихъ не касайся:
Слѣдуй издали за ней.

И потомъ оставь селенье!
Уходи куда-нибудь,
Гдѣ бъ ты могъ души мученье
Усладить и отдохнуть!
И когда зараза минетъ
Посѣти мой бѣдный прахъ;
А Эдмонда не покинетъ
Дженни даже въ небесахъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Благодаримъ, задумчивая Мери,
Благодаримъ, за жалобную пѣсню!
Въ дни прежніе чума такая жъ, видно,
Холмы и долы ваши посѣтила,
И раздавались жалкія стенанья
По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
Сквозь дикій рай твоей земли родной;
И мрачный годъ, въ который пало столько
Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
Едва оставилъ память о себѣ
Въ какой нибудь простой пастушьей пѣснѣ,
Унылой и пріятной.... Нѣтъ, ничто

Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ.

МЕРИ.

О, если бъ никогда я не пѣвала
Внѣ хижины родителей своихъ!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себѣ я, кажется, внимаю,
Поющей у родимаго порога.
Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
Былъ голосомъ невинности....

ЛУИЗА.

Не въ модѣ
Теперь такія пѣсни! Но все жъ есть
Еще простыя души: рады таять
Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
Она увѣрена, что взоръ слезливый
Ея неотразимъ; а если бъ тоже
О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
Все бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ
Она и разстоналась. Ненавижу
Волосъ шотландскихъ этихъ желтизну.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Послушайте: я слышу стукъ колесъ!

[Ѣдетъ телега, наполненная мертвыми тѣлами. Негръ управляетъ ею].

Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думалъ,
По языку судя, мужское сердце.
Но такъ-то: нѣжнаго слабѣй жестокій,
И страхъ живетъ въ душѣ, страстьми томимой!
Брось, Мери, ей воды въ лицо. Ей лучше.

МЕРИ.

Сестра моей печали и позора,
Прилягъ на грудь мою.

ЛУИЗА [приходя въ чувство].

Ужасный демонъ
Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый....
Онъ звалъ меня въ свою тележку. Въ ней
Лежали мертвые — и лепетали
Ужасную, невѣдомую рѣчь....
Скажите мнѣ: во снѣ ли это было?
Проѣхала ль телега?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, Луиза,
Развеселись! Хоть улица вся наша —
Безмолвное убѣжище отъ смерти
Пріютъ пировъ ничѣмъ невозмутимыхъ,
Но знаешь? эта черная телега
Имѣетъ право всюду разъѣзжать —
Мы пропускать ее должны. Послушай
Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ
И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню,
Не грустію шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую пѣснь,
Рожденную за чашею кипящей!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Такой не знаю; но спою вамъ гимнъ
Я въ честь чумы: я написалъ его
Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
Мнѣ странная пришла охота къ риѳмамъ
Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
Охриплый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

МНОГІЕ.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ [поетъ].

Когда могущая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама

На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
На встрѣчу ей трещатъ камины,
И веселъ зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, чума
Теперь идетъ на насъ сама,
И льстится жатвою богатой,
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой....
Что дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся также отъ чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы —
И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе чумы!

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

И такъ — хвала тебѣ, чума!
Намъ не страшна могилы тьма,
Насъ не смутитъ твое призванье!

Бокалы пѣнимъ дружно мы,
И дѣвы-розы пьемъ дыханье —
Быть можетъ — полное чумы!

[Входитъ старый священникъ].

СВЯЩЕННИКЪ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
Повсюду смертію распространенной!
Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
А ваши ненавистные восторги
Смущаютъ тишину гробовъ — и землю
Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
Когда бы стариковъ и женъ моленья
Не освятили общей, смертной ямы,
Подумать могъ бы я, что ныньче бѣсы
Погибшій духъ безбожника терзаютъ
И въ тьму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Онъ мастерски объ адѣ говоритъ!
Ступай, старикъ! ступай своей дорогой!

СВЯЩЕННИКЪ.

Я заклинаю васъ святою кровью
Спасителя, распятаго за насъ:
Прервите пиръ чудовищный, когда
Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
Утраченныхъ возлюбленныя души.
Ступайте по своимъ домамъ?

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Домà
У насъ печальны: юность любитъ радость.

СВЯЩЕННИКЪ.

Ты ль это, Вальсингамъ? Ты ль самый тотъ,
Кто три тому недѣли, на колѣняхъ,

Трупъ матери, рыдая, обнималъ
И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
Взирая на пирующаго сына
Въ пиру разврата; слыша голосъ твой,
Поющій бѣшеныя пѣсни между
Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
Ступай за мной!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не долженъ
Я за тобой идти: я здѣсь удержанъ.
Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
Сознаньемъ беззаконья моего,
И ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю,
И новостью сихъ бѣшеныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
И ласками [прости меня Господь!]
Погибшаго, но милаго созданья....
Тѣнь матери не вызоветъ меня
Отселѣ; поздно слышу голосъ твой,
Меня зовущій; признаю усилья
Меня спасти.... Старикъ! иди же съ миромъ;
Но проклятъ будь, кто за тобой пойдетъ!

МНОГІЕ.

Bravo, bravo, достойный предсѣдатель!
Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Матильды чистый духъ тебя зоветъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ [встаетъ].

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увядшей, блѣдною рукой, оставить
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!

О, если бъ отъ очей ея безсмерныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ объятіяхъ моихъ....
Гдѣ я?... Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнетъ уже....

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Онъ сумасшедшій:
Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

СВЯЩЕННИКЪ.

Пойдемъ, пойдемъ....

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Отецъ мой, ради Бога,
Оставь меня!

СВЯЩЕННИКЪ.

Спаси тебя Господь!
Прости, мой сынъ.

[Уходитъ. Пиръ продолжается. Предсѣдатель остается погруженный въ глубокую задумчивость].

---

* * *

Here's a health to thee Mary.
Barry Cornwall.

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ, безъ гостей,
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,

Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой ласковой, Мери,

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

---

* * *

Inesilla! I am here.
Barry Cornwall.

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь подъ окномъ!

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется ли старый —
Мечемъ уложу.

Шелкóвыя петли
Къ окошку привѣсь....
Что жъ медлишь?... Ужъ нѣтъ ли
Соперника здѣсь?

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

---

* * *

Предъ испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ;
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
Блещутъ оба красотою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже
И, какъ слава, имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?
«Кто, рѣши, любимъ тобою?»
Оба дѣвѣ говорятъ,
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.

---

* * *

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.

Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды,
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья....
Но жду его: онъ за тобой!...

27 ноября 1830. Болдино.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:
Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

ОТРОКЪ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

РИѲМА.

Эхо, безсонная нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
Межъ говорливыхъ наядъ, мучась, она родила

Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь Аонидъ,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музамъ мила; на землѣ Риѳмой зовется она.

ТРУДЪ.

Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

ГЕРОЙ.

Что есть истина?

ДРУГЪ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ,
Но намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

ПОЭТЪ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій какъ тѣнь зари.

ДРУГЪ.

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда ль, какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италіи святой,
Тогда ли, какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
Какъ водитъ и кругомъ и вдаль
Войны стремительное пламя —
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ, одна другой вослѣдъ?
Тогда ль, какъ рать героя плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?

ПОЭТЪ.

Нѣтъ, не у счастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою,
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ закрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменый мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженъ,

Нахмурясь ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

ДРУГЪ.

Мечты поэта,
Историкъ строгій гонитъ васъ!
Увы — его раздался гласъ,*
И гдѣ жъ очарованье свѣта?...

ПОЭТЪ.

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что же
Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

ДРУГЪ.

Утѣшься....

Москва 29 сентября 1830 года.

---

* Mémoires de Bourienne. Бурьенъ въ «Запискахъ» своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ. J'affirme, говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

1825.

Андрей Шенье [стр. 1]. Стихотвореніе это въ первый разъ было напечатано въ изданіи стихотвореній Пушкина 1826 г., съ пропускомъ 44 стиховъ [стр. 2—3: «Привѣтствую тебя, мое свѣтило,» и стр. 6, стихъ 4-й], которые пополнены отчасти «Библіографическими Записками» 1858 г., а вполнѣ возстановлены послѣднимъ изданіемъ «сочиненій», по списку, сообщенному намъ въ 1857 г. П. В. Анненковымъ. Стихи написаны, вѣроятно, въ самомъ началѣ 1825 г., потому что въ апрѣлѣ уже были отосланы въ цензуру [«Р. Арх.» 1874, I, 145]. Въ 1827 г., когда съ годъ какъ они были напечатаны, списокъ ихъ былъ отобранъ у одного собирателя стиховъ, сдѣлавшаго на нихъ помѣту, будто стихотвореніе написано «на 14-е декабря 1825 г.». Началось дѣло, длившееся почти два года, къ которому былъ привлеченъ и Пушкинъ. По коронаціонному манифесту онъ не былъ подвергнутъ суду, но обязанъ подпискою: не выпускать своихъ стиховъ безъ ценцуры, и за нимъ учрежденъ полицейскій надзоръ, продолжавшійся до конца его жизни. [«Р. Старина» 1874, т. XI, 584—588].

Въ письмѣ къ Плетневу [см. т. VII] есть поправка одного стиха, не вошедшая однако въ оба Пушкинскія изданія, вѣроятно, какъ не совсѣмъ удачная.

Пѣвцу....
Несу надгробные цвѣты.

Варіанты же, приведенные въ Р. Архивѣ 1881, I, Пушкину не принадлежатъ, но чисто ошибка писарская.

Сожженное письмо [стр. 7] — въ изданіи 1826 г. и въ прочихъ безъ перемѣнъ. Въ рукописи поэта [у гр. П. И. Капниста] сдѣланы рукой Пушкина помѣты: «отрывокъ» и «помѣстить въ элегіяхъ». Послѣдній стихъ читается: «Приди, приди ко мнѣ на горестную грудь», но вслѣдъ за нимъ Пушкинъ приписалъ: «или: Останься вѣкъ со мной на горестной груди».

Желаніе славы [стр. 8] — въ «Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія» 1825, № 3, и во всѣхъ изданіяхъ безъ перемѣнъ. Въ современной копіи, имѣвшейся у И. Ѳ. Золотарева, есть помѣта: «7 іюля 1825».

Все кончено [стр. 9] — въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, и относится къ одесскимъ наброскамъ поэта. Г. Бартеневъ эти же стихи и въ той же самой рукописи, которую читалъ г. Анненковъ, прочелъ такъ:

Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнялъ твои колѣни!
Прощальныя и горестныя пѣни!
Все кончено, я слышу твой отвѣтъ.
Обманывать себя не стану,
Тебя преслѣдовать не буду,
И про тебя, быть можетъ, позабуду.
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

Вакхическая пѣсня [стр. 9] — въ изданіи 1826 и другихъ, безъ перемѣнъ.

Въ альбомъ Е. Н. Вульфъ [стр. 9] — въ «Моск. Телеграфѣ» 1825, № 17, подъ заглавіемъ: «Стихи въ альбомъ», а въ изданіи 1826 г. «Въ альбомъ»; въ изданіи же 1829 г. безъ всякаго заглавія. Евпраксія Николаевна Вульфъ, дочь владѣлицы Тригорскаго, сосѣдка поэта по его Михайловскому, вышла впослѣдствіи за бар. Вревскаго. Въ семьѣ ее называли Зиной или Зизи [ср. въ Евг. Онѣг. гл. V, стр. XXXII].

Въ ея же альбомѣ сохранились стихи Пушкина, подъ которыми онъ подписалъ народное названіе своего Михайловскаго — Зуёво.

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ — играйте!
Изъ розъ веселыхъ заплетайте
Себѣ торжественный вѣнецъ —
И впредь у насъ не разрывайте
Ни мадригаловъ, ни сердецъ.

1 іюля 1826. Зуёво.

Сафо [стр. 10] — въ изд. 1826 г., подъ заглавіемъ «Юноша». Настоящее же заглавіе дано изданіемъ 1829 года.

Пріятелямъ [стр. 10] — въ «М. Телеграфѣ» 1825, № 3, подъ загл. «Журнальнымъ пріятелямъ», при чемъ прилагательное прибавлено кн. Вяземскимъ, которому эпиграмма была сообщена въ письмѣ отъ 25 января 1825 г., вмѣстѣ съ эпиграммою на Ѳ. Н. Глинку. [Т. VII, стр. 22].

Какъ весенней теплой порою [стр. 12] — этотъ прекрасный отрывокъ впервые напечатанъ въ «Матеріалахъ» г. Анненкова. Въ Михайловскомъ Пушкинъ началъ знакомиться съ русскими пѣснями и сказками. Слѣды этихъ занятій, кромѣ сказки. «О царѣ Никитѣ», помѣщенной въ VII т. нашего изданія [стр. 114], остались еще въ слѣдующихъ черновыхъ наброскахъ:

1.

Колокольчики звенятъ,
Барабанчики гремятъ,
А люди-то, люди —
Ай люшеньки-люли! —
А люди-то, люди
На цыганочку глядятъ;
А цыганочка-то пляшетъ,
Въ барабанчики-то бьетъ,
И ширинечкой-то машетъ,
Заливается поетъ:
«Я пѣвунья, я пѣвица,
Ворожить я мастерица.»

2.

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства восковова,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ли будетъ гостья дорогая,
Скоро ль луга зазеленѣютъ...
Распустятся клейкіе листочки...
Зацвѣтетъ черемуха душиста?...

Кромѣ того въ бумагахъ поэта сберeглись еще записанныя имъ тогда же «пѣсни»:

1.

Какъ за церковью, за нѣмецкою,
Добрый молодецъ Богу молится:
«Какъ не дай, Боже, хорошу жену:
Хорошу жену — въ честнóй пиръ зовутъ,
Меня молодца не примолвили;
Мою жену — въ новы саночки,
Меня молодца на запяточки;

Мою жену — на широкій дворъ,
Меня молодца за вороточьки». *

2.

Во лѣсахъ дремучіихъ
Тутъ брала дѣвка ягоды,
Брамши-то она въ лѣсу заблудилась;
Заблудимши, она приаукнулась:
«Ты ау, ау, мой любезный другъ,
Мой любезный другъ, жизнь, душа моя!»
— Ужъ я радъ бы тебѣ откликнулся:
За мной ходятъ трое сторожей:
Первый сторожъ — родимый батюшка,
Второй сторожъ — моя матушка,
А третій сторожъ — молода жена! —

Живъ, живъ курилка [стр. 13] — приведено въ письмѣ къ брату, неправильно отнесенномъ «Библ. Записками» 1858 г. къ январю 1825 г., тогда какъ по упоминанію въ немъ о 2-й апрѣльской [№ 8] книжкѣ «Вѣст. Европы» видно, что оно написано не раньше апрѣля. Впервые напеч. въ «Современникѣ» 1857 г. № 7. Эпиграмма эта вызвана критикою Мих. Дмитріева на «Бахчисарайэкій Фонтанъ», напечатанною въ журналѣ Каченовскаго.

Козлову [стр. 13] — въ изданіи 1826 г. Это посланіе къ поэту-слѣпцу было сообщено Пушкинымъ въ письмѣ къ брату.

Клеопатра [стр. 14] — стихотвореніе это впервые помѣщено въ повѣсти «Египетскія ночи», напечатанной по смерти Пушкина въ VIII томѣ «Современника» 1837 г. Самое же стихотвореніе, озаглавленное «Клепатра», по словамъ г. Анненкова, написано еще въ 1825 г. [См. у г. Анненкова т. I, стр. 168 и V, стр. 533].

Осиповой [стр. 16] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г., подъ заглавіемъ: «Въ альбомъ П. А. О.».

Къ А. П. Кернъ [стр. 17] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1826 г. — «А. П. К.». Дочь Петра Марковича Полторацкаго и родственница извѣстнаго А. Н. Оленина, женатаго на ея теткѣ, она тогда была замужемъ за генераломъ

* Въ одномъ письмѣ къ женѣ Пушкинъ привелъ два стиха такъ [В. Евр. 1879 г. № 1].

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ...

Е. Ѳ. Кернъ, а впослѣдствіи за А. В. Марковымъ-Виноградскимъ. Умерла въ 1879 году.—Въ іюнѣ 1825 г. А. П. Кернъ пріѣзжала въ Тригорское, къ своей теткѣ П. А. Осиповой, и Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи припоминаетъ первую встрѣчу съ ней у Олениныхъ въ 1819 г. Помѣта подъ стихами находится въ автографѣ, перешедшемъ отъ А. П. Кернъ къ П. Я. Дашкову.—Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Анна Петровна приводитъ стихи къ Аркадію Гавриловичу Родзянко, врученные ей около этого же времени Пушкинымъ:

Ты обѣщалъ о романтизмѣ,
О семъ парнасскомъ аѳеизмѣ,
Потолковать еще со мной;
Полтавскихъ музъ повѣдать тайны,
А пишешь лишь о ней одной.
Нѣтъ, это ясно, милый мой,
Нѣтъ, ты влюбленъ Пиронъ Украйны.
Ты правъ, что можетъ быть важнѣй
На свѣтѣ женщины прекрасной?
Улыбка, взоръ ея очей,
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной;
Поговоримъ опять о ней.
Хвалю, мой другъ, ея охоту,
Поотдохнувъ, рожать дѣтей,
Подобныхъ матери своей...
И счастливъ, кто раздѣлитъ съ ней
Сію пріятную заботу:
Не наведетъ она зѣвоту.
Дай Богъ, чтобъ только Гименей
Межъ тѣмъ продлилъ свою дремоту!
Но не согласенъ я съ тобой,
Не одобряю я развода:
Во первыхъ, вѣры долгъ святой,
Законъ и самая природа...
А во вторыхъ, замѣчу я,
Благопристойные мужья
Для умныхъ женъ необходимы:
При нихъ домашніе друзья
Иль чуть замѣтны, иль незримы:
Повѣрьте, милые мои,
Одно другому помогаетъ
И солнце брака затмѣваетъ
Звѣзду стыдливую любви!

Кромѣ того, по ея же словамъ, за мѣсяцъ до этого [въ маѣ] Пушкинъ прислалъ Родзянко письмо, въ которомъ было такое четверостишіе:

Наперсникъ Феба иль Пріапа,
Твоя соломенная шляпа
Завиднѣй, чѣмъ иной вѣнецъ,
Твоя деревня — Римъ, ты — папа,
Благослови-жъ меня, пѣвецъ!

Ex ungue leonem [стр. 18] — въ «М. Телеграфѣ» 1825, № 13. Эпиграмма эта вызвана разборомъ напечатанной выше на стр. 10: «Къ пріятелямъ» [Т. VII, стр. 31].

Прозаикъ и поэтъ [стр. 18] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827, № 4.

Движеніе, Дружба, Соловей и кукушка, Совѣтъ [стр. 19—20] — въ альманахѣ Погодина «Уранія» 1826 [Т. VII, стр. 40—41].

Послѣдніе цвѣты [стр. 20] — напечатано по смерти Пушкина въ IX т. «Современника» 1838 г., а время, когда оно написано, указано М. И. Семевскимъ по подлинной рукописи изъ альбома г. Осиповой.

Посланіе къ Мордвинову [стр. 20], оставшееся неоконченнымъ, впервые сообщено въ «Матеріалахъ» г. Анненкова.

19-е октября [стр. 21] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1827 г., безъ означенія именъ, которыя возстановлены нами въ текстѣ и подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Вотъ отброшенные поэтомъ стихи, напечатанные по рукописи въ VI т. «Извѣстій Академіи Наукъ» [1857, стр. 329].

КЪ 1-Й СТРОФѢ.

Товарищи, сегодня праздникъ нашъ!
Завѣтный срокъ! сегодня тамъ, далече,
На пиръ любви, на сладостное вѣче
Стеклися вы. При звонѣ мирныхъ чашъ
Вы собрались, мгновенно молодѣя,
Усталый духъ въ минувшемъ обновить,
Поговорить на языкѣ лицея
И съ жизнью вновь свободно пошалить.
На пиръ любви душой стремлюся я...
Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю,
И праздника порядокъ учреждаю...
Я вдохновенъ... О, слушайте, друзья:
Чтобъ тридцать мѣстъ насъ ожидали снова!
Садитеся, какъ вы садились тамъ,
Когда мѣста, въ тѣни святаго крова,
Отличіе предписывало намъ.

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій сядетъ первой,
Послѣднимъ я, иль Брогльо, иль Данзасъ;
Но многіе не явятся межъ нами...
Пускай, друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ.
Они придутъ! конечно, надъ водами,
Иль на холмѣ, подъ тѣнью липъ густыхъ,
Они твердятъ томительный урокъ,
Или романъ украдкой пожираютъ,
Или стихи влюбленные слагаютъ,
Забывъ межъ тѣмъ полуденный звонокъ.
Они придутъ! за праздные приборы
Усядутся; наполнятъ свой стаканъ;
Въ нестройный хоръ сольются разговоры,
И загремитъ веселый нашъ пеанъ.

КЪ 9-Й СТРОФѢ.

Мы вспомнили, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы одну всѣ трое полюбили —
Наперсники, товарищи проказъ!...
И все прошло — проказы, заблужденья!
Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевавъ почтенье согражданъ. *

ПОСЛѢ 4 СТИХА 16-Й СТРОФЫ.

Златые дни, уроки и забавы,
И черный столъ, и бунты вечеровъ,
И нашъ словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейскихъ мудрецовъ!

---

* Потомъ четыре послѣдніе стиха были исключены и строфа начиналась обращеніемъ къ Малиновскому:

Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
Ты нашъ казакъ и пылкій и незлобной,
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?
Мы всмомнили бъ и пр.

О, други, съ мѣстъ! вторую наливайте!
Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря,
Опять до дня, до капли выпивайте,
Но за кого жъ?... О, други! угадайте?
....
Онъ человѣкъ, имъ властвуетъ мгновенье;
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей...
Но такъ и быть — простимъ ему гоненье....
....
Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень!
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена...

Въ «Р. Архивѣ» 1881, I, приведены два добавочные стиха, но все сказанное о составѣ и распредѣленіи строфъ стихотворенія не имѣетъ никакого основанія и противорѣчитъ автографу поэта.

Женихъ [стр. 27] — напечатано въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827 г. № 13, и отнесено самимъ Пушкинымъ къ 1825 г. въ изданіи 1829 г., гдѣ и помѣщено вслѣдъ за предыдущимъ. Г. Анненковъ въ «Матеріалахъ» [стр. 115 и 119] называетъ это стихотвореніе «первымъ образцомъ русской народной сказки» и говоритъ, что оно «остается блестящимъ результатомъ сношеній поэта съ старушкой няней», но эти «сношенія» и «народность» выразились гораздо ярче и живѣе въ отрывкѣ: «Какъ весенней теплой порою» [стр. 10].

Подражанія [стр. 33] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1829 г., часть I, а въ посмертномъ изданіи помѣщены, какъ «Подражанія восточнымъ стихотворцамъ». Въ настоящемъ изданіи мы указали, что это именно подражанія «Пѣсни Пѣсней», и второе, печатавшееся до сихъ поръ ввидѣ одного цѣльнаго стихотворенія, отчего утрачивался смыслъ, подраздѣлили на двѣ строфы, потому что первые четыре стиха говоритъ «женихъ», а послѣдніе восемь принадлежатъ «невѣстѣ».

Изъ А. Шенье [стр. 34] — въ «Современникѣ» 1836 г., т. I, безъ имени автора. Въ рукописи помѣчено 1825 годомъ, и кромѣ того указано время послѣдняго исправленія передъ напечатаньемъ: «20 апрѣля 1835 г.». Это близкій переводъ стихотворенія А. Шенье: «Oeta, mont ennobli par cette nuit ardente».

Зимній вечеръ [стр. 34] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1830 г., и хотя 3-й частью стихотвореній Пушкина 1832 г. отнесено къ разряду пьесъ «разныхъ годовъ», но въ рукописи, по которой печаталась эта часть, имѣетъ помѣту: «1825 г.».

Примите Невскій альманахъ [стр. 35] — въ «Невскомъ альманахѣ» на 1826 г., причемъ третій стихъ читался: «Василья Пушкина,

. . . . кова» [т. е. Маркова], а въ изданіи 1829 г. «Вел . . . . , Х—ова», и имя Княжевича было тоже означено только начальной буквой. Г. Анненковъ вмѣсто «Великопольскаго» предполагалъ «Вельяшева», но при этомъ чтеніи стихъ не имѣлъ бы надлежащаго размѣра.

Къ Баратынскому [стр. 36] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1829 г., часть I, подъ заглавіемъ «Къ * * *». Написано по поводу поэмы Баратынскаго «Эда» и неблагосклонныхъ о ней отзывовъ тогдашней критики.

Буря [стр. 36] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827, № 2, съ неправильнымъ 7-мъ стихомъ: «И вѣтеръ воилъ и леталъ», поправленнымъ въ изданіи 1829 г.

Борисъ Годуновъ [стр. 37] — отрывки были напечатаны въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827, № 1, въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1828 г. и въ «Денницѣ» 1830 г. Полный текстъ явился въ 1831 г. подъ короткимъ заглавіемъ: «Борисъ Годуновъ» [Спб. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 1831, въ 142 стр.]. Имя Пушкина находится подъ посвященіемъ, приложеннымъ въ началѣ книги: «Драгоцѣнной для Россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина. сей трудъ, геніемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ Александръ Пушкинъ». — Въ «посмертномъ изданіи» напечатаны были двѣ новыя сцены, которыя и включены г. Анненковымъ въ текстъ на свои мѣста «по указаніямъ рукописи», что поэтому повторено и настоящимъ изданіемъ: Дѣвичье поле и сцена Марины съ Рузей [см. стр. 42—43 и 80—82]. — Третья пропущенная сцена: «Григорій и злой чернецъ», помѣщенная въ приложеніи къ пьесѣ [стр. 118—120], была напечатана еще при жизни Пушкина въ «Лит. прибавленіяхъ къ Р. Инвалиду» 1834, № 3, при переводѣ съ нѣмецкаго статьи барона Розена о трагедіи изъ «Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst» [1833, № 1]. Бар. Розенъ пояснилъ при этомъ: «упомянемъ объ одномъ явленіи не напечатанномъ... по совѣтамъ польскаго поэта Мицкевича и покойнаго барона Дельвига: будто бы сцена сія ослабляетъ впечатлѣніе, произведенное разсказомъ Пимена. Авторъ, намѣреваясь помѣстить эту сцену при второмъ изданіи Бориса Годунова» [оно не вышло], «позволилъ намъ...» и пр. Вѣроятно г. Анненковъ въ тѣхъ же рукописяхъ, на основаніи которыхъ онъ помѣстилъ въ текстъ двѣ пропущенныя сцены, нашелъ указанія, достаточныя для невнесенія туда этой третьей сцены. Мы послѣдовали ему до разъясненія вопроса рукописями.

Затѣмъ при первомъ печатаніи было исключено еще нѣсколько мѣстъ, которыя и приведены нами въ подстрочныхъ выноскахъ: 1] первоначальный текстъ въ монологѣ Пимена [стр. 46], 2] изъ сцены въ корчмѣ [стр. 57], 3] изъ сцены Ксеніи съ братомъ [стр. 67] и 4] изъ сцены пріема русскихъ и поляковъ самозванцемъ [стр. 77 и 79]. Кромѣ того въ рукописи: 1] сцена съ юродивымъ предшествовала сценѣ битвы, 2] въ разговорѣ самозван-

ца съ патеромъ латинскій amen былъ замѣненъ словомъ: аминь, и возстановленъ уже при печатаньи, 3] рукопись оканчивалась тѣмъ, что народъ кричитъ: Да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ», а при печатаньи это замѣнено словами: «народъ безмолвствуетъ». Наконецъ были поправлены стихи: «а грозный царь игуменомъ смиреннымъ» и «онъ говорилъ игумену и братьи» [стр. 51, стихъ 17 и 23], «покайтеся, народъ имъ загремѣлъ» [стр. 49 ст. 13] и немногіе др.

Черновой набросокъ «письма» о трагедіи, мысли для «предисловія» и два французскія письма [1825 и 1829 г.], тоже представляющіе нѣчто въ родѣ «предисловія», помѣщены нами въ V и VII томахъ. Здѣсь замѣтимъ еще, что Борисъ Годуновъ писанъ въ Михайловскомъ въ концѣ 1824 и до половины 1825 г. Черновой рукописи не сохранилось, но остались 4 первыя сцены. Одновременно писались «Цыганы» и IV глава «Онѣгина», которыми сцены изъ Б. Г. прерываются во многихъ мѣстахъ, въ особенности сцены Пимена: послѣ стиха — «не много словъ доходитъ до меня» набросана строфа ихъ «Цыганъ», «Сожженное письмо», XVII и XVIII строфы IV гл. «Онѣгина», потомъ продолжается трагедія, при чемъ вмѣсто 3 стиховъ: «Ты все писалъ...» и пр. былъ только одинъ: «Три раза въ ночь злой врагъ будилъ меня». Этотъ разсказъ Григорія набросанъ вначалѣ января 1825 г., но остановленъ на самомъ началѣ для XXIV строфы «Онѣгина» и многихъ другихъ. Потомъ опять идетъ разсказъ Григорія и отвѣтъ Пимена, предварительно выраженный только одной строкой: «приближаюсь къ тому времени, когда перестало земное быть для меня занимательнымъ». Далѣе за 8-мъ стихомъ Пимена набросана XXV строфа. Монологъ Григорія: «Борисъ, Борисъ, все предъ тобой трепещетъ», заключающій сцену, стоялъ въ рукописи тотчасъ послѣ размышленія Пимена: «Еще одно, послѣднее сказанье».

Въ бѣловой рукописи трагедія была озаглавлена: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Такъ и хотѣлъ ее назвать Пушкинъ даже въ 1831 году. — 13 іюля 1825 г. онъ писалъ кн. Вяземскому: «Передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобъ не выписать ея заглавіе. Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, на городищѣ Вороничѣ. — Каково?» Затѣмъ, въ сентябрѣ, онъ сообщалъ князю: «Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай-да Пушкинъ, ай-да....! Юродивый мой — малой презабавной; Марина тебѣ понравится, ибо она полька и собою преизрядна... Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословитъ; цензура его не пропуститъ. Жуковскій говоритъ, что царь меня проститъ за трагедію. Наврядъ, мой милый, хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ!»

Трагедію свою Пушкинъ читалъ въ 1825 г. посѣщавшимъ его товари-

щамъ-лицеистамъ и сосѣду своему по деревнѣ А. Н. Вульфу [Евг. Онѣгинъ гл. IV, строфа XXXV и письма къ кн. Вяземскому], а вызванный государемъ въ Москву въ концѣ 1826 г. прочелъ ее у Соболевскаго и Веневитинова [«Р. Стар.» 1880, № 1, стр. 135—137], за что 26 ноября и получилъ выговоръ отъ тогдашняго начальника III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, предложившаго немедля прислать Годунова; а затѣмъ гр. Бенкендорфъ извѣстилъ Пушкина, что государь прочиталъ драму съ большимъ удовольствіемъ, замѣтилъ лишь нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и что цѣль была бы болѣе выполнена, еслибъ комедія была передѣлана въ историческій романъ, на подобіе романовъ В.-Скотта. На это Пушкинъ отозвался, что пьеса его дѣйствительно болѣе сбивается на историческій романъ, но что не въ силахъ уже передѣлать имъ однажды написанное. Въ 1829 г. Пушкинъ вновь представилъ Годунова съ поправками по сдѣланнымъ въ 1826 г. замѣчаніямъ, но пьеса опять была возвращена для перемѣны еще нѣкоторыхъ «тривіальныхъ мѣстъ» и замѣны «нѣкоторыхъ словъ и выраженій, слишкомъ простонародныхъ или нарушающихъ скромность,» при чемъ нѣкоторыя мѣста вовсе были опущены и потребовалось уничтоженіе названія «комедія», хотя III Отдѣленіе находило въ этомъ подражаніе «древнимъ нашимъ писателямъ» и вообще заключало, что «въ пьесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это отдѣльныя сцены или лучше сказать отрывки изъ X и XI т. Исторіи Гос. Россійскаго, сочиненія Карамзина, передѣланные въ р а з г о в о р ы. Характеры, происшествія, мнѣнія—все основано на сочиненіи Карамзина; все оттуда позаимствовано. Автору комедіи принадлежитъ только разсказъ, расположеніе дѣйствія на сценѣ. — Почти каждая сцена составлена изъ событій, упомянутыхъ въ исторіи, исключая сцены самозванца въ корчмѣ, сцены юродиваго и свиданія съ Мариною». Наконецъ 22 октября 1830 г. высочайше разрѣшено было печатаніе, но подъ собственною отвѣтственностью поэта. [«Р. Стар.» 1874, № 8 и 1880, № 1]. Въ январѣ 1831 г. трагедія вышла изъ печати подъ нынѣшнимъ заглавіемъ и съ помѣтою вмѣсто цензурнаго разрѣшенія: «съ дозволенія правительства».

Г р а ф ъ Н у л и н ъ [стр. 120] — отрывокъ былъ напечатанъ въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827 г., № 4, а вся поэма въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1828 г. и оттуда оттиснута отдѣльной брошюрой [Спб. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 1827, въ 12 д. л., 32 стр.], а за тѣмъ въ томъ же году вмѣстѣ съ поэмой Баратынскаго: «Балъ», и наконецъ перешла въ книгу «Поэмъ и повѣстей Пушкина» [1835] и въ посмертное изд. Г. Анненковъ замѣтилъ, что въ отдѣльной брошюрѣ 1827 г. два стиха напечатаны иначе противъ «С. Цвѣтовъ»: «Я сытъ и такъ [въ «С. Цв.»: Я сытъ... И т а к ъ] и «Онъ входитъ, и щ е т ъ, отступаетъ» [въ «С. Цв.»: онъ входитъ, м е д л и т ъ, отступаетъ], и что послѣдующія изданія приняли только послѣднюю поправку, т. е. и щ е т ъ. Между тѣмъ въ подлинной рукописи, какъ и по смыслу

слѣдуетъ, написано: медлитъ, но такъ, что мы сами сначала прочли было ищетъ, благодаря буквѣ *д*, написанной внизъ въ родѣ цифры 2; слѣд. сдѣлана была не поправка, а ошибка.

На клочкѣ бумаги, сохранившемся въ рукописяхъ Пушкина, онъ отмѣтилъ: «Въ концѣ 1825 года находился я въ деревнѣ, и перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что, если бъ Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило бъ его предпріимчивость и онъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился бы — и міръ, и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть» [См. тоже, т. V, «Критич. замѣтки»].

Въ февралѣ 1827 г. Пушкинъ представилъ гр. Бенкендорфу, черезъ бар. Дельвига: «Разговоръ Татьяны съ няней», «Къ *** [А. П. Кернъ]» и «19-е октября», а въ іюнѣ самъ доставилъ: «Ангелъ», «Стансы», III-ю гл. «Онѣгина», [Гр. Нулина], «Фаустъ и Мефистофиль» и «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ». Гр. Бенкендорфъ замѣтилъ поэту, что онъ не долженъ избирать посредника въ сношеніяхъ, основанныхъ на высочайшемъ повелѣніи, и сообщилъ, что государь изволилъ читать стихотворенія его съ особеннымъ вниманіемъ, а графа «Нулина» съ большимъ удовольствіемъ, и что прелестная пьеса эта дозволяется къ печатанію. Впрочемъ, указано было на нѣкоторые неприличные стихи въ «Нулинѣ» и «Фаустѣ». О пѣсняхъ же про «Стеньку Разина» Бенкендорфъ писалъ, что онѣ, «при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны къ напечатанію, и что сверхъ того церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева» [«Р. Ст.» 1874, № 8].

Перебѣленная рукопись «Нулина» сохранилась у кн. П. П. Вяземскаго и мы ею пользовались, благодаря обязательному вниманію князя Павла Петровича. Сверхъ мелкихъ исправленій печатнаго текста мы возстановили по ней указанные Бенкендорфомъ: 6-й стихъ на стр. 126, печатавшійся: «Порою барина смѣшить», и стихи 23—27 на стр. 128, вмѣсто которыхъ печаталось:

«Уже руки ея коснулся,
Но тутъ опомнилась она;
Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
И честной гордости полна,
А впрочемъ, можетъ быть и страха....»

Замѣтимъ также, что кромѣ указанныхъ уже поправокъ: «и такъ» и «ищетъ», есть одно слово на стр. 126, въ стихѣ 12 снизу, читающееся

въ рукописи иначе, а вмѣсто 4—7 стиховъ на стр. 122 написано было и, вѣроятно, замѣнено нынѣшними стихами только уже при печатаніи:

Романъ классической, старинной,
Отмѣнно длинной, длинной, длинной,
Отрада дѣвушки невинной,
Покойной тетушки моей.

Приведенный выше отзывъ Бенкендорфа показываетъ, что пѣсни о Стенькѣ Разинѣ составляютъ оригинальный поэтическій трудъ Пушкина, къ сожалѣнію утраченный, а вовсе не принадлежатъ къ тѣмъ народнымъ пѣснямъ, которыя Прткинъ записалъ въ деревнѣ и послалъ Кирѣевскому [Матеріалы, стр. 152]. Послѣднее предположеніе несогласно и съ приводимой г. Анненковымъ запиской Пушкина, «содержащей заглавія разныхъ стихотвореній, созданныхъ имъ до 1826 г. включительно» [тамъ же], и съ извѣстіемъ Погодина, что увлеченный успѣхомъ чтенія Бориса Годунова на вечерѣ у Веневитиновыхъ, Пушкинъ «началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью на Волгѣ на востроносой своей лодкѣ; предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ»; началъ разсказывать о планѣ для «Дмитрія Самозванца...» и пр. Ясно, что все это произведенія Пушкина и что тутъ не было мѣста чужому, записанному, что и подтверждается увѣдомленіемъ Бенкендорфа.

Слѣды работы поэта сохранились въ записанныхъ имъ пѣсняхъ, недавно напечатанныхъ г. Анненковымъ въ газетѣ «Порядокъ» [1881 г. № 11. Ср. «Русь» 1881, № 11]:

I. Пѣсня о сынѣ Стеньки Разина.

1.

Изъ цикла легендъ о Стенькѣ Разинѣ.

Въ городѣ то было во Астрахани,
Проявился дѣтина, незнамой человѣкъ,
Онъ щеголемъ по городу похаживаетъ,
Черный бархатный кафтанъ на размашечку надѣтъ,
Черна шляпа пуховая на русыхъ кудряхъ,
Свой персидскій кушачекъ во правой рукѣ несетъ.
Онъ боярамъ государевымъ не кланяется,
Къ астраханскому воеводѣ подъ судъ нейдетъ.
Какъ увидѣлъ молодца воевода со крыльца,
Закричалъ онъ, воевода, громкимъ голосомъ своимъ:
— «Ой, есть ли у меня слуги вѣрны молодцы?
Вы сходите, приведите удалаго молодца».
Какъ поймали молодца во царевѣ кабакѣ,

Приводили удалаго къ воеводѣ на дворъ;
А какъ сталъ воевода его спрашивати:
— «Ты скажи, скажи, дѣтина, незнамой человѣкъ!
Чьего рода, чьего племени, чей отческій сынъ!
Иль изъ нашего города изъ Астрахани,
Иль со Дону казакъ, или казацкій сынъ?»
— «Я не съ вашего городу, не съ Астрахани,
Я не съ Дону казакъ, не казацкій сынъ.
Я со Камы со рѣки, Стеньки Разина сынокъ.
Взялся батюшка у васъ завтра въ гости побывать:
Ты умѣй его приняти, умѣй подчивати».
Разсердился воевода на удалаго молодца,
Закричалъ тутъ воевода громкимъ голосомъ своимъ:
— «Ой, есть ли у меня слуги вѣрны молодцы?
Вы возьмите, отведите удалаго молодца,
Посадите удалаго въ бѣлу-каменну тюрьму».

2.

Какъ на утренней зарѣ вдоль по Камѣ по рѣкѣ,
Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ,
Въ лодочкѣ гребцовъ ровно 200 молодцовъ,
Посреди лодки хозяинъ, Стенька Разинъ атаманъ.
Закричалъ тутъ хозяинъ громкимъ голосомъ своимъ:
А черпните мнѣ воды изо Камы со рѣки. *

. . . .

. . . .

Припечалился хозяинъ Стенька Разинъ атаманъ:
«Знать, что мой сыночекъ во неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ сидитъ въ бѣлокаменной тюрьмѣ».
— «Не печалься, нашъ хозяинъ Стенька Разинъ атаманъ,
Бѣлокаменну тюрьму по кирпичику разберемъ,
Твоего милаго сыночка изъ неволи уведемъ:
Астраханскаго воеводу подъ судъ возьмемъ».

II. Изъ быта поволжскихъ разбойниковъ.

3.

Во славномъ городѣ [Кіевѣ],
У славнаго царя у Владиміра

* Здѣсь почеркъ Пушкина до того сталъ неразборчивъ, что принудилъ къ пропуску этого мѣста, въ которомъ, вѣроятно, говорилось о слухахъ и вѣстяхъ, принесенныхъ атаману струей Камы-рѣки.

Жила-была молода вдова;
У вдовушки было девять сыновъ—
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, лелѣяли...
Девять сыновъ подъ разбой пошли,
Десятую дочь замужъ выдали,
По край моря, за Марьянина.
Она годъ живетъ и другой живетъ,
Прижила малаго дѣтеныша,
На третій годъ стосковалася.
Стала она Марьянина въ гости звать:
«Пойдемъ, Марьянинъ, свѣтъ,
Ты къ шурьямъ. а я къ матушкѣ,
Ты къ тещѣ, а я къ милымъ братьямъ».
Они день идутъ и другой идутъ —
На третій день остановилися,
Развели огонечекъ малешенекъ,
Пустили дымочекъ тонешенекъ;
Напали воры-разбойники,
Они Марьянина зарѣзали,
Марьянинка мъ воду бросили,
Марьянку во полонъ взяли...
Какъ всѣ-то разбойники стали пить и ѣсть,
Одинъ-то разбойничекъ не пьетъ, не ѣстъ —
Не пьетъ, не ѣстъ, Богу молится.
И сталъ онъ у Марьянки разспрашивати:
«Ты скажи, скажи, Марьянка,
Съ какого ты села-города,
И котораго ты отца-матери?»
Стала ему Марьянка разсказывати:
«У славнаго царя у Владиміра
Жила была молода вдова,
У вдовушки было девять сыновъ —
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, лелѣяли.
Девять сыновъ подъ разбой пошли,
Десятую дочь замужъ выдали,
По край моря, за Марьянина».
— «Вставайте, братцы родимые!
Не Марьянина вы зарѣзали,
Не Марьяника въ воду бросили,
Не Марьянку во полонъ взяли:
Вы зарѣзали зятя любезнаго,

Въ воду бросили племянника,
Взяли въ полонъ родну сестру!»
Вставали братцы родимые —
Просили у сестры прощенія:
«Отчего ты намъ не сказала,
Что ты намъ родная сестра?»
Пошли къ родной матушкѣ,
Становились на колѣнки всѣ
И просили у ней прощеньица:
«Прости насъ, родимая матушка,
Не знавши зарѣзали зятя любезнаго,
Въ воду бросили племянника,
Родную сестру въ полонъ взяли!»

Сцена изъ Фауста [стр. 131] — напечатана въ «Московъ. Вѣстникѣ» 1826 г., № 9, подъ заглавіемъ: «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофилемъ». Нынѣшнее заглавіе дано Пушкинымъ въ изданіи 1829 г., гдѣ она отнесена имъ къ 1825 г., и потому неизвѣстно, на какомъ основаніи г. Анненковъ отнесъ ее къ 1826 году. Не могъ же Пушкинъ вначалѣ 1829 г. уже забыть: въ 1825 или 1826 г. писалъ онъ эту сцену, особенно если припомнимъ его необыкновенную точность и аккуратность въ размѣщеніи своихъ произведеній по годамъ. Два стиха, заканчивающіе послѣдній монологъ Мефистофиля [стр. 135], не печатались до 1861 г., когда впервые даны были «Библ. Записками», но не совсѣмъ точно. Теперь они возстановлены по документальному свидѣтельству М. М. Попова въ «Русской Старинѣ» [1874 г., № 8, стр. 701].

Къ 1825 году относятся и слѣдующіе черновые переводы, сохранившіеся въ бумагахъ поэта:

I. ИЗЪ АРІОСТОВА: ORLANDO FURIOSO.

[пѣснь XXIII, октавы 100—112].

100.

Предъ рыцаремъ блеститъ вода,
Ручей прозрачнѣе стекла.
Природа милыми цвѣтами
Тѣнистый берегъ убрала
И обсадила древесами.

101.

Луга палитъ полдневный зной,
Пастухъ убогій спитъ у стада;
Усталъ подъ латами герой:

Его манитъ ручья прохлада.
Здѣсь мыслитъ онъ найти покой.
О черный день, о день несчастный!
Пріютъ несносный и ужасный
Онъ здѣсь нашелъ...

102.

Гуляя, онъ на деревахъ
Повсюду надписи встрѣчаетъ;
Онъ съ изумленьемъ въ сихъ чертахъ
Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
Невольный страхъ его влечетъ:
Онъ руку милой узнаетъ.
И въ самомъ дѣлѣ, въ жаръ полдневный,
Медоръ съ Китайскою царевной
Изъ хаты пастыря сюда
Самъ-другъ являлся иногда.

103.

Орландъ ихъ имена читаетъ.
Соединенны вензелёмъ.
Ихъ буква каждая гвоздемъ
Герою сердце пробиваетъ.
Стараясь горесть усыпить,
Онъ самъ съ собою лицемѣритъ,
Не вѣрить хочетъ онъ, хоть вѣритъ:
Онъ силится вообразить,
Что вензеля въ сей рощѣ дикой
Начертаны всѣ, можетъ быть,
Другой, не этой Анджеликой.

104.

Но вскорѣ, витязь, молвилъ ты:
«Однако жъ эти мнѣ черты
Знакомы очень... разумѣю:
Медоръ сей выдуманъ лишь ею.
Подъ этимъ прозвищемъ меня
Царевна славила, быть можетъ...»
Такъ басней правду замѣня,
Онъ мыслитъ, что судьбѣ поможетъ.

105.

Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
Чтобъ утушить свое мученье,
Тѣмъ пуще злое подозрѣнье
Возобновляется, горитъ.
Такъ въ сѣткѣ птичка, другъ свободы,
Чѣмъ больше бьется, тѣмъ сильнѣй,
Тѣмъ крѣпче путается въ ней;
Орландъ идетъ туда, гдѣ своды
Гора склонила на ручей.

106.

Кривой, бродящей повиликой
Завѣшенъ брегъ тѣнистыхъ волнъ.
Медоръ съ прелестной Анджеликой
Любили здѣсь, у свѣжихъ водъ,
Въ день жаркій, въ тихій часъ досуга,
Дышать въ объятіяхъ другъ друга.
И здѣсь ихъ имена кругомъ
Древа и камни сохраняли:
Ихъ мѣломъ, углемъ иль ножомъ
Вездѣ счастливцы написали.

107.

Туда пѣшкомъ печальный графъ
Идетъ, и надъ пещерой темной
Зритъ надпись — въ похвалу забавъ.
Медоръ ее рукою томной
Въ тѣ дни стихами начерталъ —
Стихи, чувствъ нѣжныхъ вдохновенье,
Онъ по-арабски написалъ —
И вотъ ихъ точное значенье:

108.

«Цвѣты, луга, ручей живой,
Счастливый гротъ, прохладны тѣни —
Пріютъ любви, забавъ и лѣни,
Гдѣ съ Анджеликой молодой,
Съ прелестной дщерью Голофрона,
Любимой многими — порой
Я зналъ утѣхи купидона!...

Чѣмъ, бѣдный, васъ я награжу,
Такъ часто вами охраненный?
Однимъ лишь только услужу —
Хвалой и просьбою смиренной!

109.

«Господъ любовниковъ молю,
И дамъ, и рыцарей вельможныхъ,
Пришельцевъ здѣшнихъ иль дорожныхъ,
Которыхъ въ сторону сію
Фортуна заведетъ случайно,
На воды, лугъ, на тѣнь и лѣсъ,
Зовите благодать небесъ:
Чтобъ нимфы ихъ любили тайно,
Чтобъ пастухи къ нимъ никогда
Не гнали жадныя стада».

110.

Графъ точно такъ, какъ по-латынѣ,
Зналъ по-арабски; онъ не разъ
Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
Но отъ бѣды не спасся нынѣ!

111.

Два, три разà, и пять, и шесть
Онъ хочетъ надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нѣтъ того, что есть.
Онъ правду видитъ [очень] ясно.
И нестерпимая тоска,
Какъ бы холодная рука,
Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно —
И наконецъ на свой позоръ
Вперилъ онъ равнодушный взоръ.

112.

Готовъ онъ въ горести безгласной
Лишиться чувствъ, оставить свѣтъ;
Ахъ, вѣрьте мнѣ, что муки нѣтъ,
Подобной мукѣ сей ужасной!
На грудь опершись бородой,
Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
Найти не можетъ рыцарь бѣдный
Ни вопля, ни слезы одной.

II. СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО: «GONZAGO».

[РОМАНСЪ ТРУБАДУРА].

Тамъ звѣзда зари взошла,
Пышно роза процвѣла:
Это время насъ, бывало,
Другъ ко другу призывало.
На постелѣ пуховой
Дѣва сонною рукой
Протирала томны очи,
Удаляя грезы ночи,
И являлася она
У дверей, иль у окна
Ранней звѣздочки свѣтлѣе,
Розы утренней свѣжѣе.
Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкругъ меня
Воздухъ утренній струился;
Я вольнѣе становился.
Я красавицы моей,
Межъ овецъ деревни всей,
Зналъ любимую овечку
И водилъ ее на рѣчку,
На тѣнистые брега,
На зеленые луга;
Я поилъ ее, лелѣялъ,
Передъ ней цвѣточки сѣялъ.
И пѣвалъ, бывало, ей
Предъ красавицей моей;
Она пѣснѣ улыбалась,
Но блаженство миновалось!
Гдѣ красавица моя?
Одинокій плачу я.
Замѣнили пѣсни нѣжны
Стонъ и слезы безнадежны.

1826.

Зимняя дорога [стр. 136] — напечатано въ «Моск. Вѣстникѣ» 1828 г., № 4, и во всѣхъ изданіяхъ безъ перемѣнъ. Увѣряютъ, что оно написано по поводу одной изъ поѣздокъ въ Псковъ, а не относится къ переѣзду въ Москву, какъ указываетъ г. Анненковъ [т. 2, стр. 419].

Элегія [стр. 137] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1828 г., а изданіемъ 1829 г. отнесена неправильно къ 1825 г., ибо въ рукописи поставленъ 1826 годъ и означено число іюля, которое г. Анненковъ указалъ въ 1-мъ томѣ: *29-е* [стр. 195], а во второмъ томѣ: *26-е* [стр. 409]. Что касается остальныхъ двухъ строкъ подписи подъ рукописью, то первая вѣроятно означаетъ, что Пушкинъ «услышалъ о смерти 25» іюля г-жи Ризничъ, воспоминанію которой посвящено это стихотвореніе; а 24-го «услышалъ о смерти» пяти декабристовъ, казненныхъ 13 іюля: Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго и Бестужева; заглавныя буквы ихъ фамилій находятся во второй подписи. Въ другой замѣткѣ эти же буквы сопровождаются припиской: «видѣлъ во снѣ». Первый стихъ былъ сначала написанъ: «Подъ небомъ голубымъ Италіи своей», куда г-жа Ризничъ дѣйствительно уѣхала изъ Одессы. Къ памяти ея относится также стихотвореніе В. Туманскаго, посвященное Пушкину, и помѣченное авторомъ: «Одесса. Іюль 1825» [«Сѣв. Лира» на 1827 годъ], а объ отношеніяхъ Пушкина къ г-жѣ Ризничъ говорится въ статьѣ Зеленецкаго [«Р. Вѣстникъ» 1856, № 11].

Все въ жертву [стр. 137], отрывокъ, помѣщенный въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, повидимому, вызванъ воспоминаніемъ о той же особѣ.

Пророкъ [стр. 137] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1828, № 3, а написано передъ самымъ отъѣздомъ въ Москву и, говорятъ, что листокъ съ этими стихами былъ въ карманѣ Пушкина при представленіи государю; стихотвореніе оканчивалось такой строфою:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи!
Позорной ризой облекись,
Иди — и съ вервіемъ на выи
Къ царю . . . . . явись!

Пріѣхавъ изъ дворца къ Соболевскому, Пушкинъ обронилъ этотъ листокъ и очень безпокоился: не сдѣлалось ли это во дворцѣ, но листокъ отыскался въ квартирѣ Соболевскаго.

Е. А. Тимашевой [стр. 138] — въ «Радугѣ» 1830 г., подъ заглавіемъ: «Къ женщинѣ-поэту» и съ искаженіями, а отсюда прямо перешло въ «посмертное» изданіе, которое произвольно измѣнило нѣкоторые стихи. Вѣрный текстъ возстановленъ С. Д. Полторацкимъ въ газетѣ «Наше Время» 1862, № 228, по подлиной рукописи Пушкина, съ помѣтою года и числа, но не смотря на это Геннади и г. Анненковъ помѣстили стихотвореніе это въ 1827 году. Тимашева писала стихи, изъ которыхъ особенно извѣстна была пѣсня, напечатанная въ № 12 «Литературной Газеты» 1831 г., положенная на музыку, съ припѣвомъ: «Ты не повѣришь, какъ ты мила». Что такое «Запретная Роза» — неизвѣстно; знаемъ только, что вскорѣ послѣ этихъ стиховъ вернувшійся не-

надолго въ деревню Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому 9 ноября 1826: «Что Запретная Роза? Что Тимашева? Какъ жаль, что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу; но и это не ушло». Самому кн. Вяземскому принадлежитъ стихотвореніе «Запретная Роза», напечатанное въ то же время въ «Моск. Телеграфѣ» [1826, № 5] и относящееся къ этой неизвѣстной «соперницѣ» Тимашевой.

Князю П. П. Вяземскому [стр. 139] — въ «Р. Архивѣ» 1867, № 2, безъ имени князя, будто бы, по подлинной рукописи Пушкина, пожертвованной въ Чертковскую библіотеку; но въ газетѣ «Берегъ» [1880, № 111] князь Павелъ Петровичъ сообщилъ, что эти стихи написаны Пушкинымъ, по пріѣздѣ въ Москву, въ дѣтскій альбомъ князя, откуда, однако, оказались вырѣзанными, и привелъ стихотвореніе въ такой редакціи:

Здравствуй, другъ мой Павелъ!
Держись моихъ правилъ:
Дѣлай то-то, то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажется, что ясно.
Прости, мой прекрасный.

Къ Языкову [стр. 139] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827, № 9. Вѣроятно стихи написаны Пушкинымъ уже въ Москвѣ, откуда 21 декабря онъ писалъ Языкову, что привезъ въ Москву его стихотвореніе «Тригорское», на которое и служатъ отвѣтомъ эти стихи Пушкина.

Отвѣтъ Ѳ. Туманскому [стр. 140] — въ изданіи 1829 г. Черновой автографъ этого стихотворенія, озаглавленный «Отвѣтъ X + У», пожертвованъ Колошинымъ въ Чертковскую библіотеку [«Р. Арх.» 1867, № 2]. Ѳедоръ Антон. Туманскій, въ двадцатыхъ годахъ былъ консуломъ въ Яссахъ, откуда часто пріѣзжалъ въ Кишиневъ, гдѣ и познакомился съ Пушкинымъ; умеръ 5 іюня 1853. О немъ и его литературной дѣятельности см. въ прекрасно изданной графомъ Г. А. Милорадовичемъ книгѣ: «Стихотворенія В. И. Туманскаго». Спб. 1881.

Пущину [стр. 140] — безъ заглавія напечатано между лицейскими стих. въ «посмертномъ» изданіи, съ неправильнымъ словомъ въ 3 стихѣ: домъ, вмѣсто: «дворъ уединенный». Стихотвореніе было послано въ Сибирь, куда Пущинъ былъ сосланъ въ каторжную работу за 14-е декабря 1825 г., и вручено ему А. Г. Муравьевой, пріѣхавшей къ своему мужу, Никитѣ Михайловичу. Помѣта времени подъ стихами находится въ подлинной рукописи, и прежде неправильно заподозривалась въ неточности.

Стансы [стр. 141] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1828, № 1, безъ подписи, а въ изданіи 1829 г. отнесено къ 1827 г., чему послѣдовалъ и г. Анненковъ, хотя автографъ стиховъ имѣетъ помѣту: «22 декабря, 1826. Москва, у Зуб.», т. е. въ домѣ Зубкова, одного изъ московскихъ знакомцевъ поэта.

1827.

Ангелъ [стр. 141] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1828 г. По мнѣнію г. Анненкова, это стихотвореніе имѣетъ связь съ данными самой жизни поэта.

Соловей [стр. 142] — въ «Литер. Музеумѣ» на 1827 г.

Талисманъ [стр. 142] — въ «Альбомѣ Сѣв. Музъ» на 1828 г. и затѣмъ въ изданіи 1829 г., какъ и оба предыдущія. Г. Анненковъ полагаетъ, что первая мысль принадлежитъ 1824 году, а окончательная отдѣлка къ 1827-му. Недавно газеты указывали, что стихотвореніе это относится къ извѣстному перстню Пушкина, которому онъ приписывалъ силу талисмана, и который былъ подаренъ ему въ Одессѣ женою М. С. Воронцова, Елизаветою Ксаверіевною, недавно же скончавшейся. Перстень этотъ былъ снятъ Жуковскимъ съ руки мертваго Пушкина, а теперь отъ сына Жуковскаго перешелъ къ Ив. С. Тургеневу. — Замѣтимъ, что на одной лубочной гравированной картинѣ, изданной въ Москвѣ 22 марта 1833 г., изображающей передачу турчанкой талисмана своей наперсницѣ, напечатано внизу все стихотвореніе Пушкина, при чемъ третій стихъ читается повидимому вѣрнѣе, чѣмъ во всѣхъ изданіяхъ: «Гдѣ луна свѣтлѣе [а не: теплѣе] блещетъ».

Кто знаетъ край [стр. 143] — по смерти Пушкина въ «Современникѣ» 1838, т. 9. Въ рукописи оно носитъ двойной эпиграфъ: «Kennst du das Land... Wilh. Meist.» и вслѣдъ за тѣмъ прибавлено: «По клюкву, по клюкву; по ягоду по клюкву». Г. Анненковъ на этихъ эпиграфахъ развиваетъ цѣлую программу этого стихотворенія, и притомъ въ двухъ частяхъ, основывая все это единственно только на томъ, что ему кажется [т. I, стр. 84], а это кажущееся потомъ уже прямо называетъ двойной программой самого Пушкина [т. 2, стр. 439].

Посланіе въ Сибирь [стр. 145] — въ «Р. Архивѣ» 1874 г. № 9, при воспоминаніяхъ декабриста Лорера, и вторично въ томъ же изданіи 1876 г. № 10. Стихи написаны въ Москвѣ, въ началѣ 1827 г., и отданы А. Г. Муравьевой, ѣхавшей въ Сибирь къ мужу. На эти стихи есть отвѣтъ декабриста А. И. Одоевскаго, на кончину котораго Лермонтовъ написалъ свое прекрасное стихотвореніе. [См. стихотворенія Одоевскаго, изд. бар. Розеномъ, Спб. 1882]. Въ «Р. Архивѣ» 1881, I, г. Чириковъ поставилъ намъ въ вину ненапечатаніе стиховъ Одоевскаго, забывая, что мы печатаемъ только стихотворенія самого Пушкина, и что для перепечатки стихотвореній ему посвященныхъ потребовался бы цѣлый томъ.

Есть роза дивная [стр. 146] — въ «Историческомъ Альбомѣ» Погодина, М. 1853 г., былъ помѣщенъ автографическій снимокъ этого стихо-

творенія, а затѣмъ въ первый разъ оно было напечатано въ «Библ. Запискахъ» 1859, № 6.

Е. Н. Ушаковой [стр. 146] — въ томъ же нумерѣ «Библ. Записокъ» по автографу изъ альбома Екатерины Николаевны.

Подруга дней [стр. 147] — въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, стр. 5, который приводитъ и письмо няни, на которое эти стихи какъ бы служатъ отвѣтомъ. Но г. Анненковъ письмо это, помѣченное «6 марта», отнесъ къ 1826 г., тогда какъ въ это время Пушкинъ безвыѣздно жилъ въ деревнѣ, только ненадолго отлучаясь въ Псковъ, да и по содержанію письма видно, что оно писано по отъѣздѣ Пушкина въ Москву, слѣд. должно быть отнесено къ 6 марта 1827 г. Въ половинѣ же этого года [а не 1828-го] няня умерла. Стихи остались недоконченными и въ рукописи поэта сохранилось только начало слѣдующей строки: «То чудится тебѣ...»

Кн. Волконской [стр. 147] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827, № 9. Кн. Волконская, урожденная кн. Бѣлосельская, родственница Раевскихъ, друзей Пушкина, отличалась особенной красотой и сама писала стихи и прозу, которые въ недавнее время изданы особой книжкой за границею, гдѣ она, перейдя въ католичество, провела послѣдніе годы своей жизни.

Къ графинѣ Кочубей [стр. 148] — напечатано въ «Молодикѣ» на 1844 г. Къ разряду этихъ же мадригальныхъ замѣтокъ, брошенныхъ Пушкинымъ въ первое время пребыванія его въ Москвѣ, относятся сохранившіеся въ памяти разныхъ лицъ, но не уцѣлѣвшіе въ рукописи стихи:

Княжнѣ С. А. Урусовой.

Не вѣровалъ я граціямъ донынѣ,
Мнѣ видъ тройной казался все мудренъ,
Но вижу васъ — и вѣрой озаренъ
Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ.

Княжнѣ Хованской.

...Есть богъ иной: земнаго круга
Ему подвластна красота —
Онъ богъ Парни, Тибулла, Мура,
Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я,
Онъ весь въ тебя, ты мать Амура,
Ты несравненная моя!

Эпиграмма [стр. 148] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827, № 8, а отсюда въ «посмертномъ» изданіи. Андрей Никол. Муравьевъ, въ своей брошюрѣ: «Знакомство съ русскими поэтами», разсказываетъ, что зимой 1826—1827 г., бывая на вечерахъ и маскарадахъ въ салонѣ кн. Волконской и

Бѣлосельскихъ, онъ однажды по неловкости сломалъ руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, украшавшей театральную залу, что и вызвало эпиграмму Пушкина, «который, не разобравъ стиховъ, сейчасъ же написанныхъ мною въ свое оправданіе на пьедесталѣ статуи, думалъ прочесть въ нихъ, что я называю себя соперникомъ Аполлона». Въ рукописяхъ эта эпиграмма встрѣчается иногда съ варіантомъ послѣдняго стиха: «деревенскій Митрофанъ».

Изъ другихъ эпиграммъ этого времени указываютъ еще направленную противъ княжны Анны Акинфіевны Мещерской, которая любила уменьшать свои годы [Р. Архивъ 1875, № 9]:

Тебѣ подобной въ свѣтѣ нѣтъ!
Весь міръ твердитъ и я съ нимъ тоже:
Другой — что годъ, то больше лѣтъ,
А ты — что годъ, то все моложе.

Другая относится къ неизвѣстной намъ особѣ:

Черна какъ галка,
Суха какъ палка,
Увы, весталка!
Тебя мнѣ жалко.

Къ Языкову [стр. 148] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1829 г., подъ заглавіемъ: «Къ Я.», и безъ подписи, а отсюда въ «посмертномъ» изданіи. Стихи взяты изъ письма къ Языкову.

Три ключа [стр. 149] — напечатано по смерти поэта въ «Отеч. Запискахъ 1841, № 1, съ помѣтой «18 іюня 1827. Спб.», но г. Анненковъ въ «Матеріалахъ», на стр. 175, указываетъ, что стихотвореніе написано въ Петербургѣ «27 іюля».

Черепъ [стр. 150] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1828 г., съ пропускомъ именъ Дельвига и Вульфа и съ подписью: «Я.». — Пушкинъ говорилъ: «Никто не усомнится, что это Я — Я. Въ изданіи 1829 г. было перепечатано съ ошибками, напр. герой вм. мечтатель, отъ чего стихъ остался безъ риѳмы, сонъ вмѣсто сонмъ и пр. Эти ошибки вошли и въ посмертное изданіе.

Близъ мѣстъ [стр. 154] — въ «Невскомъ альманахѣ» на 1828 г., подъ заглавіемъ: «Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье», а въ изданіи 1829 г. это заглавіе оставлено только въ оглавленіи. Въ «Невскомъ альманахѣ» вслѣдъ за этимъ стихотвореніемъ былъ напечатанъ переводъ Ив. Козлова тѣхъ же стиховъ.

Поэтъ [стр. 155] — въ «М. Вѣстникѣ» 1827, № 23, а въ изданіи 1829 г. исправленъ 7-й стихъ 2-й строфы: «Къ подножью свѣтскаго кумира». Стихи взяты изъ письма къ Погодину. [См. томъ VII].

Изъ Alfieri. Въ «Матеріалахъ» г. Анненкова указано, что въ 1827 г., Пушкинъ, перечитывая трагедію Альфіери въ переводѣ адмирала Шишкова, остановился на монологѣ Изабеллы и передалъ его въ стихахъ; «это столько же прямой переводъ съ итальянскаго, сколько и обращеніе прозы А. С. Шишкова въ метръ и стопы», замѣчаетъ г. Анненковъ:

Монологъ Изабеллы изъ трагедіи: Филиппъ II.

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
Невѣрная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзаю!
Но какъ же зрѣть его и не любить?
Нравъ пылкій, добрый, гордый, благородный,
Высокій умъ съ наружностью прелестной....
Прекрасная душа!... Зачѣмъ природа
И небеса такимъ тебя создали?
Что говорю? Ахъ, такъ ли я успѣю
Изъ глубины сердечной милый образъ
Искоренить? О, если пламень мой
Подозрѣвать онъ станетъ! Передъ нимъ
Всегда печальна я; но избѣгаю
Я встрѣчи съ нимъ. Онъ знаетъ, что веселье
Въ Испаніи запрещено. Кто можетъ
Въ душѣ моей читать? Ахъ, и самой
Не должно мнѣ!... И онъ, какъ и другіе,
Обманется — и станетъ, какъ другіе,
Онъ убѣгать меня... Увы мнѣ, бѣдной!...
Другаго нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшенья
Окромѣ слезъ, и слезы — преступленье!
Иду къ себѣ: тамъ буду на свободѣ....
Что вижу? Карлъ! Уйдемъ. Мнѣ измѣнить
И рѣчь и взоръ — все можетъ. Ахъ, уйдемъ.

19 октября [стр. 156] — въ «Славянинѣ» 1830 г., ч. 15, съ подписью «П.», и подъ заглавіемъ: «Товарищамъ молодости». Въ изданіи 1832 г. заглавіе замѣнено нынѣшнимъ и исправлены ошибки журнала. У Пущина былъ списокъ этихъ стиховъ съ крайне незначительнымъ, вѣроятно, не принадлежащимъ Пушкину варіантомъ въ концѣ.

Золото и булатъ [стр. 156] — въ «М. Вѣстникѣ» 1827, № 11 и во всѣхъ изданіяхъ. Покойный поэтъ М. Л. М — въ, находя, что споръ золота съ булатомъ не рѣшенъ, добавилъ слѣдующее четверостишіе:

Ну, такъ что жъ, сказало злато;
Ничего, сказалъ булатъ;

Пошолъ вонъ, сказало злато;
И пойду, сказалъ булатъ.

Эпитафія Волконскому [стр. 156] — относится къ сыну декабриста кн. Сергѣя Григорьевича Волконскаго, женатаго на Маріи Николаевнѣ Раевской.

Къ 1827 г. должно бы относиться, если бы оказалось дѣйствительно принадлежащимъ Пушкину, слѣдующее стихотвореніе, дважды напечатанное съ именемъ Пушкина при его жизни, именно въ 1828 г., съ музыкальными нотами А. Гурилева, и въ 1831 г., въ альманахѣ «Эвтерпа», но неимѣющее за себя свидѣтельствъ ни въ рукописяхъ поэта, ни въ перепискѣ:

Я очарованъ былъ прекрасной,
Я пѣлъ безумныя мечты,
И кто бъ поклонникъ не былъ страстной
Ея небесной красоты?
Я пѣлъ ее. Но гимнъ хвалебный
До слуха ей не достигалъ,
Въ душѣ родясь, онъ умиралъ!
Ни вздохъ любви, ни взоръ волшебный
Моихъ стиховъ не оживлялъ.
И что ей дань восторговъ шумныхъ?
О, вѣрю! ей, какъ небесамъ,
Не нуженъ смертныхъ ѳиміамъ,
Ни дикій крикъ толпы безумныхъ!

Въ «Эвтерпѣ» первый стихъ читается: «Я палъ предъ алтаремъ прекрасной», что для Пушкина, любившаго простоту, довольно вычурно, и скорѣе напоминаетъ Языкова, почему мы и считаемъ принадлежность Пушкину этого стихотворенія весьма сомнительною.

1828.

Друзьямъ [стр. 157] — напечатано въ VII т. изданія г. Анненкова подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Стансы», и неправильно отнесено къ 1826 г., съ примѣчаніемъ, будто и написано одновременно съ стихами: «Въ надеждѣ славы и добра», между тѣмъ какъ стихъ объ оживленіи Россіи войною — прямо указывалъ на конецъ 1827 или на 1828 годъ. Свои «Стансы» Пушкинъ передалъ Бенкендорфу, для представленія государю, въ іюнѣ 1827 года, а настоящее стихотвореніе, подъ заглавіемъ: «Друзьямъ», представилъ въ мартѣ 1828 г., такъ что оно вѣроятно и было написано въ первые мѣсяцы этого года [когда, замѣтимъ, уже началась турецкая война]. Бенкендорфъ извѣстилъ, что государь остался совершенно доволенъ этимъ стихотвореніемъ, но не желаетъ, чтобы оно

было напечатано. — Вызваны же стихи эти были именно рѣзкими замѣчаніями «друзей» Пушкина на его Стансы [стр. 141], такъ какъ онъ не сталъ бы отвѣчать на пошлую выходку Воейкова, тоже выступившаго противъ поэта съ эпиграммой: «Я прежде вольность проповѣдалъ, царей съ народомъ звалъ на судъ, но...» и пр. Кстати замѣтимъ, что Воейкову, а не Пушкину принадлежитъ эпиграмма на Жуковскаго: «Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею» и пр.

Великопольскому [стр. 158] — въ «Сѣв. Пчелѣ» 1828, № 9, а оттуда, помимо всѣхъ изданій, въ «Матеріалахъ» г. Анненкова. Великопольскій былъ посредственный стихотворецъ двадцатыхъ годовъ. Онъ умеръ въ 1868 году. Его «Сатира на игроковъ» вышла въ 1827 г. отдѣльной книжной in 4⁰, съ гравированною картинкою.

Городъ пышный [стр. 159] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г., безъ имени Олениной и съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи. Это стихотвореніе вызвано знакомствомъ Пушкина съ Анной Алексѣевной Олениной, которой посвящены и еще нѣкоторыя изъ стихотвореній 1827, 1828 годовъ. Она живетъ теперь въ Варшавѣ, гдѣ ея мужъ — Андро, былъ при кн. Горчаковѣ президентомъ города.

Ея глаза [стр. 160] — напечатано помимо воли Пушкина и по искаженному списку въ «Сѣв. Звѣздѣ» 1829 г., подъ заглавіемъ: «Пріятелю, сравнившему глаза одной дѣвицы съ южными звѣздами», причемъ измѣнено: «Глаза Элодіи моей», вмѣсто: Олениной. — По вѣрному списку напечатано уже по смерти поэта въ «Отеч. Запискахъ» 1841, № 2, а оттуда въ посмертномъ и анненковскомъ изданіяхъ.

Каковъ я прежде былъ [стр. 160] — въ изданіи 1832 г., съ означеніемъ въ оглавленіи: «Отрывокъ изъ Андрея Шенье», хотя оттуда взятъ только первый стихъ, поставленный эпиграфомъ. Въ рукописи, хранящейся у г. Гаевскаго, по которой Пушкинъ печаталъ 3-й томъ своихъ сочиненій [1832 г.], все стихотвореніе написано рукой поэта, и имѣло заглавіе, уничтоженное уже при печатаніи и отнесенное въ оглавленіе, и помѣту: 1828 г.

Портретъ [стр. 161] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г., безъ подписи и безъ имени, а оттуда въ «посмертномъ» изд. Стихи относятся къ дочери гр. Ѳед. Андр. Толстого, бывшей въ замужствѣ за Арс. Андр. Закревскимъ, впослѣдствіи московскимъ генералъ-губернаторомъ.

Не пой, красавица [стр. 161] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г. и во всѣхъ изданіяхъ. Говорятъ, Грибоѣдовъ сообщилъ Глинкѣ одинъ грузинскій мотивъ; Глинка записалъ его, а потомъ сыгралъ при Пушкинѣ, которому музыка такъ понравилась, что онъ тутъ же написалъ къ ней слова, составляющія это стихотвореніе.

Къ *** и Наперсникъ [стр. 162] — первое напечатано только въ «посмертномъ» изд., а послѣднее въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г. и во всѣхъ изданіяхъ. На основаніи рукописей поэта г. Анненковъ указалъ, что оба стихотворенія не только относятся къ одному лицу, но должны были составлять одно стихотвореніе, разбитое на два самимъ поэтомъ. Неизвѣстно почему въ «Р. Архивѣ» 1881 стихи эти г. Чириковымъ отнесены тоже къ гр. Закревской.

Цвѣтокъ [стр. 162] — въ «Галатеѣ» 1829 г., ч. 1, и во всѣхъ изданіяхъ.

To Dawe esqr [стр. 163] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г., съ подписью: «А. П.» и замѣною вмѣсто полнаго имени: «О — й», а въ посмертномъ изд. и это обозначеніе замѣнено точками. Стихотвореніе написано на пароходѣ, когда Пушкинъ провожалъ до Кронштадта одного знакомаго, ѣхавшаго за границу. Портретъ поэта, рисованный Доу, неизвѣстенъ.

Воспоминаніе [стр. 163] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г., а откинутая поэтомъ превосходная вторая половина стихотворенія — въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, который замѣтилъ, что вслѣдъ за этими стихами написаны: «Даръ напрасный», а потомъ «Предчувствіе».

Даръ напрасный [стр. 164] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1830 г., въ изданіи 1832 г. и слѣдующихъ.

Предчувствіе [стр. 165] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г., въ изданіи 1829 г. и слѣдующихъ, съ поправкою только двухъ стиховъ альманаха: «непреклонное терпѣнье» и «шаткой жизнью утомленный». Стихотвореніе вызвано безпокойствомъ поэта по поводу возникшаго тогда дѣла о его стихахъ «Андрей Шенье», о чемъ сказано нами въ первомъ примѣчаніи къ этому тому.

Киселеву. Въ «Р. Архивѣ» 1874, № 6, напечатаны стихи Пушкина, написанные подъ собственнымъ портретомъ, который онъ послалъ Н. Д. Киселеву:

Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы,
Но сѣверъ забывать грѣшно.
Такъ слушай: поспѣшай карлсбадскія пить воды,
Чтобъ съ нами снова пить вино.

14—26 іюня 1828. Стрѣльна.

Воронъ къ ворону летитъ [стр. 166] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г. подъ заглавіемъ: «Два ворона», а въ изданіи 1829 г. это заглавіе уничтожено, но указано, что это «Шотландская пѣсня». Другой переводъ ея напечатанъ въ «Галатеѣ» 1830 г., ч. 12.

Риѳма. Въ «Матеріалахъ» г. Анненкова приведенъ черновой набросокъ, кинутый поэтомъ на бумагу, когда онъ въ началѣ октября писалъ

«Полтаву» и остановился надъ описаніемъ красоты Маріи. Точки означаютъ недописанные или неразобранные стихи:

Риѳма — звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда,
Ты умолкла, улетѣла,
Измѣнила навсегда!
Твой привычный, звучный лепетъ
Усмирялъ сердечный трепетъ,
Усыплялъ мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила,
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль!
Ты, бывало, мнѣ внимала,
За мечтой моей бѣжала
Какъ послушное дитя;
То — свободна и ревнива,
Своенравна и лѣнива —
Съ нею спорила шутя.
. . . .
Сколько разъ повиновался
Рѣзвой прихоти твоей,
Какъ любовникъ добродушной,
Снисходительно послушной
. . . .
О, когда бы ты явилась
Въ дни, когда еще толпилась
Олимпійская семья!
Ты бы съ ними обитала,
И какъ пышно бы блистала
Родословная твоя!
Взявъ божественную лиру,
Такъ повѣдали бы міру
Гезіодъ или Омиръ:
«Фебъ однажды у Адмета,
Близъ тѣнистаго Тайгета
Стадо пасъ, угрюмъ и сиръ.
«Онъ бродилъ во мракѣ лѣса,
И никто, страшась Зевеса,
Изъ богинь или боговъ
Навѣщать его не смѣли —
Бога лиры и свирѣли,
Бога свѣта и стиховъ!

«Помня первыя свиданья,
Утолить его страданья
Мнемозина лишь одна
[Изъ безсмертныхъ] притекла
. . . .

Полтава [стр. 167]. Поэма издана отдѣльною книжкою въ 1829 г. и потомъ вошла въ книгу «Поэмы и повѣсти Пушкина» 1835 г. Вся она написана въ двѣ недѣли: первая пѣснь окончена 3 октября 1828 г., вторая—9 октября и третья—16 октября, а посвященіе написано уже въ дер. Малинникахъ Тверской губ., куда Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга. Число, въ которое написано это посвященіе, Анненковъ въ двухъ мѣстахъ указываетъ различно: 27 и 29 октября [т. I, стр. 212, и т. III, стр. 517], также невѣрно приводитъ въ первомъ случаѣ и начало посвященія: «Тебѣ... но голосъ музы тайной» [вм. темной]. Примѣчанія Пушкина къ поэмѣ мы привели подъ строками и тамъ же помѣстили два мѣста, отброшенныя поэтомъ при перепискѣ рукописи [стр. 179 и 214], и одно изъ черновыхъ тетрадей [стр. 180]. Въ черновой рукописи, въ 1-й пѣснѣ, передъ изображеніемъ Мазепы, поэтъ замѣтилъ: «Портретъ Мазепы, его ненависть, его замыслы, его сношенія съ П. и К. [Петромъ и Карломъ], пиры, ночи»; а при концѣ пѣсни: «Зуйкевичъ [казакъ] ѣдетъ, между тѣмъ сношенія съ іезуитомъ, извѣстіе о доносѣ». Для Маріи и Полтавской битвы тоже набросана программа: «Марія, Зуйкевичъ, доносъ, ночь передъ казнью, мать Маріи, казнь, сумасшедшая, измѣна, Полтава».

Я думалъ, сердце позабыло [стр. 218] — въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, гдѣ указано также, что стихи написаны вѣроятно одновременно съ посвященіемъ «Полтавы», но кому это «посвященіе» и къ кому относятся стихи — не пояснено.

Подъѣзжая подъ Ижоры [стр. 218] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1830 г., подъ заглавіемъ «Къ ***» и во всѣхъ изданіяхъ. Стихи относятся къ Е. В. Вельяшевой, вышедшей въ послѣдствіи за Жандра, и въ нихъ упоминается о «Тверской», а не о Псковской губ., какъ было напечатано у Геннади. Въ одномъ письмѣ къ А. Н. Вульфу, Пушкинъ писалъ: «Пав. Ив. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На-дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

Подъѣзжая подъ Ижоры,
«Я взглянулъ на небеса»
«И воспомнилъ» ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда ли, что это очень мило?» [См. т. VII]. При свиданіи, А. Н. Вульфъ пояснилъ намъ, что этотъ поэтъ, поправлявшій Пушкина, именно— Эгельстромъ, добродушный старикъ-помѣщикъ изъ деревенскихъ сосѣ-

дей тверскаго имѣнія Вульфовъ, родомъ шведъ, былъ крайне плохой стихокропатель и поэтому служилъ потѣхой для сосѣдей. Вотъ посланіе къ нему, написанное Пушкинымъ въ томъ же 1828 г.

О, Эгельстромъ! я восхищенный
Читалъ творенія твои:
Твой стихъ, лишь геніемъ внушенный,
Блеститъ какъ солнце въ ясны дни.
Когда, соперникъ Ювенала,
Металъ ты громъ твоихъ стиховъ,
Коварна злоба трепетала,
Дрожалъ завистникъ Копыловъ.
Когда Анакреона лиру
Красѣ прелестной посвящалъ,
Тогда разнѣженному міру
Восторги сладостны внушалъ.
Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь надъ гробовой доской,
Весь свѣтъ ты пѣснью огорчаешь —
Тогда стенаетъ все съ тобой.
Когда комедіей насъ хочешь,
Плѣнить — что твой Мольеръ, Крыловъ:
Съ тобой невольно захохочешь....
Сердись, какъ хочешь, Копыловъ!
Поэтъ, сынъ Феба вдохновенный,
Какъ милъ для насъ твой каждый стихъ.
Скажи, почто, пѣвецъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?
Пусти въ печать твои творенья,
Заслужишь множество вѣнцовъ —
Мы всѣ помремъ отъ восхищенья!
О, Эгельстромъ, ты царь пѣвцовъ!

За Netty [стр. 219] — въ VII томѣ г. Анненкова. Netty — Анна Ивановна Вульфъ — племянница Алексѣя Николаевича, жившая въ тверскомъ имѣніи, Старицкаго уѣзда, Малинникахъ, принадлежавшемъ впослѣдствіи Алексѣю Николаевичу.

Ты и вы [стр. 219] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г. и во всѣхъ изданіяхъ. По указанію А. П. Кернъ, эти стихи относятся къ А. А. Олениной [«Р. Старина» 1880, № 1].

Анчаръ [стр. 219] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1832 г. и въ вышедшемъ въ этомъ же году 3-мъ томѣ «сочиненій», гдѣ помѣта: «древо яда» отнесена въ выноску, и первый стихъ послѣдней строфы напечатанъ: «А князь тѣмъ ядомъ...». Въ рукописи, по которой печаталось изданіе 1832 г., это

исправленіе сдѣлано рукою Жуковскаго, почему мы и возстановили Пушкинскій стихъ. Въ черновой-же рукописи 2-я строфа была написана первоначально:

Природа Африки моей
Его въ день гнѣва породила
И жилы мощныя корней
Губящимъ ядомъ напоила.

Стихотвореніе обратило вниманіе Бенкендорфа и онъ спрашивалъ Пушкина: «почему оно было напечатано въ альманахѣ безъ предварительнаго разсмотрѣнія государя императора?» На это Пушкинъ отвѣчалъ 7 января 1832 г. [См. т. VII, стр. 391].

Катенину [стр. 221) — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1829 г. и во всѣхъ изданіяхъ. Катенинъ написалъ и посвятилъ Пушкину свое стихотвореніе: «Русская быль», гдѣ, между прочимъ, кн. Владиміръ на состязаніи пѣвцовъ присуждаетъ греку-пѣвцу коня и латы, а русскому — завѣтный кубокъ, данный Святославу Цимисхіемъ. Пушкинъ передалъ это стихотвореніе въ «С. Цвѣты» при письмѣ: «П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ; я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши Сѣв. Цвѣты». Затѣмъ, Катенинымъ было написано стихотворное посланіе къ Пушкину, гдѣ говорится, что «этотъ завѣтный кубокъ не потерянъ и находится теперь въ рукахъ автора Онѣгина». Стихи Пушкина составляютъ отвѣтъ на это посланіе.

Опричникъ [стр. 221] — По смерти Пушкина, въ «Современникѣ» 1838, т. 11, подъ этимъ заглавіемъ, а оттуда съ значительными дополненіями — въ посмертномъ изданіи, но уже подъ заглавіемъ «Кромѣшникъ», что вовсе не подходитъ къ содержанію стихотворенія, гдѣ дѣйствующее лицо является врагомъ измѣнниковъ царя, т. е. именно кромѣшниковъ или крамольниковъ. Въ рукописи помѣта 1828 г.

Утопленникъ [стр. 223] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1829, ч. 1, гдѣ подъ заглавіемъ было прибавлено: «простонародная пѣсня», а въ оглавленіи: «простонародная сказка». Въ журналѣ было напечатано: «на палатѣ мужъ лежитъ», а въ изд. 1829 поправлено: «на палатяхъ».

Чернь [стр. 226] — въ «М. Вѣстникѣ» 1829, ч. 1, безъ латинскаго эпиграфа, явившагося уже въ изданіи 1829 г. Въ рукописи стих. озаглавлено: Ямбъ.

Отвѣтъ Готовцевой [стр. 227] — въ «С. Цвѣтахъ» 1829 г., вслѣдъ за посланіемъ самой Готовцевой: «А. С. П.», а оттуда во всѣхъ изданіяхъ. Упрекъ Готовцевой, по мнѣнію г. Анненкова, былъ вызванъ или отрывкомъ изъ Онѣгина: «Женщины», или нѣсколькими строками въ напечатанныхъ тогда «Мысляхъ и замѣткахъ» Пушкина, который однако не очень

вѣжливо отнесся къ поэтессѣ, и писалъ Дельвигу: «Вотъ тебѣ въ Цвѣты отвѣтъ Катенину вмѣсто отвѣта Готовцевой, который не готовъ», а посылая его, прибавилъ: «Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцевой — чортъ ее побери! Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша, и проч. [Т. VII, стр. 142—143].

Изъ Конрада Валенрода [стр. 228] — въ «М. Вѣстникѣ» 1829, ч. 1, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ поэмы: Конрадъ Валенродъ М-ча». Въ изд. 1829 г. это сохранилось только въ оглавленіи, а въ посмертномъ вовсе уничтожено. 12-й стихъ на стр. 228 исправленъ нами по современному списку.

Слёнину [стр. 230] — въ «С. Цвѣтахъ» 1829 г., безъ заглавія, но съ указаніемъ въ оглавленіи: «Къ И. В. Сл.». Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ тогдашнихъ книгопродавцевъ, и въ его лавкѣ постоянно собирались литераторы, какъ послѣ у Смирдина.

Филимонову [стр. 230] — въ «Невскомъ альбомѣ» 1841 г. и въ посмертномъ изд. Влад. Серг. Филимоновъ, авторъ «Дурацкаго Колпака», «Непостижимой», и мн. др., умеръ въ 1858 г.; первую книжку «Дурацкаго Колпака» онъ издалъ въ 1828 г.

Кобылица молодая [стр. 231] — въ «С. Цвѣтахъ» 1829 г., подъ заглавіемъ: «Подражаніе Анакреону», которое сохранилось и въ оглавленіи изданія 1829 г.

Любопытный [стр. 231] — въ «С. Цвѣтахъ» 1829 г. и во всѣхъ изданіяхъ. Это передѣлка старой лицейской эпиграммы, напечатанной нами въ 1 т., на стр. 162.

Собраніе насѣкомыхъ [стр. 232] — въ «Подснѣжникѣ» 1830 г. и отсюда въ «Литературной Газетѣ» того же года № 43, гдѣ было приложено шутливое объясненіе, заявлявшее, что скоро это стихотвореніе: выйдетъ особой книгой, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 рублей. — Въ обоихъ случаяхъ печатанія всѣ имена были замѣнены звѣздочками, а въ «Подснѣжникѣ» вм. стиховъ: «черная мурашка... мелкая букашка...» было: «тощая піявка, мелкая козявка». — Въ рукописи, по которой печатался 3-й томъ сочиненій, изд. 1832 г., Пушкинъ помѣтилъ подъ стихотвореніемъ: «1828», почему мы и перенесли его изъ 1829-го, подъ которое отнесъ его г. Анненковъ.

Плетневу [стр. 232] — при отдѣльной брошюрѣ, въ которой были напечатаны IV и V гл. «Онѣгина» [Спб. 1828], а во 2-мъ изданіи «Онѣгина» 1833 г. было отнесено въ примѣчанія къ 4 гл., въ 3-мъ же изданіи 1837 г. помѣщено вначалѣ книги, но ужъ безъ имени Плетнева.

1829.

Примѣты [стр. 233] — въ «Подснѣжникѣ» 1829 г. и во всѣхъ изд., безъ означенія, къ кому относится. Въ рукописи 3-го тома «сочиненій» все это стихотвореніе написано рукой Пушкина, съ поправками. Въ 4 стихѣ было: «сопровождалъ мой путь...», а до того было: «осеребрялъ мнѣ бѣгъ ретивой». А. П. Кернъ, въ своихъ запискахъ, отнесла это стихотвореніе къ себѣ, но оно несомнѣнно относится къ Олениной.

Въ альбомъ [стр. 234] — въ «Лит. Газетѣ» 1830 г., № 20, а Я васъ любилъ — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1830 г., и оттуда оба въ изданіи 1832 г. Послѣднее, а можетъ и первое, относится тоже къ Олениной.

Когда твои младыя лѣта [стр. 234] — въ «Лит. Газ.» 1830 г., № 13, съ заглавіемъ «Къ ***» и съ полной подписью: «Александръ Пушкинъ».

Ушаковой [стр. 235] — въ «Галатеѣ» 1829 г. № 5, но съ большими ошибками, а оттуда съ поправками въ изд. 1829 г. Вм. «Прѣсненскаго поля» было: «Пр.... поле».

Изъ ея же альбома [стр. 236] — въ «Библ. Запискахъ» 1859 г., № 6, а Геннади перепечаталъ подъ 1828 г., хотя и указалъ въ примѣчаніи, что стихи написаны передъ отъѣздомъ Пушкина на Кавказъ, что было въ 1829 году.

Литературное извѣстіе и 3 эпиграммы [стр. 236—237] — напеч. въ 1829 г. въ «Подснѣжникѣ» и «Моск. Телеграфѣ» въ 26 и 29 ч. Вторая изъ эпиграммъ не вносилась въ собранія сочиненій Пушкина, хотя была подписана въ журналѣ полнымъ его именемъ. Она перепечатана въ VII томѣ г. Анненкова. Всѣ четыре стихотворенія вызваны неблагопріятными разборами «Нулина» и «Полтавы», помѣщенными въ «Вѣстн. Европы» Каченовскаго.

Отрывокъ [стр. 238] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1831 г., подъ этимъ заглавіемъ, сохранившимся и въ оглавленіи изданія 1832 г. Въ рукописи есть еще наброшенная замѣтка, которую г. Бартеневъ, относящій это стихотвореніе къ Н. Н. Гончаровой, передаетъ такъ:

Чиста моя любовь
И нѣжность дѣвственныхъ мечтаній.

Затѣмъ онъ выписываетъ замѣтку Пушкина о неизвѣстномъ лицѣ: «Il y avait dans les sentiments un abandon et dans les opinions une licence qui me frappèrent, quelque accoutumé que je fusse aux libertins de toutes les écoles».

Изъ Гафиза [стр. 238] — въ «Царскомъ Селѣ» на 1830 г., въ томъ видѣ, какъ нами теперь напечатано; въ изданіи же 1832 г. заглавіе перенесено въ оглавленіе, а помѣта снизу поставлена на верху стиховъ.

4 наброска [стр. 238—9] — въ «Матеріалахъ» г. Анненкова. Всѣ они написаны Пушкинымъ во время поѣздки на Кавказъ и въ лагерь Паскевича, къ Арзеруму. По поводу послѣдняго наброска Пушкину приписывали еще эпиграмму: «Всю жизнь провелъ въ дорогѣ», и пр. [См. также «Р. Архивъ» 1881, I, 234]. На Кавказѣ же написаны и два слѣд. стихотворенія [стр. 240], изъ которыхъ первое явилось только въ VII томѣ г. Анненкова, а 2-е было напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1830 г. и во всѣхъ изданіяхъ. Мы оставили четыре наброска въ текстѣ книги, потому что они имѣютъ тѣсное соотношеніе съ прочими стихотвореніями этого времени.

Калмычкѣ [стр. 240] — въ «Лит. Газетѣ» 1830 г., № 38, съ подписью К. р. с. [Сверчокъ — арзамасское прозвище Пушкина]. Встрѣча была уже на обратномъ пути съ Кавказа.

Донъ [стр. 241] — въ «Лит. прибавленіяхъ къ Р. Инвалиду» 1831 г., № 83. Арпачайская струя упомянута потому, что Арпачай — граница русской Арменіи.

Делибашъ, Монастырь на Казбекѣ и Кавказъ [стр. 242—3] — напечатаны въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1832 и 1831 г. и въ «Лит. Газетѣ» 1831 г., № 1, а оттуда въ изданіи 1832 г. безъ перемѣнъ. Делибашъ — значитъ наѣздникъ, лава — казацкая сотня, выстроившаяся въ одинъ рядъ для нападенія на непріятеля.

Дорожныя жалобы [стр. 244] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1832 г., безъ подписи имени. Въ рукописи первоначальное заглавіе было: «Дорожные стихи», почему г. Анненковъ полагаетъ, что они написаны можетъ быть въ повозкѣ или на станціи. Онъ же указываетъ, что въ оглавленіи альманаха рядомъ съ предыдущей пьесой указаны стихи: «Убѣгающей красавицѣ», которые по этому сосѣдству приписываются Пушкину. Мы замѣтимъ, что въ цензурной тетради изданія 1832 г. многія стихотворенія написаны рукой Пушкина, иныя переписчикомъ, а иныя вложены на печатныхъ листкахъ, вырванныхъ изъ альманаховъ, и на нихъ Пушкинъ дѣлалъ свои отмѣтки. Въ числѣ этихъ листковъ находятся 49—50 стр. «Сѣв. Цвѣтовъ» 1832 г.: на первой поэтъ исправилъ свое стихотвореніе: Эхо, а оборотную страницу съ «Убѣгающей красавицей» зачеркнулъ; «Дорожныя жалобы» тоже поправлены на печатномъ листкѣ, именно два стиха въ предпослѣдней строфѣ, прежняго чтенія которыхъ г. Анненковъ не упомянулъ:

Объ отставкѣ, о невѣстѣ,
О деревнѣ помышлять.

Обвалъ и слѣдующія три стихотворенія [стр. 245—248] написаны въ Болдинѣ, по возвращеніи съ Кавказа. Напечатаны они въ «Сѣв. Цвѣтахъ»: 1830 г. — второе и третье, и 1831 г. — первое, а «Зимнее утро» — въ альманахѣ «Царское Село» 1830 г., съ поправкою заключительнаго

стиха 4-й строфы противъ рукописи, гдѣ было: «коня черкасскаго запречь». Безъ всякихъ перемѣнъ они перешли въ изданіе 1832 г. и всѣ послѣдующія.

Воспоминанія [стр. 249] — впервые напечат. въ «Матеріалахъ» г. Анненкова. Это прекрасное стихотвореніе осталось въ бумагахъ поэта не отдѣланнымъ.

Элегическій отрывокъ [стр. 251] — въ «Моск. Вѣстникѣ» 1830 г., № 11. Въ журналѣ 4-й стихъ читался: «Къ подножію ль стѣны недвижнаго Китая». Въ цензурной рукописи Пушкинъ вмѣсто «недвижнаго» поставилъ: «спокойнаго», а потомъ уже написалъ карандашемъ: «далекаго».

Стансы [стр. 251] — въ «Лит. Газетѣ» 1830 г., № 2. Въ рукописи была еще строфа, приведенная г. Анненковымъ въ «Матеріалахъ», безъ указанія однако ея мѣста въ стихотвореніи. Мы помѣстили ее въ подстрочной выноскѣ. Г. Анненковъ также говоритъ, что «въ серединѣ» самаго стихотворенія есть еще одна недодѣланная строфа, изъ которой приводитъ только два стиха:

Но не вотще меня знакомитъ
Съ могилой ясная мечта....

Загадка [стр. 253] — въ «Царскомъ Селѣ» 1830 г. и во всѣхъ изданіяхъ. Она относится къ Дельвигу.

Эпиграммы на Надеждина [стр. 253] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1830 г. и «Современникѣ» 1836 г., № 3, хотя обѣ написаны въ 1829 г. по поводу статей Н. И. Надеждина, печатавшихся тогда въ «Вѣстникѣ Европы» подъ псевдонимомъ Надоумко. Г. Гаевскій въ статьѣ о Пушкинѣ [«Соврем.» 1863 г., № 8] упоминаетъ, будто первая эпиграмма написана Пушкинымъ на дядю Василья Львовича, въ отвѣтъ на его, обращенную къ племяннику, гдѣ Фебъ тоже приговариваетъ къ розгамъ 15-лѣтняго стихотворца. Конечно, Василій Льв. не могъ написать эпиграмму на неродившагося еще племянника, ибо она напечатана была въ 3-й книгѣ «Аонидъ» на 1799 г., а поэтъ родился только въ маѣ этого года.

Галубъ [стр. 254] — въ «Современникѣ» 1837 г., т. VII. По замѣчанію г. Анненкова, поэма начата въ 1829 г., тотчасъ по возвращеніи съ Кавказа, но писалась вѣроятно года 3—4, и названіе ей дано въ «Современникѣ», тогда какъ скорѣе надо бы назвать «Тазитомъ». Для поэмы Пушкинъ набросалъ такую програму: «Обрядъ похоронъ. Узденъ и меньшой сынъ. I день [отсутствія Тазита]. Лань — почта — грузинскіе купцы. — II день. Орелъ — казакъ. — III день. Отецъ его гонитъ. — Юноша и монахъ. Любовь отвергнута. Битва и монахъ» [оба раза это слово подчеркнуто]. Въ тетрадяхъ поэта отыскалась и другая программа: «1. Похороны. 2. Черкесъ-христіанинъ. 3. Купецъ. 4. Рабъ. 5. Убійца.

6. Изгнаніе. 7. Любовь. 8. Сватовство. 9. Отказъ. 10. Миссіонеръ. 11. Война. 12. Сраженіе. 13. Смерть. 14. Эпилогъ». По мѣрѣ исполненія программы, Пушкинъ зачеркивалъ въ ней нумера. Остались незачеркнутыми семь, такъ что поэма доведена только до половины. Въ рукописи встрѣчается много лаконическихъ отмѣтокъ, которыя должны были обратиться въ стихи. Такъ подъ стихомъ: «Онъ ляжетъ блѣдный и нѣмой», написано: «восприметъ трупъ его...» и т. п. Редакція «Современника» выпустила изъ поэмы 4 стиха, зачеркнутые авторомъ, но не замѣненные новыми, отчего пострадалъ смыслъ. Стихи эти возстановлены г. Анненковымъ [Но между юношей одинъ и пр. стр. 261], равно какъ 5-й и 6-й отъ конца поэмы [стр. 262], почему-то передѣланные въ «Современникѣ» такъ:

Я агнецъ дома, звѣрь въ бою,
Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ.

Кромѣ того въ рукописи окончаніе предпослѣдней строфы [стр. 261, стихъ 9] было написано первоначально такъ:

Сказалъ и [на земь] легъ, и очи
Закрылъ. Глядѣть не стало мочи.
И день противенъ былъ ему,
И равнодушный ко всему
Лежалъ онъ до глубокой ночи.
Когда же приподнялся онъ,
Былъ теменъ синій небосклонъ;
Луна, блистая, восходила
И скалъ вершины серебрила.
Тазита позвалъ онъ. Никто
Не отвѣчалъ ему на то.

Замѣтимъ, что во всѣхъ безъ исключенія изданіяхъ 9-й стихъ поэмы печатался неправильно: «Вблизи развалинъ Ташартуба», вм. «Татартуба». Окрестности этого разрушеннаго аула пользовались священными правами убѣжища, поэтому убійство тамъ сына Галубова составляло двойное преступленіе, за которое не отмстилъ Тазитъ.

1830.

Отвѣтъ [стр. 263] — напечатано въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., № 3, съ подписью: «Крс.», безъ имени Ушаковой и съ «Пр.» вмѣсто «Прѣсни».

Стансы [стр. 263] — тамъ же въ № 12, съ заглавіемъ: Станцы, и помѣтой внизу.— Стихотвореніе это вызвано было плохой передѣлкою на религіозно-мистическій ладъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ Пушкинскихъ стиховъ: «26 мая 1828 г.». Эта передѣлка напечатана въ «Звѣз-

дочкѣ» Ишимовой 1848 г., № 10. Въ письмѣ кн. П. А. Вяземскаго къ Тургеневу говорится: «Ты удивишься стихамъ Пушкина Филарету. Онъ былъ задранъ стихами его преосвященства, который пародировалъ или лучше сказать палинодировалъ стихи Пушкина». Между тѣмъ въ Р. Архивѣ 1881, I, г. Чириковъ укорилъ насъ за неперепечатку Филаретовской пародіи, забывая, что пора бы ужъ оставить приниженныя отношенія къ имени Филарета.

Затѣмъ г. Чириковъ говоритъ: раскрываю кстати до сихъ поръ ни одному издателю неизвѣстный подлинный текстъ... послѣдней строфы». Этотъ мнимый подлинный текстъ давнымъ давно извѣстенъ — онъ есть и въ бумагахъ Геннади, да и намъ его передавалъ В. П. Гаевскій, но мы отказались вѣрить [пока не увидимъ подлинной рукописи], чтобы чудная, вылившаяся изъ души поэта строфа, имѣла такой мизерный первообразъ, гдѣ высокое сопоставленіе поэзіи и религіи и священный ужасъ поэта сводились на личную робость писателя передъ монахомъ, могущимъ ему повредить:

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

По мнѣнію г. Чирикова непремѣнно должно замѣнить такъ:

Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Какъ не кстати тутъ «священный ужасъ», и арфа Филарета. Мы полагаемъ, напротивъ, что кто нибудь, знавшій, что стихи относятся къ Филарету, потщился своимъ разумомъ втиснуть это имя въ стихотвореніе, не замѣтивъ даже, что даетъ строфу, немыслимую у Пушкина, съ 4-мя одинакими риѳмами: «эта, этъ, эта, этъ», чего не встрѣчается ни въ единомъ Пушкиномъ стихотвореніи.

На переводъ Иліады [стр. 264] — въ «Альціонѣ» на 1832 г., гдѣ первый стихъ былъ: «Слышу божественный звукъ воскреснувшей эллинской рѣчи», поправленный изданіемъ 1832 г.

Аріонъ [стр. 264] — въ «Литер. Газетѣ» 1830 г., № 43, безъ подписи, и оттуда только въ VII т. изданія г. Анненкова, который привелъ въ примѣчаніи всю басню объ Аріонѣ, не упомянувъ, что Пушкинъ вспоминаетъ происшествіе 14 декабря 1825 г. и судьбу своихъ друзей и знакомыхъ.

О муза пламенной сатиры [стр. 265] -- въ VII т. изданія г. Анненкова. Оно не имѣетъ ничего общаго съ юношескимъ произведеніемъ Пушкина: «Христосъ воскресъ и пр. [т. I, стр. 124], съ которымъ смѣшалъ его рецензентъ Р. Архива, потому только, что въ заграничномъ сборникѣ оно помѣщено было какъ окончаніе названнаго стихотворенія.

На Булгарина [стр. 265] — въ «Сынѣ Отечества» 1830 г., № 17, напечатана самимъ Булгаринымъ, съ поясненіемъ, что эта пришедшая изъ Москвы въ ПБ. эпиграмма печатается въ угоду противникамъ и читателямъ, и съ замѣткою въ концѣ: «Правда — бѣда, но кому? Не литературнымъ ли трутнямъ, Цвихалкинымъ, Задушатинымъ и т. п.» Въ изданіе сочиненій Пушкина она не вносилась до послѣдняго времени. Текстъ эпиграммы въ томъ же видѣ, какъ напечатанъ и у насъ, былъ собщенъ кн. П. А. Вяземскимъ 29 апрѣля 1830 г. А. И. Тургеневу. По этому не правъ г. Чириковъ, предлагающій въ Р. Архивѣ, по своему малограмотному списку, лучшій будто бы противъ нашего текста варіянтъ. Кромѣ этой эпиграммы указываютъ еще слѣдующія, приписываемыя Пушкину, но не сохранившіяся въ рукописи и не упоминаемыя въ его перепискѣ, при емъ двѣ даже были напечатаны съ именемъ Баратынскаго [2-я и 3-я]:

1.

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй:
Ахъ ты, безстыдникъ, ахъ злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.

2.

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнасѣ ты цыганъ,
Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ:
Бѣда, что скученъ твой романъ.

3.

«Повѣрьте мнѣ» — Фигляринъ моралистъ
Намъ говоритъ преумиленнымъ слогомъ:
«Не должно красть: кто на руку нечистъ,
Передъ людьми грѣшитъ и передъ Богомъ;
Не надобно въ судѣ кривить душой,
Не хорошо живиться клеветой
Временщику подслуживаться — низко;
Честь, братцы, честь дороже намъ всего!»
Ну, что жъ? Богъ съ нимъ! все это къ правдѣ близко,
А, кажется, и ново для него.

4.

Фиглярин! вотъ полякъ примѣрной —
Въ немъ истинныхъ сарматовъ кровь;
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Хитра къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Бродилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ —
Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей
Уже не воинъ, ужъ писатель,
Ужъ русскій, къ сраму нашихъ дней!
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ.

5. ХАРАКТЕРИСТИКА.

Не вѣрю чести игрока,
Не вѣрю я француза дружбѣ,
Любви къ Россіи поляка
И безкорыстью нѣмца въ службѣ.

Первая напечатана въ «Лит. Газетѣ» 1830, № 53, а 2-я и 3-я въ «Денницѣ» на 1831 г., всѣ безъ подписи и затѣмъ всѣ три перепечатаны въ VII томѣ г. Анненкова. Г. Чириковымъ указана еще эпиграмма: «Лелѣешь ты свои красы», но она вовсе не Пушкинская.

По словамъ кн. П. П. Вяземскаго къ 1830 г. относится несомнѣнно еще Пушкинское пятистишіе, въ цѣломъ неудобное къ печати:

Волоса — какъ лѣса,
А глаза — чудеса
И до пояса коса и пр.

Глухой глухаго звалъ [стр. 266] — въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, которымъ указано и время, когда написана эта эпиграмма, «объясняющая состояніе критики того времени» и похожая на шутку Пелиссона: «Les trois sourds».

Циклопъ [стр. 266] — въ «Москвитянинѣ» 1841, № 10, съ объясненіемъ, а г. Анненковъ перепечаталъ въ «Матеріалахъ» [354], съ замѣткою, что объясненіе, будто бы стихотвореніе было напечатано въ отдѣльной брошюрѣ и пр., остается для него необъяснимымъ. Это же онъ по-

вторилъ и во 2-мъ изданіи 1873 г., тогда какъ за семь лѣтъ до того все было уже разъяснено въ «Р. Архивѣ» 1866, № 8—9. На придворномъ маскарадѣ у В. К. Елены Павловны, вначалѣ 1830 г., лица, читавшія или пѣвшія стихи, изображали греческихъ боговъ, богинь и др. Пушкинъ изображалъ Циклопа, а Крыловъ — Талію. Все описано въ брошюрѣ: «Vers chantés et recités» [S.Pb. Typ. de Pluchart. 1830. In 8⁰, 15 стр.], гдѣ приведено 22 стихотворенія: 19 французскихъ и 3 русскихъ: Пушкина, Крылова и неизвѣстнаго лица — «Водолей».

Новоселье [стр. 266] — въ альманахѣ «Сиротка» на 1831 и изданіи 1832 г., безъ помѣтъ: «1830 г. Москва» и заглавія: «Къ*», находящихся въ рукописи. Стихи относятся къ Павлу Воиновичу Нащокину.

Къ Вельможѣ [стр. 267] — въ «Лит. Газетѣ» 1830, № 30, съ заглавіемъ: «Посланіе къ к. Н. Б. Ю.», и съ помѣтою: «Москва, 1830». Въ изд. 1832 г. сохранилась только помѣта: «Москва», и дано нынѣшнее заглавіе. Имена «Алябьевой» и «Гончаровой» означены были только буквой «А» и тремя звѣздочками. Въ рукописи изданія 1832 г. сдѣлана только одна поправка: вмѣсто — «въ тѣни сапфирныхъ бань», поэтъ поправилъ: «въ тѣни порфирныхъ ѳермъ», а потомъ возстановилъ слово: «бань». Стихотвореніе вызвало много журнальныхъ толковъ и нападокъ на Пушкина «за низкопоклонство передъ знатными», при чемъ особенно отличался Н. Полевой, помѣстившій въ своемъ «Новомъ Живописцѣ» [при «М. Телеграфѣ»] обширное стихотвореніе, заключающееся тѣмъ, что парящій геній опускается и садится въ прихожей вельможи. Это вѣроятно и подало поводъ приписать Пушкину эпиграммы на Н. Полеваго, которыя по разъясненіямъ «Р. Архива» написаны Бахтуринымъ, почему и не должны были войти въ наше изданіе.

Поэту [стр. 270] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1831, съ припиской «сонетъ», уничтоженной посмертнымъ изд. Въ рукописи помѣта: «1 іюля, 1830».

Мадона [стр. 271] — въ «Сироткѣ» на 1831 и затѣмъ въ «Лит. Газетѣ» 1831, № 15. Приписка «сонетъ» уничтожена только посмертнымъ изданіемъ. Въ первыхъ двухъ печатаніяхъ стояло: «мою [а не: свою] обитель». На рукописи: «8-го іюля». Это стихотвореніе Пушкинъ переписалъ: «Въ память любезному Юрію Никитичу Бартеневу. 30 Августа 1830. Москва». Текстъ по этой рукописи напечатанъ въ «Р. Архивѣ» 1863, № 1, при чемъ были такіе варіанты: стихъ 1: «безсмертныхъ мастеровъ», ст. 2: «Украсить я давно желалъ мою обитель», ст. 8: «Пречистая и съ Ней играющій Спаситель» и ст. 12: Желанія мои свершилися. Творецъ». Стихотвореніе это Пушкинъ относилъ къ своей невѣстѣ, хотя по указанію кн. П. П. Вяземскаго самъ же сознавался,

что оно написано было къ другой особѣ. Кстати: Пушкину приписываютъ еще два экспромта къ невѣстѣ:

1.

Я влюбленъ, я очарованъ,
Словомъ — я огончарованъ.

2.

Съ утра до вечера за нею я стремлюсь,
И встрѣчъ нечаянныхъ и жажду и боюсь.

Въ Р. Архивѣ г. Чириковъ навязываетъ Пушкину еще крайне пошлые стихи, на которые нѣтъ никакихъ серьезныхъ указаній и которые даже многими отнесены къ какой-то камеліи.

Къ ** [стр. 271] — въ «М. Вѣстникѣ» 1830 г., № 8, съ ошибкой: «Имъ скорбну пѣснь» [вм. мысль]. Написано одновременно съ предыдущими.

Цыганы [стр. 272] — въ «Денницѣ» 1831, съ указаніемъ: «съ англійскаго», сдѣланнымъ вѣроятно для отстраненія толковъ и заключеній о примѣненіи содержанія стиховъ къ жизни самого автора, дѣйствительно иногда проводившаго вечера съ своими пріятелями у московскихъ цыганъ.

Отвѣтъ анониму [стр. 273] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1831. Отвѣтъ вызванъ посланіемъ извѣстнаго египтолога И. А. Гульянова, написаннымъ «15 іюля 1830 г.» въ Москвѣ, и присланнымъ анонимно Пушкину: «Олимпа дѣвы встрепенулись» и пр. Оно напечатано въ «Москвитянинѣ» 1842, т. 3.

Бѣсы [стр. 274] — въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1832 г. Этой пьесой начинается рядъ стихотвореній, написанныхъ въ Болдинѣ. Г. Анненковъ говоритъ, что въ рукописи она имѣетъ помѣту: «шалость» и «1830. 7-го сентября, Болдино», а въ примѣчаніи къ слѣдующему стихотворенію: «Пажъ» говоритъ: «въ рукописи находится помѣта: 7-го октября 1830. Болдино — одинаковая съ той, какая при пьесѣ: Бѣсы». Но это такая одинаковость, которая подаетъ поводъ къ тройному недоумѣнію: 1] написана ли первая пьеса 7 сентября, а вторая 7 октября, 2] или это наоборотъ, и 3] или онѣ написаны одна 7 сентября, другая 7 октября? Въ цензурной рукописи изданія 1832 г. 3-й стихъ читался сначала: «Освѣщаетъ мракъ летучій». [Въ В. Европы 1881, № 2, г. Анненковъ опровергаетъ наше замѣчаніе ссылкою на то, что Пушкинъ нерѣдко помѣчалъ стихи разными числами; но вѣдь слово «одинаковая» принадлежитъ самому г. Анненкову].

Пажъ [стр. 275] — въ посмертномъ изд., подъ заглавіемъ: «Пажъ или пятнадцатилѣтній король», данномъ вѣроятно Жуковскимъ.

Въ 1858 г. въ одномъ «Альманахѣ» были напечатаны 4-я и 5-я строфы этого стихотворенія, пропущенныя посмертнымъ изданіемъ, о чемъ г. Анненковъ, видѣвшій подлинную рукопись, вовсе не упомянулъ, а это при его обычаѣ постоянно указывать пропуски, сдѣланные самимъ поэтомъ или редакторами посмертнаго изданія, кажется, даетъ поводъ полагать, что строфы эти не явились по особымъ причинамъ и что ихъ надо бы помѣстить въ самый текстъ стихотворенія, а не въ выноску, какъ мы сдѣлали. Этому отчасти служитъ подтвержденіемъ и то, что страница 9-го посмертнаго тома, гдѣ напечатаны эти стихи, была вырѣзана и замѣнена новою съ разогнаннымъ шрифтомъ, что указываетъ на исключеніе, сдѣланное послѣ первоначальнаго отпечатанія.

Элегія [стр. 276]—въ «Библ. для Чтенія» 1834, № 10, и въ изданіи 1832 г. Въ рукописи оно помѣчено: «8-го сентября», и первый стихъ читался: «Протекшихъ лѣтъ безумство и веселье», а 2-я строфа начиналась:

Но не хочу еще я, други, умирать:
Я жить хочу, чтобъ мыслить и мечтать.

Капризъ [стр. 277]—въ посмертномъ изданіи, которымъ дано и заглавіе. Его нѣтъ въ рукописи, а просто написано «шалость». Въ рукописи помѣчено и время.

Осень [стр. 278]—въ томъ же изданіи, при чемъ пропущено начало XIII-й строфы и конецъ 1-го стиха въ XII-й строфѣ. Въ рукописи былъ возстановленный нами эпиграфъ и зачеркнута XI-я строфа, приведенная нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а 6-й и 7-й стихи VI-й строфы первоначально были написаны такъ:

Нѣжнѣе слабаго пчелинаго напѣва
Звукъ рѣчи; на лицѣ еще багровый цвѣтъ...

Разставаніе [стр. 282] — въ «Альманахѣ на 1838 г.» съ пьесой: «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я», подъ общимъ заглавіемъ: «Два неизданныя стихотворенія Пушкина». Отсюда перепечатано въ посмертномъ изданіи, а другая пьеса пропущена. Вмѣсто 3-го стиха рукописи въ «Альманахѣ» напечатано: «И ты ужъ нынѣ для поэта», а въ посмертномъ изданіи: «Ужъ ты для своего поэта». Послѣдній стихъ въ «Альманахѣ» былъ напечатанъ первоначальный: «Предъ заточеніемъ его». Г. Анненковъ, указавшій эти разницы съ рукописью, самъ даетъ для нея двойную помѣту, указывая въ одномъ мѣстѣ, что стихи писаны 5-го, а въ другомъ — 8-го октября [т. I, 426 и т. II, 539].

Домикъ въ Коломнѣ [стр. 308] — въ «Новосельи» на 1833 годъ, гдѣ означенъ 1829 годъ, но въ рукописи окончаніе помѣчено «9-мъ ок-

тября 1830 г.», въ Болдинѣ. Нѣсколько строфъ, весьма игривыхъ и остроумныхъ, тогда не попали въ печать, но выпущенными октавами Пушкинъ повидимому дорожилъ болѣе, чѣмъ самою поэмою, и хотѣлъ ихъ напечатать [вѣроятно въ своемъ «Современникѣ»], такъ какъ г. Анненковъ нашелъ ихъ въ рукописяхъ поэта, особо переписанными, и съ его надписью: «Сіи октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ уже уничтоженной». Послѣдній оборотъ рѣчи былъ необходимъ, ввиду исключенія октавъ или цензурою, или посторонней волею. Все это заставило насъ внести 14 опущенныхъ октавъ въ самый текстъ поэмы [октавы IV — IX и XV — XXII], тѣмъ болѣе, что въ рукописи, хранящейся нынѣ въ Москвѣ, онѣ не зачеркнуты. Въ началѣ IV октавы пропускъ, сдѣланный г. Анненковымъ, возстановленъ по рукописи. Въ L-й октавѣ во всѣхъ изданіяхъ недостаетъ стиха, но его нѣтъ и въ рукописи.

Изъ записки къ пріятелю [стр. 298] — въ VII т. г. Анненкова.

Моя родословная [стр. 298] — отрывками и съ невѣрныхъ списковъ печаталась въ «Отеч. Запискахъ» 1846, № 4, въ «Матеріалахъ» и VII т. г. Анненкова, въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 11 и въ «Р. Архивѣ» 1876, № 10. Впервые полный текстъ сообщенъ нами въ «Р. Старинѣ» 1879, № 12, а затѣмъ исправленъ въ томъ же изданіи 1880 г. № 4, по подлинному автографу, принадлежащему кіевскому университету. Поводомъ къ стихотворенію послужили выходки тогдашнихъ журналистовъ противъ аристократической гордости Пушкина. P. S. прямо вызванъ выходкой Булгарина въ «Сѣв. Пчелѣ» [1830, № 94], будто какой-то американскій писатель, происходя отъ мулатки, гордился въ подражаніе лорду Байрону происхожденіемъ отъ негритянскаго принца; оказалось однако, что негръ былъ купленъ въ Африкѣ шкиперомъ одного судна за бутылку рома [«Р. Стар.» 1880, № 3, стр. 672]. Стихотвореніе помѣчено: «16 октября 1830 г. Болдино» [въ нѣкоторыхъ экземплярахъ нынѣшняго изданія цифра 6 на стр. 300 выпала, отчего и явилась неправильная помѣта]. — Вопреки подлинной рукописи поэта г. Чириковъ въ Р. Архивѣ считаетъ конецъ стихотворенія особою эпиграммой на Булгарина и приводитъ свой, по его мнѣнію, лучшій варіантъ, въ подлинной рукописи вовсе не находящійся.

Стамбулъ гяуры [стр. 301] — въ посмертномъ изданіи, подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Начало поэмы», котораго нѣтъ въ рукописи. Эту пьесу, въ передѣлкѣ, Пушкинъ помѣстилъ въ 1836 г. въ своемъ путешествіи въ Арзерумъ, приписавъ ее выдуманному лицу — янычару Аминъ-Оглу. Въ посмертномъ изданіи одинъ стихъ [стр. 302, ст. 2] былъ напечатанъ иначе: «Евнухи наши въ нихъ не спятъ», а въ рукописи за этимъ слѣдовали четыре стиха, зачеркнутые поэтомъ, и приведенные нами въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 302. Г. Бартеневъ начало 2-го стиха читаетъ кажется неправильно: «И покоренъ»... [Р. Арх. 1881].

Заклинаніе [стр. 302] — въ посмертномъ изданіи. Г. Анненковъ отнесъ это стихотвореніе къ 1828 г., но въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ [«Вѣстникъ Европы»] указалъ, что оно принадлежитъ къ 1830 г. Въ рукописи вторая, прелестная строфа была зачеркнута, а второй стихъ 3-й строфы былъ напечатанъ въ посмертномъ изданіи: «Чтобъ укорять людей, чья злоба». Въ послѣднемъ изданіи Геннади это стихотвореніе пропущено, равно какъ пропущены дополнительныя строфы къ «Домику въ Коломнѣ» и дополнительная сцена изъ поэмы «Цыганы».

Стихи, соч. ночью [стр. 303] — въ посмертномъ изданіи, подъ заглавіемъ: «Ночью, во время безсонницы». Въ черновой рукописи послѣдній стихъ сперва читался: «Смысла я въ тебѣ ищу».

Въ началѣ жизни [стр. 304] — въ посмертномъ изданіи подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Подражаніе Данту», соединенное въ одно съ совершенно другимъ стихотвореніемъ: «И далѣ мы пошли», написаннымъ черезъ два года. Черновой набросокъ этого стихотворенія написанъ рядомъ съ предыдущимъ стихотвореніемъ:

Въ началѣ жизни школу помню я.
Тамъ маленькихъ дѣтей насъ было много.
Какъ на грядѣ одной — цвѣтовъ семья,
Росли не ровно мы; за нами строго
Смотрѣла нѣкая жена...

Стихъ 9 на стр. 305 въ первоначальной рукописи былъ написанъ: «И стройно изсѣченныя порфиры», а потомъ поправленъ: «На челахъ лавры, на плечахъ порфиры», но и этотъ замѣненъ напечатаннымъ въ текстѣ. Указывая это, г. Анненковъ не сказалъ ничего о предыдущемъ стихѣ, а между тѣмъ онъ только одинъ во всемъ стихотвореніи не имѣетъ равной мѣры съ прочими. Такъ ли въ рукописи, или же посмертное изданіе сдѣлало въ немъ пропускъ?

Скупой рыцарь [стр. 306]. Въ концѣ 1830 г. изъ Москвы Пушкинъ писалъ Плетневу: «Скажу тебѣ за тайну, что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами [Домикъ въ Коломнѣ]; нѣсколько драматическихъ сценъ: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозою [весьма секретное!] пять повѣстей [Повѣсти Бѣлкина]». Г. Анненковъ полагаетъ, что драматическія произведенія собственно окончены, а не написаны въ Болдинѣ, ибо иначе, судя по помѣткамъ поэта, приходилось бы только три дня труда для «Моцарта и Сальери» и восемь дней для «Каменнаго Гостя», чего допустить нельзя. — Но развѣ можно полагать числовые предѣлы генію? Онъ и въ три дня создастъ то,

чего посредственность конечно не въ состояніи произвести даже и въ тридцать лѣтъ.

На оборотѣ стихотворенія: «Подъ небомъ сладостнымъ», г. Анненковъ нашелъ сдѣланное Пушкинымъ перечисленіе всѣхъ драмъ, задуманныхъ имъ, изъ которыхъ извѣстна только часть, а другая или затеряна, или же уничтожена самимъ авторомъ, или они остались ненаписанными: «Скупой. — Ромулъ и Ремъ. — Моцартъ и Сальери. — Донъ-Жуанъ.— Іисусъ. — Берольдъ Савойской. — Павелъ I. — Влюбленный Бѣсъ. — Дмитрій и Марина. — Курбскій.» Къ этому списку надо прибавить «Фауста», переведенную сцену: «Пиръ во время чумы» и «Русалку», написанную уже въ 1832 г.

Скупой рыцарь напечатанъ въ «Современникѣ» 1836, № 1, съ подписью: «Р.». Въ рукописи пьеса сперва была озаглавлена просто: Скупой, и имѣла эпиграфъ изъ Державина, зачеркнутый поэтомъ:

Престань и ты жить въ погребахъ,
Какъ кротъ въ ущеліяхъ подземныхъ.

За тѣмъ уже Пушкинъ приписалъ свое произведеніе небывалому англійскому поэту Ченстону и нѣсколько разъ передѣлывалъ англійское заглавіе; сначала: «The cavetous Knight», безъ имени Ченстона, потомъ зачеркнулъ: «cavetous», и наконецъ поставилъ: «The cavetéous Knight», прибавилъ имя «Ченстона» и самую пьесу назвалъ: «Скупой рыцарь».— При самомъ печатаніи, онъ поправилъ нѣкоторые стихи. Такъ было: «А грудь ему не стоила двухъ ливровъ», «Терпѣлъ я долго — стыдъ бѣдности, нужду». Въ нынѣшнемъ изданіи мы поправили по тексту «Современника» пропуски въ трехъ стихахъ, сдѣланные г. Анненковымъ и не выправленные нами въ предыдущемъ изданіи.

Моцартъ и Сальери [стр. 323] — напеч. въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1832 г., съ подписью: «А. Пушкинъ»; затѣмъ въ особой брошюрѣ, заключающей всѣ стихотворенія поэта, помѣщенныя въ названномъ альманахѣ 1832 г., и перепеч. въ 3-й части «Сочиненій» 1832 г. и въ посмертномъ изд. безъ перемѣнъ. Въ рукописи пьеса первоначально была озаглавлена: «Зависть», а между бумагаги поэта сохранился клочекъ, оторванный отъ частной записки, на которомъ Пушкинъ записалъ: «Въ первое представленіе Донъ-Жуана, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистью. — Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ. [NB. Онъ умеръ въ маѣ 1825 г., слѣд. замѣтка писана около 1833 г.]. Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ, будто бы, въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта. — Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца».

Каменный гость [стр. 333], или Донъ-Гуанъ, по правописанію Пушкина, почти несомнѣнно, какъ полагаетъ г. Анненковъ, выведенъ на свѣтъ мыслію о Моцартѣ. Напечат. впервые въ 1-мъ томѣ «Ста русскихъ литераторовъ» 1839 г., съ означеніемъ: «4 ноября 1836» [вмѣсто 1830], а оттуда въ посмертномъ изданіи, но обѣ редакціи имѣютъ разницу между собой и съ рукописью. Вмѣсто пушкинскаго текста было: 1] въ 1-й сценѣ [стр. 334, стр. 10]:

«Меня онъ удалилъ въ мою же пользу,
Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго...» [Сто рус. лит.].
«Изъ милости ко мнѣ жъ, меня отсюда
Онъ выслалъ. Онъ хотѣлъ меня отъ мщенья
Семьи убитаго спасти...» [Посм. изд.].

2] Въ 3-й сценѣ [стр. 348, стр. 5]:

«При васъ мое моленье можетъ къ небу
Смиренно возноситься. Я прошу
И васъ свой голосъ съ нимъ соединить». [Сто рус. лит.].
«При васъ мои молитвы могутъ къ небу
Смиренно возноситься. Я прошу
И васъ соединить свой голосъ съ ними». [Посм. изд.].

3] Въ 4-й сценѣ [стр. 360, ст. 4 снизу]:

Когда бы я тебя обманывалъ,
Признался ль бы, сказалъ ли бы то имя,
Котораго не можешь ты и слышать. [Посм. изд.].

Кромѣ того въ посмертномъ изд. пропущена цѣлая строфа, хотя и написанная на отдѣльномъ листкѣ, но тѣмъ не менѣе попавшая въ «Сто русскихъ литераторовъ»; именно послѣ словъ: «Такъ это Донъ-Жуанъ?... Вы, говорятъ...» и пр. [стр. 360, строки 6—20].

Оба романса Лауры не были написаны и г. Анненковъ говоритъ, что вѣроятно это было оставлено до окончанія драмы, но прибавляетъ: «мы имѣемъ положительное убѣжденіе, что романсъ: «Я здѣсь, Инезилья», написанный вскорѣ послѣ драмы, назначенъ былъ для первой пѣсни Лауры». Вторую пѣсню, совсѣмъ ненаписанную, г. Анненковъ видитъ въ «Ночномъ Зефирѣ», тогда какъ вмѣсто того, чтобъ обращаться за восемь лѣтъ назадъ, къ 1824 году, кажется проще указать романсъ: «Предъ испанкой благородной», написанный одновременно съ Инезильей.

Пиръ во время чумы [стр. 363] — напеч. въ «Альціонѣ» на 1832 г. Это близкій переводъ 4-й сцены 1-го акта трехъ-актной трагедіи Уильсона: «Городъ Чумы» [The city of the Plague], но пѣсня Мери и пѣсня Президента принадлежатъ Пушкину [стр. 364 и 367].

Пью за здравіе Мери [стр. 371] — въ «Денницѣ» 1831 г. Свободное подражаніе пѣснѣ англійскаго поэта Barry Cornwall, равно какъ и слѣдующее стихотвореніе: «Я здѣсь, Инезилья» [стр. 372], не явившееся въ печати при жизни поэта и впервые данное «Матеріалами» г. Анненкова [стр. 312], хотя обѣ пѣсни написаны почти одновременно.

Предъ испанкой благородной [стр. 373] — въ посмертномъ изданіи, съ произвольнымъ заглавіемъ: «Романсъ».

Для береговъ отчизны дальной [стр. 373] — напеч. по смерти поэта въ «Утренней Зарѣ» 1841 г. и оттуда въ посмертномъ изданіи, тоже съ произвольнымъ заглавіемъ: «Разлука», котораго нѣтъ въ рукописи и въ альманахѣ. По словамъ г. Анненкова, стихотвореніе начиналось: «Для береговъ чужбины дальной ты покидала край родной», а въ первой черновой рукописи предпослѣдній стихъ еще читается: «А съ нимъ и поцѣлуй свиданья», т. е. ошибочно написано вм. «А съ ними. . .», но Пушкину ли или посм. изданію принадлежитъ поправка: «Исчезъ и поцѣлуй свиданья» — г. Анненковъ не сказалъ. Это стихотвореніе находится въ тѣсной связи съ стихотвореніями: «Подъ небомъ голубымъ» и «Заклинаніе».

Царскосельская статуя и три слѣдующія стихотворенія [стр. 374—375] напечатаны въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1832 г. подъ общимъ заглавіемъ: «Анѳологическія эпиграммы». Безъ этого заглавія и съ измѣненіемъ одного стиха въ «Риѳмѣ» [стр. 375, ст. 1: «...Ее приняла сама Мнемозина»], они вошли въ изд. 1832 г. и посмертное.

Герой [стр. 375] — впервые съ именемъ Пушкина напечатано послѣ его смерти въ «Современникѣ» 1837, № 5, куда было доставлено Погодинымъ при письмѣ: «Посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина: Герой. Кажется никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время холеры въ 1830 г., изъ нижегородской своей деревни, и вотъ что написалъ объ немъ: — «Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ, но прошу васъ и требую, именемъ нашей дружбы, не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ его, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанное».— Я напечаталъ стихи тогда въ «Телескопѣ» [1831, № 1, безъ подписи], и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ многозначительнаго: утѣшься! 29 сентября 1830, есть день прибытія государя императора въ Москву, во время холеры». Стихотвореніе и письмо къ Погодину написаны въ Болдинѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, помѣта же мѣста и числа подъ стихами объяснена выписанной замѣткой Погодина. Примѣчаніе изъ записокъ Бурьена—принадлежитъ редакціи «Современника».

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.